

ISSN 2500-1523 (Print)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

T. 17

№ 1

2025

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал
Mongolian Studies
(Elista)

2025. Т. 17. № 1

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)

Выходит 4 раза в год

Журнал «Монголоведение (Монгол судлал)» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76106 от 03.07.2019.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Издается с 2002 г.

Журнал «**Монголоведение**» — востоковедное издание историко-филологического направления. На страницах журнала освещаются вопросы истории, языка, фольклора и литературы монголоязычных народов, которые в основном проживают в Монголии, Китае и России. Публикуются материалы российских и зарубежных монголоведов: статьи, сообщения, комментированные переводы письменных памятников, устные нарративы с комментариями, рецензии, обзоры. Тематика журнала «Монголоведение» — история, этнология и антропология, источниковедение, языкознание, фольклористика, литературоведение.

Главная **цель** издания журнала — способствовать развитию академического монголоведения, имеющего более чем двухсотлетнюю историю, располагающего огромной источниковой базой и являющегося одним из важных и традиционных направлений востоковедения, а также развивать традиции, заложенные в российской монголоведной научной школе, и применять новые методы и приемы в исследовании актуальных проблем и вопросов монголоведения.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), включен в перечень рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология), языки, литература и фольклор монгольских народов

Подписной индекс: 39464

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Сайт: <https://mongoloved.kigiran.com/>

MONGOLIAN STUDIES

Published four times a year

The Mongolian Studies journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 3, 2019.

Certificate of registration III No. ФС77-76106.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Issued since 2002

The *Mongolian Studies* is an Orientalist journal focusing on historical and linguistic aspects. The articles published cover the questions of history, language, folklore, and literature of Mongolic peoples primarily residing in Mongolia, China, and Russia. Typologically, works authored by Russian and foreign Mongolists include as follows: scholarly articles, reports, commented translations of written monuments, commented oral narratives, reviews and surveys. The journal comprises a range of sections, such as History, Ethnology and Anthropology, Source Studies, Linguistics, Folkloristics, and Literary Studies.

The journal chiefly *aims* to facilitate further development of academic Mongolian studies as an important and traditional branch of Oriental studies in Russia that started over two centuries ago and are characterized by a widest source base. It also seeks to sustain research traditions of the Russian Mongolist school and apply new methods and techniques for the investigation of topical issues relating to Mongolian studies.

The journal publishes articles in Russian, Mongolian, Kalmyk and English.

The journal is issued four times a year.

The journal is indexed with Russian Science Citation Index, and is included in the list of peer-reviewed publications that publish key scientific results of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences theses.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies,
Ethnology and Anthropology);
Languages, Literature and Folklore of the Mongolian Peoples

+++

Subscription index in Russian Catalogue: 39464

Founding Institution, Editorial office, Publisher —

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Founding Institution, Editorial Board, Publisher's address:

8, Ilishkin St., Elista 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Web-site: <https://mongoloved.kigiran.com/>

Главный редактор
канд. филол. наук **В. В. Куканова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук **Э. П. Бакаева**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук **А. Алимаа**, Институт языка и литературы АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук **Б. В. Базаров**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

канд. филол. наук **А. Т. Баянова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста);

д-р филол. наук **А. Бирталан**, Университет ELTE (Венгрия, г. Будапешт);

д-р филол. наук **И. В. Булгутова**, Бурятский государственный университет
им. Д. Банзарова (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р филол. наук **Л. С. Дампилова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **С. В. Джундэжэзов**, Оренбургский государственный педагогический
университет (Россия, г. Оренбург);

д-р ист. наук **Н. Л. Жуковская**, Институт этнологии и антропологии РАН
(Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **Д. Н. Музраева**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р филол. наук **В. Н. Мушаев**, Калмыцкий государственный университет
им. Б. Б. Городовикова (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **Л. В. Курас**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО
РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **У. Б. Очиров**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **К. В. Орлова**, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **А. М. Плеханова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р филол. наук **Г. Ц. Пюрбеев**, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **К. Хамфри**, Кембриджский университет
(Великобритания, г. Кембридж);

д-р ист. наук **Н. Хишигт**, Институт истории и этнологии АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р филол. наук **А. Д. Цендина**, Институт восточных культур и античности РГГУ,
Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»,
Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р филол. наук **Р. М. Ханинова**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия,
г. Элиста);

канд. филол. наук **Г. М. Ярмаркина**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста).

Переводчик: Б. О. Номинханова
Верстка: А. Н. Когданов
Ответственный секретарь: И. Б. Манджиева

Editor-in-Chief:

V. V. Kukanova, Cand. Sc. (Philology) Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Elista, Russia)

Deputy Editor-in-Chief:

E. P. Bakaeva, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Russia, Elista)

Editorial Board:

- A. Alimaa**, Dr. Sc. (Philology), Institute of the Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- B. V. Bazarov**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- A. T. Bayanova**, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- A. Birtalan**, Dr. Sc. (Philology), ELTE University (Budapest, Hungary);
- I. V. Bulgutova**, Dr. Sc. (Philology), Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russia);
- L. S. Dampilova**, Dr. Sc. (Philology), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- S. V. Dzhundzhuzov**, Dr. Sc. (History), Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia);
- C. Humphrey**, Dr. Sc. (History), University of Cambridge (Cambridge, Britain);
- R. M. Khaninova**, Dr. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- N. Khishigt**, Dr. Sc. (History), Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- L. V. Kuras**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- V. N. Mushaev**, Dr. Sc. (Philology), Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russia);
- D. N. Muzraeva**, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- U. B. Ochirov**, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- K. V. Orlova**, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- A. M. Plekhanova**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- G. Ts. Pyurbeev**, Dr. Sc. (Philology), Institute of Linguistics RAS (Moscow, Russia);
- A. D. Tsendina**, Dr. Sc. (Philology), Russian State University for the Humanities, Professor, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- N. L. Zhukovskaya**, Dr. Sc. (History), Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia);
- G. M. Yarmarkina**, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia).

Translator: B. O. Nominkhanova

Page layout: A. N. Kogdanov

Executive Secretary: I. B. Mandzhieva

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Мкртумян Л. А., Магалян А. В.* Система правления монголов в Закавказье в середине XIII в. 8

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Балаян В. Р., Оганесян Л. Л., Балаян М. Г.* Армяно-монгольские отношения по материалам эпиграфических памятников восточных провинций Армении 21
- Каманджаев Н. А., Чумбаева А. С.* Письма наместника Калмыцкого ханства Дондук-Даши как источник по хозяйственной истории калмыков XVIII в. 32
- Кальмина Л. В., Курас Л. В.* «Монгольский вопрос» в газете «Восточное обозрение» в конце XIX в. 45
- Аюшеева М. В.* История монгольского буддизма в творчестве Г.-Ж. Дылыгырова 65
- Ванчикова Ц. П.* Юнхэгун: история и современность 78
- Бакаева Э. П.* Народные песни синьцзянских торгутов в записи Ц.-Д. Номинханова (1935 г.): специфика источника 95
- Бахчинян А. Г., Оганян С. Д., Петросян К. Р.* Авраам Константин д'Оссон (Мураджаян) — один из первых крупных европейских монголоведов 118

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

- Джагрунов С. В.* Цорос, чорос, багатуд: Барга-Батор и ойраты 130
- Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З.* Луна в традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов 154

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Ханинова Р. М.* Калмыцкая русскоязычная драматургия начала XXI в.: к истории вопроса 171

РЕЦЕНЗИИ

- Кринко Е. Ф., Кринко Е. В.* Рец. на: Максимов К. Н. Газета «Свободная земля» немецких оккупантов как образец нацистской пропаганды. М.: Наука, 2023. 254 с. 181

CONTENTS

GENERAL HISTORY

- Mkrtumyan L. A., Maghalyan A. V.* The Mongol System of Government in Transcaucasia in the Middle of the 13th Century 8

SOURCE STUDIES

- Balayan V. R., Oganesyanyan L. L., Balayan M. G.* Armenian-Mongolian Relations Based on Epigraphic Monuments of the Eastern Provinces of Armenia. 21
- Kamandzhaev N. A., Chumbaeva A. S.* Letters of the Viceroy of the Kalmyk Khanate Donduk-Dashi as a Source on the Economic History of the Kalmyks in the 18th Century. 32
- Kalmina L. V., Kuras L. V.* “Mongolian Issue” in Newspaper *The Eastern Review*, Late 19th Century 45
- Ayusheeva M. V.* The History of Mongolian Buddhism in G.-Zh. Dylgyrov’s Works 65
- Vanchikova Ts. P.* Yonghegong: History and Modernity 78
- Bakaeva E. P.* Folk Songs of the Torguts of Xinjiang Recorded by Ts.-D. Nominkhanov (1935): Specifics of the Source 95
- Bakhchinyan A. H., Ohanyan S. D., Petrosyan K. R.* Abraham Constantin d’Ohsson — one of Europe’s First Eminent Mongolists. 118

ETHNOLOGY AND ANTHROPOLOGY.

- Dzhagrunov S. V.* Tsoros, Choros, Bagatud: Barga Bator and Oirats 130
- Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z.* Moon in Traditional World View of Turkic and Mongolic Peoples 154

LITERARY STUDIES

- Khaninova R. M.* The Kalmyk Russian-Language Drama of the Early 21st Century: towards the history of the issue. 171

REVIEWS

- Krinko E. F., Krinko E. V.* Book Review: Maksimov K. N. The Newspaper “Svobodnaya Zemlya” of the German Occupiers as a Model of Nazi Propaganda. Moscow: Nauka, 2023. 254 p. 181

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 1, pp. 8–20, 2025
 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-8-20

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(517)

UDC 94(517)

DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-8-20

Система правления монголов в Закавказье в середине XIII в.

*Лерник Альбертович Мкртумян¹,
 Артак Владимирович Магальян^{2,3}*

The Mongol System of Government in Transcaucasia in the middle of the 13th Century

*Lernik A. Mkrtumyan¹,
 Artak V. Maghalyan^{2,3}*

¹ Армянский государственный экономический университет (д. 128, ул. Налбандяна, 0025 Ереван, Республика Армения)

кандидат исторических наук, доцент

¹ Armenian State University of Economics (128, Nalbandyan St., 0025 Yerevan, Republic of Armenia)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0009-0000-8049-1345. E-mail: [lmkrtumyan2571\[at\]gmail.com](mailto:lmkrtumyan2571[at]gmail.com)

² Институт истории Национальной академии наук Республики Армения (д. 24г, пр. Маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

² National Academy of Sciences, Institute of History and the (24g, Marshal Baghramian Av., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Cand. Sc. (History), Research Associate

³ Научно-исследовательский институт древних рукописей имени Месропа Маштоца (53, пр. Маштоца, 0019 Ереван, Республика Армения)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

³ Mesrop Mashtots Research Institute of Ancient Manuscripts (53, Mashtots Av., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0009-0001-7687-3460. E-mail: [artak_77\[at\]mail.ru](mailto:artak_77[at]mail.ru)

© КалмНИЦ РАН, 2025

© Мкртумян Л. А., Магальян А. В., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Mkrtumyan L. A., Maghalyan A. V., 2025

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются важные эпизоды социально-экономической и политической истории Закавказья после монгольского завоевания, которые имели решающее значение для дальнейшего исторического развития

Abstract. Introduction. This article analyzes major events in Transcaucasia's socio-economic or political history after the Mongol conquest, which had a crucial impact on the subsequent historical developments of this region. *Materials and methods.* The article

этого региона. *Материалы и методы.* Для анализа зачастую противоречивой и разрозненной информации в средневековых источниках в статье применяются историко-критические, историко-сравнительные и аналитические методы. *Результаты.* Заинтересованные в эффективной социально-экономической эксплуатации региона великие ханы, стремясь изменить состав военно-феодальной элиты, сложившейся в Закавказье и Иране после монгольского завоевания, пытались отобрать рычаги гражданского и финансового управления у нее. Аргун-ака, прибывший в Иран и Закавказье по поручению Гуюк-хана, нейтрализовав сопротивление группировки, возглавляемой Байдчу-нойоном, в 1254 г. провел перепись в целях установления нормы налогообложения. Эти важные изменения в управлении Ираном и Закавказьем сопровождались острой борьбой между великими ханами и имевшим притязания на этот регион предводителем улуса Джучи — Бату-ханом. Этот этап борьбы между великими ханами и улусом Джучи завершился компромиссом. Часть налогов с Закавказья должен был собирать баскак — представитель Бату-хана. В борьбу между двумя фракциями монгольской элиты была втянута и грузино-армянская феодальная знать Закавказья, которая, стремясь сохранить свои привилегии, примыкала то к одной, то к другой из вышеупомянутых враждующих сторон.

Ключевые слова: монголы, Закавказье, военно-административное управление, лашкар-тама, таммачи, даругачи, хаким, великий хан, Бату-хан

Для цитирования: Мкртумян Л. А., Магальян А. В. Система правления монголов в Закавказье в середине XIII в. // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 1. С. 8–20. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-8-20

employed historical-critical, historical-comparative, and analytical methodologies to analyze often contradictory and fragmented information in medieval sources. *Results.* Being interested in effective socio-economic exploitation of the region, the Great Khaans sought to make changes in the military-feudal elite squad that had formed in Transcaucasia and Iran after the Mongol conquest and to remove civil and financial powers from this elite. Arghun Aqa came to Iran or Transcaucasia as Güyük Khan's representative for neutralizing the resistance of the group led by Baiju Noyan and conducted a census in 1254 to establish taxation norms. These regional governance changes in Iran and Transcaucasia sparked a fierce conflict between the Great Khaans along with Batu Khan, who led the Ulus of Jochi to claim authority over the region. This stage of the struggle between the Great Khaans and the Ulus of Jochi resulted in compromise. The basqaq, a representative of Batu Khan, was to collect part of the taxes from Transcaucasia. The Georgian-Armenian feudal nobility of Transcaucasia was also drawn into the struggle between these two factions of the Mongol elite. Seeking to preserve their privileges, they aligned themselves with one or the other of the aforementioned warring parties.

Keywords: Mongols, Transcaucasia, military-administrative governance, lashkar-tama, tamachi, darughachi, hakim, Great Khan of the Mongol Empire, Batu Khan

For citation: Mkrtumyan L. A., Maghalyan A. V. The Mongol System of Government in Transcaucasia in the middle of the 13th Century. *Mongolian Studies (Elis-ta)*. 2025; 17(1): 8–20. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-8-20

1. Введение

Для цельного изучения периода монгольского владычества в Закавказье нужно иметь четкое представление об административно-экономической политике монголов в этом регионе. Без выяснения этой проблемы невозможно сделать объективное заключение о взаимоотношении монголов и закавказской, в частности армянской, знати и роли этой знати в ближневосточной политике монголов.

После захвата Закавказья и Армении, сопровождаемого грабежом и разрушением, в руках монголов были сконцентрированы огромные финансовые и экономические ресурсы. Для сохранения и расширения сформированной обширной державы были нужны новые и стабильные источники дохода. Для достижения этой цели монголы ввели в подконтрольных территориях, в том числе в Закавказье и Армении, государственную систему со стабильной административной, политической и экономической структурой. Финансово-налоговый компонент был важной частью этой системы. Этот развивающийся эволюционным путем компонент был адаптирован к различным условиям, сложившимся в отдельных регионах Монгольской империи.

После захвата Ирана и Закавказья в собранном командующим монгольской армией Чормаган-нойоном курултае этот регион был разделен на три части: *«одни из них взяли себя в удэль северных областей, другие — южные, а третьи — внутреннюю часть, которую они владѣют до сего времени»* [Магакия 1871: 11–12].

В этом сообщении инок Магакия под северными областями подразумевались территория Грузинского средневекового царства, состоящего из самой Грузии, принадлежащих княжескому роду Вахрамьянов областей Шамхор (территория нынешнего Шамкирского района Азербайджана), Гардман (территория нынешнего Гетабекского района Азербайджана) и Тавуш (территория нынешней Тавушской области Республики Армения), принадлежавших княжескому роду Закарян областей Вананд (территория нынешней провинции Карс Турецкой Республики), Лори (территория нынешней Лорийской области Республики Армения и южной части Марнеульского муниципалитета Республики Грузия), Араратская долина, а также находящиеся под вассальной зависимостью Закарян территории Орбелянов в Сюнике (в одноименной области Республики Армения и поместий Араншахиков в Арцахе (Карабах). Под южными областями Магакия имел в виду Иранский Азербайджан, а под внутренней частью следует подразумевать центральные и западные области Армении и Каппадокию.

Все грузинские и армянские земли были разделены на семь административных единиц — туманов [Картлис цховреба 2008: 353]. Название административных единиц — туман (от монг. *тумэн*) — свидетельствует о том, что их предводители, имеющие титул хакима или малика [Бабаян 1964: 120], были обязаны предоставить монголам вспомогательную армию численностью 10 тыс. человек.

В целях эффективной экономической эксплуатации региона был сформирован аппарат военно-административного управления, первым правителем которого стал Чормаган-нойон. В «Тайной истории монголов» говорится, что Чормаган в этом регионе был назначен Угедей-ханом (1229–1241) уполномоченным великого хана — таммачи¹ [The Secret History 1982: 214–215]. По сообщению Рашид ад-Дина, Угедей-хан отправил в этот край Чормагана в качестве лашкар-тамы² с 40-тысячным войском [Рашид ад-Дин 1952: 87–88]. Рашид ад-Дин утверждает, что под юрисдикцией Чормагана находились Грузия и принадлежавшие Закарянам территории северной Армении, Великая Армения (здесь южные и западные регионы Армении), а также Кавказская Албания и Персидский Азербайджан

¹ Этот термин, состоящий из китайского слова *тамна*, *тхамма* — войско и монгольского суффикса *-чи*, означает военачальник [Ostrowski 1998: 262].

² Это персидское словосочетание означает «командующий армией».

[Рашид ад-Дин 1952: 87–88]. Как правитель региона, Чормаган был наделен великим ханом абсолютной военной и гражданской властью. По свидетельству Киракоса Гандзакеци, судебная власть также была сосредоточена в руках Чормагана [Гандзакеци 1976: 174]. Обладателей высшей судебной власти, начиная с Чингис-хана (1206–1227), называли яргучи [Morgan 1982: 124–136].

По свидетельству историографа Ала-ад-Дина Джувейни, Угедей-хан назначил при Чормагане даругачи и баскаков¹ [Джувейни 2004: 343]. Даругачи и баскаки, будучи подчиненными таммачи, управляли провинциями. В их компетенции был сбор налогов. Они же отвечали за набор войск среди местного населения. В армянских источниках они называются востиканами [Гандзакеци 1976: 221].

Цель данной статьи — рассмотреть систему правления монголов в Закавказье в середине XIII в. Для анализа зачастую противоречивой и разрозненной информации в средневековых источниках в статье применяются историко-критические, историко-сравнительные и аналитические методы.

2. Борьба между Великими ханами и Бату за контроль над ближневосточным регионом

Перед своей смертью Чингис-хан передал контроль над завоеванными территориями своим сыновьям. Хотя территории к западу от Иртыша, Аральского моря и реки Амударья были отданы старшему сыну Чингис-хана Джучи и его потомкам, однако Иран, Грузия и Армения не вошли в состав улуса Джучи. Они остались под властью непосредственно подчинявшихся великому хану нойонов, под командованием которых были завоеваны эти страны.

Сын Джучи, Бату-хан, не отказался от своих прав на эту богатую территорию. В 1233 г. ему удалось вывести Хорасан и Мазандаран из-под власти Чормагана и передать эти страны своему представителю Чин-Темур [Джувейни 2004: 346]. После смерти Чин-Темура в 1236 г. Угедей-хан вернул эти провинции Чормагану, а в подчиненном последнему регионе был назначен на должность даругачи Коргуз [Джувейни 2004: 356]. В рамках этой борьбы необходимо рассмотреть последующие после смерти Угедея увольнение и казнь Коргуза. Противостоявшая Бату регентша монгольской державы, вдова Угэдэя Дёрегенэ-хатун, назначила Аргун-аку новым даругачи. Аргун встретил враждебное отношение Байджу и его сторонников, заменивших в Тебризе парализованного Чормагана [Jakson 1978: 216–219].

Мнения специалистов о политической ориентации Байджу неоднозначны. По утверждению британского историка П. Джексона, только при активной поддержке Бату-хана Байджу удалось сменить недееспособного Чормагана на посту таммачи [Jakson 1978: 216–219]. Вопреки этому, российский историк Р. Ю. Почекаев утверждает, что отношения между Бату-ханом и Байджу-нойоном были враждебными [Почекаев 2006: 178–182]. Сопоставление фактов, на наш взгляд, подтверждает мнение П. Джексона. Ала-ад-Дин Джувейни сообщает, что по приказу противника Бату, великого хана Гуюка (1246–1248), Аргун даругачи лишил финансовых и экономических рычагов Байджу и его родственников, *«которые считали эти земли своей собственностью. Он взял под свою охрану доходы от этих земель и заставил тех людей убрать от них руки»* [Джувейни

¹ Монгольское слово *даругачи* и тюркское *баскак* являются синонимами и в буквальном переводе означают «прижимать, запечатывать документ» [Маслова 2014: 80].

2004: 363]. Аргун запретил баскаку, представителю улуса Джучи, собирать налоги от имени Бату-хана. Он также прекратил полномочия представителей других чингисидов. Этими шагами Аргуну удалось завоевать доверие Гуюка, который не только подтвердил полномочия Аргуна, но и расширил их [Джувеини 2004: 363–364]. К вышеизложенному необходимо добавить свидетельство Рашид ад-Дина, согласно которому Байджу вместе с военачальниками, входившими в клан Джучи, был казнен по приказу Хулагу [Рашид ад-Дин 1946: 181–182].

Сторонники Бату-хана настроили против Аргуна баскака Тебриза Менгу-Болада, находившегося под покровительством управляющего делами хана Гуюка Кадак-нойона. Аргуну пришлось бежать, надеясь снова заручиться поддержкой Гуюка. В апреле 1248 г. в Таласе¹ Аргун узнал о смерти Гуюка. Об этом ему сообщил Эльджигидей, который по приказу Гуюка собирался заменить на посту таммачи Байджу-нойона [Джувеини 2004: 364].

Борьба за власть, начавшаяся после смерти Гуюка, завершилась в 1251 г. выбором Мунке-хана (1251–1259). После восшествия последнего на престол Эльджигидей, на службе у которого находился Аргун, был казнен [Тизенгаузен 1884: 244–245; Джувеини 2004: 426]. Но Аргуну удалось завоевать доверие Мунке и восстановиться на прежней должности [Джувеини 2004: 432].

После завоевания Закавказья на подвластные монголам армянские и грузинские земли была наложена дань в размере сорока тысяч иперпирионов² [Плано Карпини 2022: 156].

В 1252 г. на курултае Бату-хану удалось получить частичный контроль над ближневосточным регионом: от одной трети до одной пятой налоговых сборов от этого региона отданы были улусу Джучи [Jakson 1978: 220]. По свидетельству Киракоса Гандзакеци, «в 703 (1254) году армянского летосчисления Мангу-хан и великий военачальник Батый послали востикана по имени Аргун (получившего еще повелением Гиуг-хана должность главного сборщика царских податей в покоренных странах) и еще одного начальника из рода Батыя, которого звали Тора-ага, с множеством сопровождающих их лиц провести перепись всех племен, находившихся под их властью» [Гандзакеци 1976: 221]. Ала-ад-Дин Джувеини также свидетельствует, что руководителем налоговой службы-улуг битикчи был назначен представитель Бату-хана, Ходжа Наджм ад-Дин [Джувеини 2004: 374].

3. Внедрение прогрессивной подушной подати в 1254 г.

В мае 1252 г. Мунке-хан поручил Аргуну провести перепись и последующие налоговые реформы [Джувеини 2004: 374]. После окончания переписи населения, проведенной в Закавказье и Армении в 1254 г., было решено ввести в подвластных монголам Иране, Закавказье и Армении подушный налог (купчур). Инок Магакия свидетельствует: «По повелению Мангу-хана прибыль в нашу страну татарский начальник по имени Аргунъ и произвел перепись въ странъ восточной- съ цѣлью взыскать на будущее время подати по числу головъ вписанных в Давтаръ. И разорили они восточную страну еще болѣе тѣм, что въ малѣйшей деревнѣ насчитывали отъ 30 до 50 человекъ, начиная съ 15 лѣтнихъ и кончая 60 лѣтними» [Магакия 1871: 23–24]. По словам Кира-

¹ Нынешний город Тараз на юге современного Казахстана.

² Византийская золотая монета весом 4,1 гр [Grierson 1999: 11].

коса Гандзакеци, нижний возрастной предел для мужчин налогоплательщиков составлял 10 лет [Гандзакеци 1976: 221].

По данным армянского историка Я. Манандяна, в Персии был установлен налог в размере от одного до семи динаров в зависимости от возможностей налогоплательщика [Манандян 1977: 288]. Для определения суммы налога, взимавшегося в северо-западной Армении, находящейся в составе Грузинского царства, Я. Манандян опирается на информацию, предоставленную иноком Магакией: *«И съ каждой головы попавшей въ запись, брали по 60 белыхъ»* [Магакия 1871: 24]. Однако Ала-ад-Дин Джувейни, который, будучи секретарем Аргуна, был хорошо информирован и является надежным источником, отмечает: *«Он [Аргун. — Л. М., А. М.] отправился в Грузию, где начал проводить перепись и делить население на тысячи. Первый раз купчур был установлен в семьдесят динаров с десяти человек»* [Джувейни 2004: 375]. Другими словами, в Закавказье, а не в Иране был установлен фиксированный налог семь золотых динаров в год с каждого налогоплательщика, а не от одного до семи динаров, как утверждает Я. Манандян.

По словам Ала-ад-Дина Джувейни, после проведенной в Закавказье переписи населения было решено взимать подушный налог в соответствии с доходом. Сначала Аргун намеревался установить нижний порог суммы налога в 10 динаров, затем, исходя из предположения, что бедняки не смогут выплатить эту сумму, *«был отдан приказ установить предельную величину купчура в пятьсот динаров для богачей, снижая его постепенно до одного динара для бедняков»* [Джувейни 2004: 375]. Эту информацию Ала-ад-Дин Джувейни подтверждает летописец-аноним (Жамтаагмцерели): *«установили (размеръ) подношении от одного селения для предводителя тысячи всадников одного ягненка и один драхкан¹ а для главаря бавра [тумана]-одного барана и два драхкана»* [Картлис цховреба 2008: 363].

Упомянутый Ала-ад-Дин Джувейни и грузинским летописцем-анонимом золотой динар или драхкан весил 2,8 гр [Бартольд 1968: 493], а белый, упомянутый иноком Магакия, представлял собою грузинскую средневековую серебряную монету-тетри (в переводе с грузинского «белый»), весившую 2,5–2,7 гр [Bennett 2020: 48]. Британский ученый Джордж Лейн [Lane 1999: 467], который ссылается на приведенные выше сведения инок Магакии, допускает ошибку, отождествляя белый с поздневизантийским аспроном (в переводе с греческого «белый»), который представлял собой смесь меди и двух процентов серебра и весил 4,5 гр [Grierson 1999: 44].

Руководствуясь расчетами Я. Манандяна, по которым соотношение стоимости золота и серебра в рассматриваемый период составляло один к десяти [Манандян 1977: 301], следует заключить, что сборщики налогов Аргуна, злоупотребляя своими полномочиями, собирали подушный налог примерно в пять раз выше установленного нижнего предела.

Налоговыми реформами Аргуна был установлен «тамга» — трехпроцентный налог от прибыли для горожан-торговцев и ремесленников: *«Из вырученных в Тбилиси сто тетри три тетри откладывались для хана»* [Картлис цховреба 2008: 364].

По закону, установленному Мунке-ханом, христианские и мусульманские священнослужители были освобождены от налоговых повинностей [Джувейни

¹ В армянских источниках дахекан или золотой динар [Манандян 1981: 129].

2004: 434]. Однако это положение закона неоднократно нарушалось. По свидетельству Киракоса Гандзакеци, князь карабахской провинции Хачен Хасан Джалал-Дола Араншагик, предположительно, в 1248–1251 гг., в то время, когда трон великого хана в Каракоруме был «вакантным», отправился к Бату-хану: «[Хасан. — Л. М., А. М.] получил также на имя владыки Нерсеса, католикоса агванского, грамоту об освобождении [от налогов. — Л. М., А. М.] всего его имущества и доходов, чтобы был он свободен и не платил податей, смело странствовал повсюду в подвластных ему уделах и никто чтобы не прекословил ему» [Гандзакеци 1976: 219]. В начале своего правления князь Сюника Смбат Орбелян также получил от Мунке-хана грамоту, подтверждающую налоговый иммунитет Армянской церкви: «И получил грамоту, освобождающую все армянские церкви и всех священников» [Орбелян 1910: 411]. Тот же Мунке в 1254 г., приняв короля Киликийского армянского царства Хетума I (1226–1270), «пожаловал ему также грамоту, освобождавшую повсеместно церкви от податей» [Гандзакеци: 1976: 224].

После проведения переписи населения на Ближнем Востоке Байджу-нойон и поддерживавшая его монгольская военно-политическая элита были лишены рычагов гражданской власти, перешедшей к Аргуну, которого Степанос Орбелян называет: «назначенным великим ханом над всей страной везиром и баскаком, то есть командующим над всеми и управляющим великим диваном и сборщиком государственных налогов» [Орбелян 1910: 412]. Резиденцией Аргуна был Тифлис [Орбелян 1910: 412]. Подчинявшиеся Аргуну налоговые инспекторы, резиденции которых находились в небольших городах, назывались «шахна» [Магакия 1871: 17].

4. Перемещения в армянской элите

Перепись, проведенная в середине XIII в. на всей территории Монгольской империи, имела решающее значение для дальнейшего политического и социально-экономического развития завоеванных стран, а также для судеб Армении и всего армянского народа.

После монгольского вторжения Ваграм Гагеци, Аваг, Шахиншах Закарьяны и их вассалы — князь Внутреннего Хачена Гасан-Джалал Дола, князь Сюника Эликум Орбелян подчинились монголам: «Тогда только мудрые князья армянские и грузинские узнали, что Господь даровал татарам силу и победу над страной нашей. Потому они смирились и подчинились имъ: согласились платить имъ дань известую подъ именемъ малъ и тагаръ и каждый съ известнымъ числомъ всадниковъ, смотря по состоянію вступилъ къ нимъ въ халанъ» [Магакия 1871: 9]. В цитируемом тексте мал — это налог, который взимался за пользование землей [Тизенгаузен 1941: 302], а тагар — это налог для обеспечения войск продовольствием [Тизенгаузен 1941: 107, 136, 149], а халан, судя по тексту, — обязательство несения военной службы. После переписи численность войск, набираемых с армянских и грузинских земель, увеличилась с 70 до 90 тысяч человек: «И вышло из царства Давида девять туманов всадников, сопутствующих татарам» [Картлис цховреба 2008: 363].

Британский ученый У. Аллен отмечает, что на Ближнем Востоке политика монголов по отношению к подвластным народам и государствам носила двойственный характер. После включения в орбиту Монгольской империи

Грузия и Румский султанат сельджуков пытались сохранить свой суверенитет, опираясь на поддержку Бату-хана, который оспаривал власть великих ханов в Закавказье. Киликийское армянское государство и князя самой Армении, напротив, признали власть представителей великих ханов — Чормагана, а затем нойона Бачу, благодаря которым они не только сохранили свои прежние позиции, но и расширили их: Киликийское армянское государство за счет Румского султаната, а армянские княжеские дома Араншахигов, Орбелянов и Прошьянов за счет Закарянов, представлявших Грузинский королевский двор [Allen 2023: 113].

Чтобы предотвратить намерение Бачу отменить грузинскую автономию, царица Русудан (1223–1245) обратилась к Бату-хану и с его помощью вернулась со своим сыном из Имерети в Тифлис.

В ответ Бачу провозгласил грузинским царем своего кандидата Давида Улу (1247–1270), сына Георгия IV Лаши (1213–1223). После этого в 1246 г. великий хан Гуюк разделил Грузию на два царства [Allen 2023: 113].

В рамках этой политики князья Гасан-Джалал Дола и Смбат Орбелян были выведены из подчинения Закарянов — представителей грузинского престола, а их владения, получив статус инджу, были преобразованы в отдельные туманы [Бабаян 1964: 235–236; Bayarsaikhan 2011: 75].

Владельцы доменов, получивших такой статус, подчинялись непосредственно монгольскому хану. Налог, собираемый с земель, имеющих статус инджу, не шел в государственную казну, а предоставлялся хану или членам его семьи. При этом налог с владений, получивших статус инджу, взимался не должностным лицом, собирающим налоги, а их непосредственным владельцем [История Грузии 1962: 120–125].

В рамках упомянутого выше конфликта Гуюк-хана с Бату следует рассмотреть действия Аргуна и его баскака Сарик-Буги в Закавказье [Джувейни 2004: 372]. Насилие, которое имело место против *«благочестивого князя Гасана, называемого Джалалом. Тот [Буга. — Л. М., А. М.] схватил его при Великом дворе и в присутствии всей знати подверг разнообразным пыткам, разрушил неприступные крепости его — ту, что по-персидски называли Хоханабердом, Дэд, Тциранакар и другие его замки. И так сровнял их с землей, что даже следа не осталось, будто вовсе и не было там никогда построек. И, отдав [Буге. — Л. М., А. М.] много золота и серебра, [князь Джалал. — Л. М., А. М.] еле спасся от смерти; и высокие сановники [татарские. — Л. М., А. М.] не могли ничем помочь ему, такой ужас нагнал [Буга. — Л. М., А. М.] на всех»* [Гандзакеци 1976: 194]. Чтобы положить конец этим насилиям, Хасан-Джалал был вынужден, как уже упоминалось выше, в 1248–1251 гг. предстать перед Бату-ханом: *«[Тот. — Л. М., А. М.] оказал ему высокие почести и вернул ему его вотчины — Чараберд, Акану и Каркар, отнятые раньше у него тюрками и грузинами»* [Гандзакеци 1976: 219]. Однако и после этого Хасан-Джалал не смог избежать преследований Аргуна, что заставило хаченского князя в 1255 г. в сопровождении Сартаха, сына покойного Бату-хана, отправиться в Каракорум и искать поддержки у великого хана Мунке: *«благочестивый ишхан хаченский Джалал, который отправился к властелину вселенной рассказать о бедствии своем, причиной которого был востикан Аргун, о том, что едва избежал смерти [от руки последнего. — Л. М., А. М.] по подстрекательству мусульман. [Сартах. — Л. М., А. М.] пожаловал ему грамоту, подтверждающую*

его владельческие права над княжеством, без страха перед кем бы то ни было, ибо любил его за христианское [смирение. — Л. М., А. М.] — ведь сам он был тоже христианин» [Гандзакеци 1976: 226].

В 1251 г. в Каракорум прибыл Смбат Орбелян, которого подозревали в поддержке восстания 1249 г. грузинского царя Давида VI Нарина [Григорян 1990: 91]. Смбат был оправдан, и Мунке объявил владения Орбелянов автономной политической единицей. Смбат стал подотчетным только перед великим ханом. В связи с этим Мунке заявил: *«этого христианина мы оставим в услужении только нам и не позволим кому-то другому властвовать над ним. И его владения объявили инджу, то есть государевыми. И изъяли имя Смбата из всех налоговых реестров Грузии»* [Орбелян 1910: 409].

Изменение статуса Хасан-Джалала и Смбата Орбеляна было обусловлено изменением в титулатуре этих князей. В ктиторской надписи монастыря Гандзасар Хасан Джалал-Дола провозглашает себя: *«державный правитель высокой и великой Арцахской страны»* [Свод, V 1982: 38], а Смбат Орбелян назван царем в надписи церкви Святой Богородицы Каркопского монастыря близ села Хачик Вайоцзорского марза Республики Армения [Свод, III 1967: 207].

Недовольные деятельностью Аргуна некоторые представители монгольской элиты, в том числе Джамал ад-Дин Хас-Хаджиб и Севиндж-бей, сумели провести проверку финансово-хозяйственной деятельности Аргуна и обвинить последнего в хищении имущества налогоплательщиков, злоупотреблениях и мошенничестве. В 1256 г. судом в Каракоруме Аргун был признан невиновным. Оправданию способствовали также ложные показания, данные в пользу Аргуна Смбатом Орбеляном. В сопровождении своего спасителя Смбата Аргун вернулся в Закавказье и начал жестоко мстить своим противникам [Джувейни 2004: 373; Орбелян 1910: 413].

В 1256 г., после концентрации власти в регионе в руках брата Мунке — Хулагу-хана (1256–1265), положение всех слоев местного населения еще больше ухудшилось. Масштабные и дорогостоящие военные операции, спланированные и проведенные Хулагу, привели к резкому увеличению налогового бремени. По свидетельству Киракоса Гандзакеци, для нужд армии взимался непосильный тагар. *«И наряду со многими другими [повинностями. — Л. М., А. М.], наложенными Аргуном, — малом и ханчуром — пришел приказ Хулагу о взыскании повинности с каждой души, которую называли тагаром, что и было внесено в казенные списки. [В уплату его. — Л. М., А. М.] требовали сто литров пшеницы, пятьдесят литров вина, два литра очищенного и неочищенного риса, три мешка, две веревки, одну монету, одну стрелу, одну подкову, не считая иных взяток. С двадцати голов скота — одну голову и двадцать монет, а у кого не было [скота. — Л. М., А. М.], отбирали по [их. — Л. М., А. М.] требованию сыновей и дочерей. И так была притеснена и страдала вся страна»* [Гандзакеци 1976: 227]. По подсчетам Я. Манандяна, с каждого налогоплательщика взималось сорок килограммов пшеницы, двадцать литров вина, около одного килограмма риса, одна двадцатая часть скота и двадцать серебряных драхм весом около пятидесяти граммов [Манандян 1977: 289].

Хулагу применил новую систему воинской повинности: двадцать процентов мужчин, способных носить оружие, должны были быть призваны в армию: *«Гулаву-ханъ приказалъ собрать по два челоуѣка изъ каждого десятка»* [Магакия 1871: 38].

Вышеуказанное, а также тяжелые потери армяно-грузинских воинских частей, сражавшихся во время боевых действий в авангарде монгольских войск, побудили армянскую и грузинскую знать во главе с царями Давидом VI Нарином и Давидом VII Улу поднять восстание.

В 1259 г. восстал Давид Нарин. Однако, посчитав силы неравными, он бежал в Западную Грузию: *«Меж тем грузинский царь Давид, сын Лаши, бывший в подчинении у татар, устал, утомился от множества податей, которые ложились невыносимым гнетом на него, князей и всю страну, но они не могли от них избавиться. Он оставил свой город Тифлис, престол и все, что у него было, и бежал в глубь Абхазии, в твердыни Сванетии. Вместе с ним бежали и высокопоставленные князья — владетели областей, притесняемые и угнетенные, продавшие и заложившие города и области свои, так и не сумевшие насытить ненасытных, подобных злым пиявкам [татар. — Л. М., А. М.]»* [Гандзакеци 1976: 234]. В 1260 г. восстал Давид Улу. Причиной восстания стал его отказ присоединиться к монгольскому войску в походе на Египет. В том же году поражение в битве при Ахалдаби между 20-тысячным монгольским войском во главе с Аргунем и 8-тысячной грузинской армией заставило Давида Улу искать убежище у своего родственника Давида Нарина в Имерети [Очерки 2002: 364–365].

Аргун использовал это восстание, чтобы грабить и сводить счеты со своими противниками: *«но задумал в душе козни: якобы из-за долгов и дани захватил и заковал в цепи грузинскую царицу Гонцу и дочь ее Хошак, великого ишхана Шахиншаха, владетеля хаченского Джалала Гасана и многих других, отобрал у них большие деньги, и те еле спаслись от смерти»* [Гандзакеци 1976: 234].

Побудительной причиной насилия над некоторыми представителями высшего армянского аристократического сословия стала личная месть. Хасан-Джалал Дола, информировавший Бату-хана и Мунке хана о беззакониях Аргуна, лишенный покровительства после их смерти, стал жертвой мести Аргуна: *«А благочестивого и добродетельного ишхана Джалала он мучил неимоверными пытками, требуя у него податей свыше всяких возможностей. На шею ему проделал деревянную колоду, а ноги заковали в железо. И делал он это из-за чрезмерного христианского усердия его (Джалала), поскольку все мусульмане ненавидели его и подговаривали Аргуна убить его, твердя: „Он — самый главный враг нашей религии и веры. Ибо Аргун тоже был мусульманской веры“»* [Гандзакеци 1976: 235]. Дочь Хасан-Джалала Рузукан, которая была замужем за сыном Чормагана Бора-нойоном, чтобы освободить отца, обратилась к жене Хулагу-хана — Тогуз-хатун [Гандзакеци 1976: 235]. Узнав об этом, Аргун приказал убить Хасан-Джалала: *«Въ 710 — 1261 году князь князей, царственный Джалалъ, в слѣдствие горьких мучѣний скончался смѣртью Христа и Его мучѣников, оклеветанный Татчиками, обвиненный и преданный Архуну. Его отвѣли въ Татчкастанъ въ город Хазвинъ и там ночью убили его, рассѣкая все члены его по суставамъ»* [Вардан Великий 1861: 187].

Питающий неприязнь и ненависть к Гонце Смбаг Орбелян при поддержке Аргуна добился согласия Хулагу и утопил царицу [Орбелян 1910: 418].

Сын Шахиншаха Закарьяна, Закарэ, которого обвинили в тайных связях с военачальником Давида Улу Саргисом Джагели, также был казнен. Не выдержав вести о смерти сына, Шахиншах умер [Гандзакеци 1976: 236].

5. Заключение

Восстание 1259–1261 гг. привело к новым перестановкам в феодальной элите Закавказья. После смерти Авага и Шахиншаха ослабленные Закаряны были оттеснены на второй план. Ветвь Закарянов — Ваграмяны — была сильно ослаблена. Последние сведения об этом княжеском доме датируются 1284 г. [Шахназарян 1983: 26–41]. После смерти Хасан-Джалала Дола то же самое произошло с княжеским домом Неркин Хачена. В отличие от него князь Смбат, возглавлявший дом Орбеянов, сумел присоединить к своему домену нынешнюю область Вайоц Дзор Республики Армения, регион Веди Араратского марза и регион Мартуни Гегаркуникского марза. Правитель Махканаберда Садун Арцруни, заручившийся поддержкой царя Давида Улу и Хулагу-хана, взяв под опеку дочь Авага Закаряна — Хошак, смог установить контроль над владениями Авага [Меликсет-Бек 1936: 58–59].

Источники

Sources

Вардан Великий 1861 — Всеобщая история Вардана Великого. Перевел Н. Эмин. М.: тип. Лазаревского института восточных языков, 1861. 218 с. Гандзакеци 1976 — <i>Киракос Гандзакети</i>. История Армении / пер. с древнеармян., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. М.: Наука, 1976. 357 с. Джувейни 2004 — <i>Ала-ад-Дин Ата-Мелик Джувейни</i>. Чингисхан. История завоевания мира. М.: Магистр-пресс, 2004. 689 с. Картлис цховреба 2008 — Картлис цховреба. Тбилиси: Ардануджи, 2008. 454 с. Магакия 1871 — История монголов инока Магакии XIII века, перевод и объяснения К. П. Патканова. СПб.: Академия наук, 1871. 106 с. Орбеян 1910 — История области Сисакан, сочиненная Степаносом Орбеяном, архиепископом Сюнеци. Тифлис: Изд. Аганяна. 1910. 619 с. (На древнеарм. яз.) Плано Карпини 2022 — <i>Иоанн де Плано Карпини</i>. История монголов. М.: Вост. лит., 2022. 383 с. Рашид ад-Дин 1946 — <i>Рашид ад-Дин</i>. Сборник летописей. Т. III. М.; Л.: АН СССР, 1946. 340 с. Рашид ад-Дин 1952 — <i>Рашид ад-Дин</i>. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / пер. с перс. Л. А. Хетагурова; ред. и примеч. проф. А. А. Семенова; отв. ред. С. П. Толстов. М.; Л.: АН СССР, 1952. 222 с.	General History of Vardan the Great. N. Emin (trans). M: Lazarev Institute of Oriental Languages, 1861. 218 p. (In Russ.) Gandzaketsi Kirakos. History of Armenia. L. Khanlaryan (trans., pref., comm.) M: Nauka, 1976. 357 p. (In Russ.) Ala ad-Din Ata Malik Juvayni. Genghis Khan: the History of the World Conqueror. M.: Magister-press, 2004. 700 p. (In Russ.) Kartlis Tskhovreba. Tbilisi: Ardanudji, 2008. 454 p. (In Russ.) History of the Mongols by the Monk Magakia of the 13th century. K. Patkanov (trans. and expl.). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1871. 106 p. (In Russ.) History of the Province of Sisakan, Stepanos Orbelyan, Archbishop of Syunik (comp.). Tiflis: ed. Aganyan. 1910. 619 p. (In ancient Armenian language) Ioan de Plano Carpini. History of the Mongols. M: Vostochnaya Literatura, 2022. 383 p. (In Russ.) Rashid ad-Din. Compendium of Chronicles. Vol. 3. M.; L.: Academy of Sciences of the USSR, 1946. 340 p. (In Russ.) Rashid ad-Din. Compendium of Chronicles. Vol. 1. Book 1. M., L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1952. 222 p. (In Russ.)

- Свод, III 1967 — Свод армянских надписей. Вайотц дзор / сост. С. Г. Бархударян. Вып. III. Ереван: АН АрмССР, 1967. 428 с. (На арм. яз.)
- Свод, V 1982 — Свод армянских надписей. Арцах / сост. С. Г. Бархударян. Вып. V. Ереван: АН АрмССР, 1982. 248 с. (На арм. яз.)
- The Secret History 1982 — The Secret History of the Mongols. Provided with an exegetical Commentary by Francis Woodman Cleaves. London: Published for the Harvard-Yenching Institute, 1982. 279 p. (In Eng.)
- Corpus of Armenian Inscriptions, Vayots Dzor. S. Barkhudaryan (comp.). No. 3. Yerevan: Academy of Sciences of the Arm SSR, 1967. 428 p. (In Arm.)
- Corpus of Armenian Inscriptions. Artsakh. S. Barkhudaryan (comp.). No. 4. Yerevan: Academy of Sciences of the Arm SSR, 1982. 347 p. (In Arm.)
- The Secret History of the Mongols. Francis Woodman Cleaves (comm.). London: Harvard-Yenching Institute, 1982. 279 p. (In Eng.)

Литература

- Бабаян 1964 — *Бабаян Л. О.* Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV вв. Ереван: Айпетхрат, 1964. 598 с. (На арм. яз.)
- Бартольд 1968 — *Бартольд В. В.* Сочинения. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. Т. V. М.: изд. Наука, 1968. 759 с.
- Григорян 1990 — *Григорян Г. М.* Очерки истории Сюника IX–XV вв. Ереван: АН АрмССР, 1990. 391 с.
- История Грузии 1962 — История Грузии с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Тбилиси: Изд-во уч.-пед. лит., 1962. 254 с.
- Манандян 1977 — *Манандян Я. А.* Труды. Т. III. Ереван: АН АрмССР, 1977. 507 с. (На арм. яз.)
- Манандян 1981 — *Манандян Я. А.* Труды. Т. IV. Ереван: АН АрмССР, 1981. 519 с. (На арм. яз.)
- Маслова 2014 — *Маслова С. А.* Монгольская администрация на завоеванных землях: даруга и баскаки // Исторический вестник. Монгольские завоевания и Русь. 2014. Т. 10. С. 80–109.
- Меликсет-Бек 1936 — *Меликсет-Бек Л. М.* Грузинские источники об Армении и армянах. Ереван: Изд. фонда Мелконяна, 1936. 270 с. (На арм. яз.)
- Очерки 2002 — Очерки истории Грузии. Грузия в XI–XV веках. Т. III. Тбилиси: изд. Мецниереба, 2002. 564 с.

References

- Babayan L. H. The Social-Economic and Political History of Armenia in the 13th–14th Centuries. Yerevan: Haypethrat, 1964. 598 p. (In Arm.)
- Bartold V. V. Works on the History and Philology of the Turkic and Mongolian Peoples. Vol. V. Moscow: Nauka, 1968. 759 p. (In Russ.)
- Grigoryan G. M. Historical Sketches on the History of Syunik in the 9th–15th Centuries. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1990. 391 p. (In Russ.)
- History of Georgia from Ancient Times to the 60s of the 20th Century. Tbilisi: Educational and Pedagogical Literature, 1962. 254 p. (In Russ.)
- Manandyan Ya. A. Works. Vol. 3. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1977. 507 p. (In Arm.)
- Manandyan Ya. A. Works. Vol. 4. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1981. 519 p. (In Arm.)
- Maslova S. A. The Mongol Administration of the Conquered Lands: Darucas and Basqaqs. *Istoricheskiy Vestnik*. 2014. Vol. 10. Pp. 80–109. (In Russ.)
- Melikset-Bek L. M. Georgian Sources on Armenia and the Armenians. Yerevan: Melkonyan Foundation, 1936. 270 p. (In Arm.)
- Sketches on the History of Georgia, Georgia in the 11th–15th Centuries. Vol. 3. Tbilisi: Metzniereba, 2002. 564 p. (In Russ.)

- Почекаев 2006 — *Почекаев Р. Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. М: Евразия, 2006. 351 с.
- Почекаев R. Yu. Batu. Khan who Was not a Khan. M: Eurasia, 2006. 351 p. (In Russ.)
- Тизенгаузен 1884 — *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Т. 1. СПб.: Тип. ИАН, 1884. 564 с.
- Tiesenhausen V. G. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde, based on Arab Sources. Vol. 2. St. Petersburg: Stroganov Publishing House, 1884. 564 p. (In Russ.)
- Тизенгаузен 1941 — *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л.: АН СССР, 1941. 308 с.
- Tiesenhausen V. G. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde, based on Arab Sources. Vol. 2. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1941. 308 p. (In Russ.)
- Шахназарян 1983 — *Шахназарян А. И.* Княжество Ваграмидов во времена владычества Монголов // Вестник общественных наук. 1983. № 12. С. 26–41. (На арм. яз.)
- Shahnazaryan A. I. Power of the Vahramians under the Domination of Mongols. *Herald of the Social Science*. 1983. No. 12. Pp. 26–41. (In Arm.)
- Allen 2023 — *Allen W. E.* A History of the Georgian People. Milton Park: Routledge, 2023. 492 p.
- Allen W. E. A History of the Georgian People. Milton Park: Routledge, 2023. 432 p. (In Eng.)
- Bayarsaikhan 2011 — *Bayarsaikhan D.* The Mongols and the Armenians (1220–1335), Boston: Brill's Inner Asian library, 2011. 288 p.
- Bayarsaikhan D. The Mongols and the Armenians (1220–1335). Boston: Brill's Inner Asian Library, 2011. 288 p. (In Eng.)
- Bennett 2020 — *Bennett K.* The Tiflis Dirhams of Möngke Khān (Numismatic Notes and Monographs). New York: American Numismatic Society, 2020. 188 p.
- Bennett K. The Tiflis Dirhams of Möngke Khān (Numismatic Notes and Monographs). New York: American Numismatic Society, 2020. 188 p. (In Russ.)
- Grierson 1999 — *Grierson Ph.* Byzantine coinage. Washington: Published House Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1999. 76 p.
- Grierson Ph. Byzantine Coinage. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1999. 76 p. (In Eng.)
- Jakson 1978 — *Jakson P.* The Dissolution of the Mongol empire // Central Asiatic Journal. Vol. 22. 1978. Pp. 183–236.
- Jakson P. The Dissolution of the Mongol Empire. *Central Asiatic Journal*. Vol. 22. 1978. Pp. 183–236. (In Eng.)
- Lane 1999 — *Lane G.* Arghun Aqa: Mongol Bureaucrat // Iranian Studies. Vol. 32. 1999. № 4. Pp. 459–482.
- Lane G. Arghun Aqa. Mongol Bureaucrat. *Iranian Studies*. Vol. 32. 1999. No. 4. Pp. 459–482. (In Eng.)
- Morgan 1982 — *Morgan D.* Who Ran the Mongol Empire? // Journal of the Royal Asiatic Society. 1982. № 1. Pp. 127–136.
- Morgan D. Who Ran the Mongol Empire? *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1982. No. 1. Pp. 127–136.
- Ostrowski 1998 — *Ostrowski D.* The tamma” and the Dual-Administrative Structure of the Mongol Empire // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London. Vol. 61. 1998. № 2. Pp. 262–277.
- Ostrowski D. The “tamma” and the Dual-Administrative Structure of the Mongol Empire. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. University of London. Vol. 61. 1998. No. 2. Pp. 262–277. (In Eng.)

Has been issued since 2002 https://mongoloved.kigiran.com/jour	МОНГОЛОВЕДЕНИЕ (Монгол судлал) (Mongolian Studies)
Vol. 17, Is. 1, pp. 21–31, 2025 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-21-31	ISSN 2500-1523 (Print) ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94 (479.25)

UDC 94 (479.25)

DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-21-31

Армяно-монгольские отношения по материалам эпиграфических памятников восточных провинций Армении

Armenian-Mongolian Relations Based on Epigraphic Monuments of the Eastern Provinces of Armenia

*Ваграм Размикович Балаян¹,
Лерник Лендрушаевич Оганесян^{2,3},
Меланя Гургеновна Балаян⁴*

*Vahram R. Balayan¹,
Lernik L. Oganesyanyan^{2,3},
Melanya G. Balayan^{4,5}*

¹ Институт истории Национальной академии наук Республики Армения (д. 24г, пр. маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

¹ Institute of History, National Academy of Sciences of Armenia (24g, Marshal Bagramian Av., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник

Dr. Sc. (History), Professor, Senior Research Associate

0009-0002-5696-9411. E-mail: vahrambalayan[at]mail.ru

² Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения (д. 15, ул Чаренца, 0015 Ереван, Республика Армения)

² Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Armenia (15, Charents St., 0015 Yerevan, Republic of Armenia)

научный сотрудник

Research Associate

³ Ереванский государственный университет (д. 52, ул. Абовяна, 0015 Ереван, Республика Армения)

³ Yerevan State University (52, Abovyan St., 0015 Yerevan, Republic of Armenia)

преподаватель

Lecturer

0009-0005-0005-9111. E-mail: lernik1973[at]mail.ru

⁴ Офис Арцахской епархии Армянской Апостольской церкви (д. 59г, ул. Баграмяна, 0024 Ереван, Республика Армения)

⁴ Office of the Artsakh Diocese of the Armenian Apostolic Church (59g, Bagramyan St., 0024 Yerevan, Republic of Armenia)

кандидат исторических наук, доцент, руководитель

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Head of the Office

⁵ Институт востоковедения Национальной академии наук Республики Армения (д. 24г, пр. маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

кандидат исторических наук, доцент

 0009-0004-4672-5696. E-mail: melanyabalayan[at]mail.ru

⁵ Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of Armenia (24g, Marshal Bagramian Av., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

© КалмНЦ РАН, 2025

© Балаян В. Р., Оганесян Л. Л., Балаян М. Г., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Balayan V. R., Oganesyanyan L. L., Balayan M. G., 2025

Аннотация. *Введение.* В начале XIII в. в восточных провинциях Армении существовали небольшие княжества, которые в политическом отношении находились в подчинении Захаридов. Однако с началом монгольских нашествий положение изменилось не только в Армении, но и во всем регионе. *Цель* данной статьи — на основе анализа эпиграфических надписей, сохранившихся в восточных провинциях Армении, выявить и осветить следующие ключевые аспекты: коренные изменения, произошедшие в общественно-политической жизни восточных провинций Армении после монгольских завоеваний; особенности взаимоотношений армянских княжеских домов с официальными представителями Монгольской империи; отдельные аспекты деятельности монгольских ханов, наместников и других должностных лиц в регионе, непосредственно взаимодействовавших с армянскими князьями. *Материалы и методы.* В качестве основных источников исследования использованы преимущественно эпиграфические надписи, созданные в XIII в. в восточных провинциях Армении, а также свидетельства армянских историков того же периода. Исследование выполнено с применением специальных исторических методов, прежде всего историко-сравнительного анализа. К источникам применялся критический подход — сопоставлялись, уточнялись и анализировались различные факты. *Результаты.* Эпиграфические надписи, созданные в XIII в. в восточных провинциях Армении, а также сведения армянских историков того времени подтверждают, что с 1220 г. и до 70-х гг. XIII в. монголы завоевали

Abstract. *Introduction.* In the early 13th century, the eastern provinces of Armenia were divided into small principalities that were politically subordinate to the Zakarids. However, with the onset of the Mongol invasions, the situation changed significantly not only in Armenia but throughout the entire region. *The aim* of this article is to analyze the epigraphic inscriptions preserved in the eastern provinces of Armenia in order to highlight the following key aspects: the fundamental transformations that occurred in the socio-political life of eastern Armenia following the Mongol conquests; the specific nature of the relationships between Armenian princely houses and the official representatives of the Mongol Empire; and particular aspects of the activities of Mongol khans, governors, and other officials operating in the region in direct contact with Armenian nobility. *Materials and methods.* The primary sources for this research include predominantly epigraphic inscriptions dating to the 13th century, originating from the eastern provinces of Armenia, as well as the accounts of Armenian historians of the same period. The study was carried out using special historical methods, primarily historical comparative analysis. A critical approach was applied to the sources, involving comparison, clarification, and interpretation of various facts. *Results.* Epigraphic inscriptions from the 13th century and contemporary Armenian historical narratives confirm that from 1220 to the 1270s, the Mongols conquered the territories of states existing in Georgia, Caucasian Albania, Armenia, Iran, Mesopotamia, and across vast areas of Asia Minor. The princes of eastern Armenia—particularly those of Lower and Upper Khachen — acknowledged the Mongol Empire's supremacy,

территории государств, существовавших в Грузии, Кавказской Албании, Армении, Иране, Междуречье и в целом в обширных районах Малой Азии. Князья восточных провинций Армении, в частности Нижнего и Верхнего Хачена, считая невозможным сопротивление мощной монгольской империи, признали ее верховную власть, стремясь спасти свои владения от окончательного разрушения. Сотрудничая с монголами, они сумели сохранить свою власть. Армянские князья не только выплачивали дань, но и участвовали в военных походах, организованных монголами. Материалы, введенные в научный оборот в данной статье, являются ценными первоисточниками, представляющими интерес как для армянских, так и для зарубежных исследователей. Их изучение позволяет глубже понять историю армяно-монгольских отношений XIII в.

Ключевые слова: Армения, монголы, эпиграфические памятники, Хачен, Мэнгу (Мунке, Мангу) хан, Асан-Джалал, Гулавиды, Абага хан

Для цитирования: Балаян В. Р., Оганесян Л. Л., Балаян М. Г. Армяно-монгольские отношения по материалам эпиграфических памятников восточных провинций Армении // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 1. С. 21–31. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-21-31

recognizing the futility of resistance and seeking to preserve their domains from total destruction. Through collaboration with the Mongols, they managed to maintain their authority. Armenian princes not only paid tribute but also took part in military campaigns organized by the Mongols. The materials introduced into academic circulation in this article are valuable primary sources that hold significance for both Armenian and international scholars. Their examination allows for a deeper understanding of the history of Armenian-Mongol relations in the 13th century.

Keywords: Armenia, Mongols, lapidary inscriptions, Khachen, Menge (Munke, Mangu), Khan, Hasan-Jalal, Ilkhanids, Abaqa Khan

For citation: Balayan V. R., Oganesyanyan L. L., Balayan M. G. Armenian-Mongolian Relations Based on Epigraphic Monuments of the Eastern Provinces of Armenia. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025; 17(1): 21–31. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-21-31

1. Введение

Летом 1220 г. двадцатитысячное монгольское войско под командованием Джэбэ-нойона и Субэдэй-Бахадура проникло на территорию Закавказья через узкий Дербентский проход с севера [Вардан 1862: 142]. В 1220–1223 гг. монголы завоевали Грузию, Восточную Армению и ряд областей Персии. В 1225–1231 гг. вторжениям подверглись Закавказье и восточные и западные земли Армении, пострадавшие как от армии хорезмшаха Джалал ад-Дина, так и от преследовавших его монголов. В этот период плодородная равнина Мугань, отличавшаяся мягким климатом, была превращена монголами в военный лагерь и место зимовки. Населенные пункты и области региона были разделены между монгольскими военачальниками.

Осознав невозможность сопротивления растущей и набирающей мощь Монгольской империи, армянские князья в основном были вынуждены признать власть новых завоевателей. Завоевание Нижнего Хачена было поручено Джолану-нойну, брату Чормагана. Под его командованием монголы сначала захватили крепость Авкахахац, перебив часть защитников, а другую часть сбро-

сив со стен [Гандзакеци 1961: 273–275]. Затем монголы осадили неприступную крепость Хоханаберд, защиту которой возглавлял сам князь Нижнего Хачена — hАсан-Джалал Дола. Чтобы избежать больших потерь, монголы предложили армянскому князю решить вопрос мирными переговорами. Проявив благоразумие, hАсан-Джалал отправился в лагерь Джолана с богатыми дарами и принес клятву верности. Таким образом он сумел сохранить свою власть и спасти население Нижнего Хачена [Гандзакеци 1961: 267–269]. Цель данной статьи — на основе анализа эпиграфических надписей, сохранившихся в восточных провинциях Армении, выявить и осветить следующие ключевые аспекты: коренные изменения, произошедшие в общественно-политической жизни восточных провинций Армении после монгольских завоеваний; особенности взаимоотношений армянских княжеских домов с официальными представителями Монгольской империи; отдельные аспекты деятельности монгольских ханов, наместников и других должностных лиц в регионе, непосредственно взаимодействовавших с армянскими князьями.

2. Материалы и методы

Исследование проведено на основе изучения первоисточников, имеющих важное значение для данной темы, а также их исторического и историко-сравнительного анализа. К использованным эпиграфическим памятникам, рукописям, летописным сочинениям и историческим исследованиям применен критический подход; различные факты сопоставлены, уточнены и подвергнуты анализу. Источниковую основу исследования составляют многочисленные эпиграфические надписи, сохранившиеся в восточных провинциях Армении, которые представляют собой важные и достоверные свидетельства о монгольских завоеваниях XIII в., оказавших значительное влияние на геополитические процессы того времени.

С целью всестороннего изучения темы и более обоснованного представления материала авторами данной статьи были проведены полевые исследования, целью которых были непосредственное изучение, повторная расшифровка и фотофиксация основных эпиграфических памятников, имеющих важное значение для данного исследования.

3. Эпиграфические памятники о политическом и социально-экономическом положении восточных провинций Армении в период монгольского владычества

Эпиграфические памятники XIII в. представляют собой ценные источники, освещающие политическое, социально-экономическое и культурное положение восточных провинций Армении в период монгольского господства. Их изучение позволяет восстановить историческую картину данного периода.

Достижения hАасан-Джалала нашли свое отражение и в строительной надписи Гандзасарского монастыря, написанной в 1240 г. [Гандзакеци 1961: 270]. На северной стене храма Гандзасара находится 27-строчная надпись, в которой изложены положение и титул hАсан-Джалала: *«Во имя Святой Троицы — Отца, Сына и Святого Духа. Эта надпись принадлежит мне, смиренному рабу Божьему Джалал Доле hАсану, сыну Вахтанга, внуку Великого hАсана, родовому*

и самодержавному правителю возвышенного и великого Арцахского края и обширной провинции...»¹.

В конце 1240-х гг. hАсан-Джалал вернул «свои родовые земли, Чараберд, Акана и Каркар...», получив их у Бату-хана [Гандзакеци 1961: 270]. Укрепление связей с монголами еще больше усилило его власть. Об этом свидетельствует 22-строчная надпись, оставленная им на огромной скале возле часовен, известных как «Анапат» («Пустынь»), на южной окраине села Арачадзор Мартакертского района. В этой надписи hАсан-Джалал именует себя царем: «царь Джалал Дола и его сын Атабак, князь Хачена и Аррана...». Здесь он уже выступает как правитель Хачена и Аррана, т. е. областей Куро-Араксского междуречья. hАсан-Джалал настолько уверенно чувствовал себя на престоле, что занимался не только делами своего княжества, но и участвовал в общественной и культурной жизни других провинций Армении. Так, вместе со своей супругой Мамкан он восстановил разрушенный монголами монастырь Кечариса. Об этом свидетельствует сохранившаяся в монастыре надпись: «Я, Джалал hАсан, сын Великого hАсана, внук Вахтанга, правитель Хоханаберда и Хачена, и моя супруга Мамкан, дочь царя Баганца, в 1248 году пожертвовали святой и прославленной обители Кечариса и, видя разрушения, нанесенные монголами, вновь восстановили ее, вложив множество сокровищ»² [Шаххатунянц 1842: 194; Овсепян 1969: 317].

С целью укрепления армяно-монгольских связей и избежания притеснений со стороны монгольских военачальников, находившихся в Закавказье, в 1250 г. hАсан-Джалал отправился в Итиль (ныне Астрахань) и встретился с Бату-ханом, а в 1255 г. направился в Каракорум, где встретился с великим ханом Мангу (в литературе упоминающемся как Мунке-хан или Мэнгу-хан) [Матенадаран. Рук. № 387. Л. 8b, 9a]. Его сопровождал Сартах, сын Бату, наместник Северных земель и Кавказа, известный как покровитель христиан. Мангу-хан специальным ярлыком (эл-тамга) подтвердил права hАсан-Джалала на его владения [Гандзакеци 1961: 373]. Таким образом, hАсан-Джалалу удалось вывести свои владения из-под власти старшей ветви династии Закарян — Авагянов, а вместе с тем и из-под верховного господства грузинских Багратидов, поставив их в прямую зависимость от монгольских правителей в статусе отдельного тумена. Не случайно современник hАсан-Джалала, историк Вардан Вардапет, называет его «князем князей, величественным царственным правителем» [Вардан 1862: 152]. На стене церкви Святого Григора в Бердадзоре была выбита надпись: «Благочестивому царю Джалалу» [Дадян 1896: 81].

Политика hАсан-Джалала в отношении монголов оказала влияние на правителей соседних армянских княжеств. В середине XIII в. в Царе правили Григор I и hАсан II, которые поддерживали хорошие отношения с монголами, что позволило им не только сохранить свою власть, но и развивать край. Эти события нашли отражение в девятистрочной строительной надписи, сохранившейся в верхней северной части западной стены церкви Святой Богородицы в Мехмане: «В год 1249, во времена владычества великого миротворца Авага и правления господина

¹ Здесь и далее перевод эпиграфической надписи осуществлен авторами статьи.

² Учитывая тот факт, что монголы были искусными всадниками и лучниками, армянские летописцы в своих трудах, а также в эпиграфических надписях называли их «племя стрелков».

Григора, я, Тер Нерсес, Акон и Пахчан, построили эту церковь во имя нашей памяти и памяти наших родителей. Пусть Бог помилует тех, кто трудился»¹.

Сведения о политическом положении Восточных краев Армении в рассматриваемый период, деятельности духовенства, монгольских военачальников и наместниках сохранились в 18-строчной надписи, выбитой на обратной стороне хачкара, расположенного в нескольких метрах от западного входа в церковь Святой Богородицы села Мехмана: *«В 1250 году, во времена татарина Чормагана Чагатайя, я, Владыка Нерсес, из рода Пайткананцев и Мареанцев, построил церкви, католикосат и воздвиг этот крест как ходатайство перед Богом в эти тяжелые времена. Я, Аваг, с добрым намерением... епископ...»².*

Хотя в тот период Чормаган уже не был влиятельной фигурой, католикос Агванка Нерсес продолжал считать его главным представителем татар. Это можно объяснить тем, что в управлении наместничеством участвовала его жена, Эльтина-хатун. Несмотря на относительное взаимопонимание с монголами, автор надписи признает, что страна переживала трудные времена. Основной причиной этого была новая налоговая политика монголов. В августе 1246 г. Гуюк (1246–1248), ставший великим ханом, внес изменения в налоговую систему. До 1246 г. сбор налогов в завоеванных областях оставался в руках местных правителей, присягнувших монголам. Однако после реформ Гуюка налоговая администрация перешла в ведение монгольских сборщиков. Более того, наиболее плодородные земли были конфискованы у местного населения и переданы представителям монгольской знати.

В 1246 г. великий хан Гуюк направил Аргуна в недавно завоеванные территории, наделив его широкими полномочиями. Его заместителем был известный своей жестокостью Буга. В 1247 г. и 1254 г. была проведена новая перепись населения, после чего налоги значительно увеличились. Сбор налогов сопровождался карательными мерами. В восточных провинциях Армении сохранились хачкары и надгробные камни XIII в., чьи надписи представляют собой неопровержимые свидетельства насилия и убийств, совершенных над местным населением. Один из таких примеров — надпись на боковой части хачкара, сохранившегося в руинах монастыря Святого Карапета в селе Чапни (Каравачар). В ней говорится: *«В 1247 году, во имя Бога, мы, Вардапет и Айрапет, воздвигли этот крест в память о нашем отце, матери и брате Мовсесе, который был изрублен мечами иноземцев. Поклонитесь и помяните его в своих молитвах во имя Христа»* [Карапетян 2019: 260]. О жестоком отношении монголов упоминается в строительной надписи Гтчаванка: *«Я, Владыка Вртанес, честным трудом выполнил множество работ. Ныне, в 1246 году — в эти тяжелые и мрачные времена, когда чужеземные набеги опустошили многие области, был нарушен престол Святого Григора и его владения...»³.*

4. Вопрос монголо-армянского сотрудничества в завоевании малоазийских областей по данным эпиграфики

С 1242 г. Бачу-нойон начал завоевание западных и южных областей Армении. Для этого ему предстояло сломить сопротивление Иконийского султаната

¹ См. также: [Свод армянских надписей 1982: 93].

² См. также: [Свод армянских надписей 1982: 92].

³ См. также: [Свод армянских надписей 1982: 182–183].

сельджуков. Бачу-нойон пополнил монгольские войска конницей подчиненных ему армянских князей: Авага и Шахиншаха I Закарян, Агбуги Ваграмяна, hАсана-Джалала, Григора Допяна и других [Гандзакеци 1961: 280]. Весной 1242 г. объединенные силы захватили Карин (Эрзурум) и прилегающие области. 3 июля 1243 г. армянские отряды в составе монгольского войска приняли участие в битве при Чманкатуке [Акнерци 1974: 29]. Это поражение оказалось судьбоносным для иконийского султана Гийас ад-Дина. После этого монголы один за другим захватили Эрзнку (Ерзнка), Себастию, Кесарию, Теврик, Иконию и Атталию. Весной 1244 г. началась военная кампания по завоеванию южных областей Армении [История Армении 2014: 281].

Согласно армянским письменным источникам, во время походов монгольские войска не только разрушали поселения, но также грабили монастыри и церкви, впоследствии изымали священные рукописи, брали в плен духовенство и князей. Армянские князья Восточной Армении впоследствии выкупали своих соотечественников из плена. Они также старались спасти церковные рукописи, особенно Евангелия, выкупая их у монголов и затем передавая в монастыри своих владений [Матенадаран. Рук. № 7374. Л. 343а]. В этом деле особенно выделялся князь Григор Цареци, который передал спасенные реликвии на хранение в свой родной Хадаванк [Матенадаран. Рук. № 7347. Л. 343b]. Одно из Евангелий было спасено князем hАсаном, сыном Уззи, правителем Мецквенка [Бархутарянц 1895: 226–227], и хранилось в монастыре Святого Егише (Джрвшттик).

С начала 1250-х гг. монголы возобновили завоевательные войны в малоазиатских провинциях. Это было связано, прежде всего, с именем Хулагу, брата великого хана Мангу (Мунке, Мэнгу). В 1256 г., полностью покорив Персию, он создал новое государство — государство Хулагуидов, ставшее пятым улусом Монгольской империи. В походах Хулагу участвовали не только князья Восточной Армении, но и войска киликийского царя Хетума. В 1258–1260 гг., после двухлетней осады, объединенные монголо-армянские войска захватили город Муфаркин-Нпыркерт-Тигранакерт. В этих кровопролитных битвах отличился своей храбростью Севада Хаченци, сын князя Григора Великого из Верхнего Хачена. Он пал под стенами города [Вардан 1862: 152]. Об этих событиях напоминает изящно вырезанный хачкар, установленный внутри северной стены церкви Святой Богородицы в селе Чаректар Шаумяновского района. Оба его края сильно повреждены, и некоторые слова стали неразборчивыми. Тем не менее 9-строчная надпись повествует о мученической гибели князя Григора: *«В лето ... Я, Севада, и моя сестра Шахандухт, установили этот крест на гробнице князя Григора, который был сыном могучего и победоносного князя, одержавшего множество славных побед над тачиками и отправившегося в Иерусалим. Но ... Монастырь Анберт... великая битва... (1260) с тачиками, где и пал мученически князь Григор. Поклонитесь и помяните его в своих молитвах...»*¹. В надписи под словом «тачики» подразумеваются турки-сельджуки.

5. Отражение армяно-монгольских отношений в эпиграфике периода правления Хулагуидов

Сформировавшиеся еще в 1240–1250-х гг. при князе Григоре I из Верхнего Хачена дружественные отношения с монголами еще более укрепились при его

¹ См. также: [Свод армянских надписей 1982: 132–133, 115].

преемниках — hАсане II и его сыне Григоре II. Этот период в основном совпадает с правлением сына Хулагу — хана Абаги (1265–1282 гг.). Армянские источники описывают Абагу-хана в положительном ключе, называя его защитником христиан [Акнерци 1974: 37; Айриванеци 1860: 68; Орбеян 1910: 419].

Князь Верхнего Хачена hАсан II, наряду с другими армянскими правителями, принимал участие в военных кампаниях Хулагуидов в Месопотамии. Завоевав доверие монголов, он еще больше упрочил свою власть. Об этом свидетельствуют эпиграфические памятники, сохранившиеся в Содке, а также надписи на стенах церкви Святой Богородицы в селе Айрк: *«Во времена владычества Абаги-хана, правления Великого hАсана и княгини Мамкан, а также их богодарованного сына Григора (1282 год)»* [Джалалянци 1858: 115; Смбалянц 1895: 629]. А на хачкаре, установленном над входом в часовню Святого Саркиса в княжеском центре Верхнего Хачена — Царе, Григор II не только воздает почести своему отцу, князю hАсану II, но и перечисляет подвластные ему земли и селения, которые он вернул от монголов благодаря своей доблести: *«В 1289 году, по воле Божьей, я, Григор, храбрый и победоносный военачальник, великий князь, владыка Акани, Андаберда, Сотка, Шоггаха и многих других областей, сын князя hАсана, воздвиг этот хачкар в селе Цар, которое было любимым родовым селением моего отца, полученным им в дар за его доблесть»* [Свод армянских надписей 1982: 222]. Надписи с именем Абаги-хана обнаружены и в других поселениях. Например, на фасаде южной ризницы церкви села Дастакерт (Мартакертский район) находилась надпись: *«В 1276 году, в период владычества Абаги-хана, правления князя Иванэ и патриаршества Владыки Степаноса, я, Владыка Нерсес из рода Сукиасянц, слабым духом, основал эту церковь в память о нас и наших близких. Молю вас, поминайте Христа»* [Свод армянских надписей 1982: 99]. Таким образом, в период правления Абаги-хана, в отличие от князей Нижнего Хачена, правители Верхнего Хачена признавали верховенство наследников Иване Закаряна, в частности мандатурта-ухуцеса Иване II из рода Шахиншахянов.

В строительной надписи, расположенной над входом в монастырь, возведенный в 1279 г. в селе Азат-Сулук, вновь упоминается имя Абаги-хана: *«Во времена Абаги Елч-хана и Харайнаха я, Авар, построил этот храм»* [Свод армянских надписей 1982: 247; Карапетян 2004: 315]. Хотя к 1284 г. Абаги-хан уже скончался, восточные провинции Армении по-прежнему оставались частью его государства. Поскольку местное население относилось к нему положительно, его имя продолжали упоминать в лапидарных надписях. Так, в 7-строчной надписи, сохранившейся на западном входе в притвор церкви монастыря Орека (Мартакертский район), наряду с именем Абаги-хана упоминаются также католикос Агванка Владыка Степанос и влиятельные чиновники Хачена: *«Во времена всемирного владычества Абаги-хана, патриаршества Владыки Степаноса и правления Нурадина, Сраджадина и Гурзадина, я, Владыка Ованнес, построил этот притвор в память о себе, моих братьях и родителях. 1284 год»* [Свод армянских надписей 1982: 102]. Следует отметить, что в этот период в различных регионах Армении формируется новый слой торгово-ростовщической элиты, представители которой установили прочные деловые и дипломатические связи с монголами.

В 1280-х гг. Верхний Хачен управлялся монгольским амирор Пахрайдином, после которого этот пост занял его сын Садраддин. В тот период государство Хулагуидов находилось под властью сына Абаги-хана — Аргуна (1284–1291). Исторические события, связанные с концом XIII в. в Хачене, как с участием армянских, так и монгольских правителей, нашли отражение в надписи на тимпане входа в церковь села Дастакерт (или Дастагир): *«По воле Божьей, во времена царствования Аргуна, патриаршества Владыки Степаноса, правления Ивана и Садраддина, сына Пахрайдина, я, Владыка Саркис, построил эту часовню...»* [Свод армянских надписей 1982: 100].

Эпиграфические памятники содержат ценные сведения о политико-административном положении региона, границах государства Хулагуидов в конце XIII — начале XIV в., монголо-татарских завоеваниях, их тяжелой налоговой политике, а также о представителях княжеских домов Верхнего Хачена и Сюника. Один из таких первоисточников — большая надпись монастыря Цара: *«В те времена, когда монголы завоевали многие страны — от Океанского моря и Стамбула до Понта и Евфрата, и с гордыней, тяжелыми поборами угнетали всех, от великих до малых, обрекали их на смерть и плен, — мы жили в эти тяжелые времена, я, Тер Ованнес Допянци, слабый и ничтожный духом. И пришел к нам приказ отправиться в престольную обитель наших предков — Ахпат. Затем мы вернулись в наш родовой дом, к нашему доблестному, славному и храброму старшему брату Асану. Его сын Григор — человек, любящий церковь и духовенство, а его супруга — благочестивая Аспа, дочь Тарсайича Великого, князя Сюника...»* [Шаххатунянц 1842: 364–365; Бархутарянц 1895: 407–408; Карапетян 2019: 414–415; Свод армянских надписей 1982: 224]. Археологическая разведка указанной территории выявила руины упомянутого в лапидарной надписи монастырского комплекса¹.

6. Заключение

В 20–30-х гг. XIII в. под прицелом стремительно расширявшейся и усилившейся Монгольской империи оказались Грузия, Восточная Армения, Персия и ряд других областей. Согласно письменным источникам и эпиграфическим данным, князья восточных провинций Армении, чтобы избежать массовых убийств и разрушений, а также сохранить свою власть, предпочли в основном без сопротивления признать верховенство монголов. Чтобы укрепить доверие новых завоевателей, армянские князья восточных областей со своими войсками приняли участие в монгольских военных кампаниях в Малой Азии, в частности в завоевании территорий Иконийского султаната сельджуков.

Эпиграфические источники содержат уникальные сведения об этих походах, во время которых погибли и армянские князья восточных провинций. В надписях XIII в. сохранились интересные сведения о правителях династии Хулагуидов, в особенности о хане Абаге, и его отношениях с армянскими князьями.

Сотрудничество с монголами оказалось настолько результативным, что некоторые представители княжеских династий Верхнего и Нижнего Хачена упоминаются в эпиграфике с титулами «князь князей» и «царь». Более того, им удалось возвести величественные храмы, установить хачкары, часть из которых

¹ Исследование было проведено в 2020 г. Л. Л. Оганесяном, В. Р. Балаяном, Г. М. Саргсяном.

является шедеврами армянской культуры. Однако, наряду с этим, эпиграфические памятники содержат свидетельства жестокости некоторых монгольских правителей и наместников, а также и о тяжелой налоговой политике монголов.

Изученные письменные и эпиграфические материалы позволяют составить полноценное представление не только о положении восточных провинций Армении, но и о политической, социально-экономической и культурной ситуации в соседних регионах в XIII в.

Источники

- Айриванеци 1860 — *Айриванеци М.* История армян. СПб.: Тип. Лазаревского института восточных языков, 1860. 69 с. (На арм. яз.)
- Акнерци 1974 — *Акнерци Г.* История татар. Иерусалим: Тип. Св. Иакова, 1974. 80 с. (На арм. яз.)
- Вардан 1862 — История Историка Вардана Вардапета. Венеция: Тип. Св. Лазария, 1862. 184 с. (На арм. яз.)
- Гандзакеци 1961 — *Киракос Гандзакеци.* История армян. Ереван: АН АрмССР, 1961. 426 с. (На арм. яз.)
- Матенадаран — Музей-институт древних рукописей имени Месропа Маштоца (г. Ереван, Армения).
- Орбелян 1910 — История Сисаканской области, написанная архиепископом Сюника Степаносом Орбеляном. Тифлис: Тип. Н. Аганяна, 1910. 494 с. (На арм. яз.)
- Свод армянских надписей 1982 — Свод армянских надписей. Т. V / сост. С. Г. Бархударян. Ереван: АН АрмССР, 1982. 248 с. (На арм. яз.)

Sources

- Ayrvaneṭsi M. History of the Armenians. St. Petersburg: Lazarev Institute of Oriental Languages, 1860. 69 p. (In Arm.)
- Grigor Vardapet Aknerṭsi. History of the Tatars. Jerusalem: St. James, 1974. 80 p. (In Arm.)
- History of the Historian Vardan Vardapet. Venice: St. Lazarus, 1862. 184 p. (In Arm.)
- Gandzaketsi K. History of the Armenians. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1961. 426 p. (In Arm.)
- Mesrop Mashtots Museum-Institute of Ancient Manuscripts (Yerevan, Armenia).
- History of the Sisakan Region, written by Archbishop of Syunik Stepanos Orbelian. Tiflis: N. Aghanyan, 1910. 494 p. (In Arm.)
- Corpus of Armenian Inscriptions. Vol. 5. by S. Barkhudaryan (comp.). Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1982. 248 p. (In Arm.)

Литература

- Бархутарянц 1895 — *Бархутарянц М.* Арцах. Баку: Арор, 1895. 461 с. (На арм. яз.)
- Дадян 1896 — *Дадян Х. Вардапет.* Арцах. Исследование Макара еп. Бархутарянца // Арарат. 1895. № 2. Баку: Тип. Святого Эчмиадзина, 1896. С. 80–81. (На арм. яз.)
- Джалалянц 1858 — *Джалалянц С.* Путешествие по Великой Армении. Ч. II. Тифлис: Тип. Армянской духовной школы Нерсисян, 1858. 517 с. (На арм. яз.)

References

- Barkhutaryants M. Artsakh. Baku: Aror, 1895. 461 p. (In Arm.)
- Dadyan Kh. Vardapet. Artsakh. Research by Bishop Makar Barkhutaryants. *Ararat*. 1895. No. 2. Baku: Tipografiya Svyatogo Etchmiadzina, 1896. Pp. 80–81. (In Arm.)
- Jalalyants S. Journey through Greater Armenia. P. 2. Tiflis: Tipografiya Armyanskoj Duhovnoj Shkoly Nersisyan, 1858. 517 p. (In Arm.)

- История Армении 2014 — История Армен-
нии. Т. II. Кн. II. Ереван: Зангак, 2014.
800 с. + 24 илл. с. (На арм. яз.) History of the Armenians. Vol. 2. Book 2.
Yerevan: Zangak, 2014. 800 p., 24 ill.
(In Arm.)
- Карапетян 2004 — *Карапетян С.* Северный
Арцах. Ереван: Наука, 2004. 616 с. (На
арм. яз.) Karapetyan S. Northern Artsakh. Yerevan:
Nauka, 2004. 616 p. (In Arm.)
- Карапетян 2019 — *Карапетян С.* Мра-
ваванк. Ереван: Фонд исследования
армянской архитектуры, 2019. 480 с.
(На арм. яз.) Karapetyan S. Mravavank. Yerevan: Arme-
nian Architecture Research Foundation,
2019. 480 p. (In Arm.)
- Овсепян 1969 — Католикос Гарегин I
Овсепян. Хахбакяны или Прошяны в
истории Армении. Антилиас-Ливан,
1969. 425 с. (На арм. яз.) Catholicos Garegin I Hovsepyan. Khagh-
bakyans or Proshyans in Armenian
History. Lebanon, Antelias, 1969. 425 p.
(In Arm.)
- Смбатейанц 1895 — Архиепископ Месроп
Смбатейанц. Сообщение о Гегарку-
ни-Тсовазардской области, ныне Но-
вобаязетском уезде, с 1862 по 1895 гг.
Вагаршапат: Тип. Святого Эчмиадзи-
на, 1895. 844 с. (На арм. яз.) Smbateyants Archbishop Mesrop. Report on
the Gegharkunik-Tsovazard Region. Now
the New Bayazet District, from 1862 to
1895. Vagharshapat: Tipografiya Svyato-
go Etchmiadzina, 1895. 844 p. (In Arm.)
- Шаххатунянц 1842 — *Шаххатунянц И.*
Подпись католикоса Эчмиадзина и
пяти областей Арарата. Т. II. Эчмиад-
зин: Тип. Святого Эчмиадзина, 1842.
561 с. Shakhkhatunyants H. Signature of the Catho-
lic of Etchmiadzin and the Five Provinces
of Ararat. Vol. 2. Etchmiadzin: Tipografi-
ya Svyatogo Etchmiadzina, 1842. 561 p.
(In Arm.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 1, pp. 32–44, 2025
 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-32-44

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДИЕ

УДК 930.2

UDC 930.2

DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-32-44

Письма наместника Калмыцкого ханства Дондук-Даши как источник по хозяйственной истории калмыков XVIII в.

*Нарма Арсланович Каманджаев¹,
 Анна Степановна Чумбаева²*

Letters of the Viceroy of the Kalmyk Khanate Donduk-Dashi as a Source on the Economic History of the Kalmyks in the 18th Century

*Narma A. Kamandzhaev¹,
 Anna S. Chumbaeva²*

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

младший научный сотрудник

Junior Research Associate

 0000-0002-2012-0312. E-mail: narmakam[at]gmail.com

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

младший научный сотрудник

Junior Research Associate

 0000-0001-9272-3289. E-mail: chumbaevaa[at]bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Каманджаев Н. А., Чумбаева А. С., 2025

© Kamandzhaev N. A., Chumbaeva A. S., 2025

Аннотация. Введение. В калмыцкой историографии в последние годы активизировалось изучение письменного наследия калмыцких правителей XVII–XVIII вв. Письма наместника Калмыцкого ханства Дондук-Даши недостаточно исследованы. Вместе с тем известно, что Дондук-Даши, став наместником ханства в весьма непростое время, смог в течение первых 15 лет своего правления несколько выправить хозяйственное положение своих подвластных, что актуализирует изучение хозяйственной истории калмыков того периода.

Abstract. Introduction. In recent years, Kalmyk historiography has intensified the study of the written heritage of the Kalmyk rulers of the 17th–18th centuries. The letters of the viceroy of the Kalmyk Khanate, Donduk-Dashi, have not been sufficiently studied. At the same time, it is known that Donduk-Dashi, having become the viceroy of the khanate in a very difficult time, was able to improve the economic situation of his subjects during the first 15 years of his reign, which actualizes the study of the economic history of the Kalmyks of that period.

Целью настоящего исследования является введение в научный оборот писем калмыцкого наместника Дондук-Даши и их рассмотрение в качестве источника по хозяйственной истории калмыков XVIII в. *Материалы.* Источниковой базой настоящего исследования послужили три письма наместника Дондук-Даши, хранящиеся в фонде И-36 Национального архива Республики Калмыкия. Исследуемые письма были написаны им в начальный период правления — в 1742–1744 гг. *Результаты.* В представленных письмах наместник в переписке с астраханским губернатором В. Н. Татищевым выступает в качестве радателя экономических и нравственных интересов своих подвластных по ряду вопросов, в число которых входили безопасность калмыков при весенней перекочевке через Волгу, защита их от неправомерных сборов, а также забота об их нравственном состоянии посредством требования запрещения несанкционированной продажи алкоголя в улусах. Немаловажной также является констатация со стороны Дондук-Даши факта «оскудения» калмыков, который использовался им в качестве довода при его прошениях к имперским властям для решения различных хозяйственных проблем своих подвластных. *Выводы.* Исследованные письма являются важным источником по хозяйственной истории калмыков XVIII в., а также доказательством значительного потенциала письменного наследия калмыцких правителей в качестве источника по данной теме.

Ключевые слова: Дондук-Даши, калмыки, письменное наследие, источники, хозяйственная жизнь, перекочевки, подати

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Корпус старокалмыцких текстов на „ясном письме“ на платформе Lingvodoc: новые подходы к цифровизации письменного наследия» (№ 22-78-10152, <https://rscf.ru/project/22-78-10152/>).

The purpose of this study is to introduce the letters of the Kalmyk viceroy Donduk-Dashi into scientific circulation and to consider them as a source on the economic history of the Kalmyks of the 18th century. *Materials.* The source base for this study is three letters of the viceroy Donduk-Dashi, belonging to the I-36 collection of the National Archives of the Republic of Kalmykia. The letters under study were written by him at the beginning of his reign, in 1742–1744. *Results.* In the presented letters, the viceroy, in correspondence with the Astrakhan Governor V. N. Tatishchev, acts as a guardian of the economic and moral interests of his subjects on a number of issues, including the safety of the Kalmyks during their spring migration across the Volga river, protecting them from illegal collections, and caring for their moral state by demanding a ban on the unauthorized sale of alcohol in the uluses. Of no small importance is also Donduk-Dashi's statement of the fact of the "impoverishment" of the Kalmyks, which he used as an argument in his petitions to the imperial authorities to resolve various economic problems of his subjects. *Conclusions.* The letters studied in terms of their content are an important source on the economic history of the Kalmyks of the 18th century and, in general, are evidence of the significant potential of the written heritage of the Kalmyk rulers as a source on this topic.

Keywords: Donduk-Dashi, Kalmyks, written heritage, sources, economic life, migrations, taxes

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-78-10152 "Corpus of Old Kalmyk Clear Script Texts on the Lingvodoc Linguistic Platform: New Approaches to the Digitization of Written Heritage". Available at: <https://rscf.ru/project/22-78-10152/>

Для цитирования: Каманджаев Н. А., Чумбаева А. С. Письма наместника Дондук-Даши как источник по хозяйственной истории калмыков XVIII в. // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 1. С. 32–44. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-32-44

For citation: Kamandzhaev N. A., Chumbaeva A. S. Letters of the Viceroy of the Kalmyk Khanate Donduk-Dashi as a Source on the Economic History of the Kalmyks in the 18th Century. *Mongolian Studies (Elisita)*. 2025; 17(1): 32–44. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-32-44

1. Введение

Дондук-Даши в течение примерно двадцатилетнего периода являлся сначала наместником (1741–1757 гг.), а затем и ханом Калмыцкого ханства (1757–1761 гг.). Внук хана Аюки и сын владельца Чакдорчжаба, Дондук-Даши прошел через крайне тернистый путь к калмыцкому престолу. Участие в калмыцких междоусобицах 1720-х гг., конфликт с двоюродным братом, ханом Дондук-Омбо, в 1730-е гг. и в конечном итоге высылка из улусов в 1737 г. — все это, казалось бы, не предвещало его возвышение в качестве нового наместника ханства. Однако смерть в июне 1741 г. в междоусобной битве при урочище Бага-Болхун последнего из оставшихся сыновей хана Аюки Галдан-Данжина перепутала все карты престолонаследия, и царская администрация сделала ставку на Дондук-Даши, который, образно говоря, находился тогда «в запасе».

Дондук-Даши вернулся в калмыцкие улусы в октябре 1741 г. и по прошествии одного месяца был объявлен в качестве нового наместника ханства. С этого времени началась его многолетняя деятельность во главе ханства, которая, к сожалению, еще не была отдельно описана в специальной монографической работе, причем данная историографическая ситуация не свойственна другим периодам истории Калмыцкого ханства, так как имеются монографии, в которых исследованы события периодов правления его деда Аюки [Тепкеев 2018], дяди Церен-Дондука и двоюродного брата Дондук-Омбо [Цюрюмов 2005] и даже его сына Убаши, уведшего большую часть калмыков в Китай в 1771 г. [Дорджиева 2002]. Тем не менее нельзя сказать, что этот двадцатилетний период истории Калмыцкого ханства остается по сей день совсем не исследованным. Так, во второй части «Этюдов по истории приволжских калмыков» Н. Н. Пальмов описал ряд отдельных сюжетов, имевших место в течение его правления. Например, им была довольно подробно описана попытка составления русско-калмыцкого судебного уложения [Пальмов 1927: 91–147].

В дальнейшем этот период отчасти освещался в общих работах по истории Калмыцкого ханства М. М. Батмаева и А. В. Цюрюмова [Батмаев 2022: 337–404; Цюрюмов 2007: 245–279], причем именно в работе М. М. Батмаева немалая часть параграфа, посвященного Дондук-Даши, уделяется его усилиям по улучшению хозяйственной жизни калмыков того времени. В конце своего повествования он приводит цитату канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, подытожившего в 1756 г. 15-летний отрезок правления Дондук-Даши следующими словами: «ныне здесь известно, что с того времени калмыцкой народ поправился, и как протчаго скота, так особливо и лошадей у них умножилось» [Батмаев 2022: 404].

Принимая во внимание, что в последние два десятилетия наметился и впоследствии укоренился тренд на исследования [Гедеева 2020; Кокшаева 2011; Орлова 2019; Олядыкова 2012; Тепкеев 2021; Сусеева 2003; Ярмаркина 2019а; Ярмаркина 2019б; Ярмаркина 2019в; Ярмаркина 2020а; Ярмаркина 2020б;

Ярмаркина 2020в; Ярмаркина 2021а; Ярмаркина 2021б] и археографическую публикацию [Гедеева 2004; Тепкеев, Бембеев 2020; Тепкеев, Нацагдорж 2016; Тепкеев и др. 2021; Сусеева 2009; Успенский, Яхонтова 2021] писем калмыцких правителей XVIII в. и их современников, можно отметить, что небезынтересным представляется ознакомление читателей с письменным наследием хана Дондук-Даши. При этом следует отметить, что, несмотря на то, что в вышеперечисленных работах изучались преимущественно письма хана Аюки, среди них имеются и те, где освещались письма Дондук-Даши. Так, часть его писем была опубликована в монографии Д. А. Сусеевой «Письма калмыцких ханов XVIII в. и их современников» [Сусеева 2009: 565–750], лингвистический анализ его письменного наследия был проведен в монографии Н. О. Кокшаевой [Кокшаева 2011]. Но специальной источниковедческой работы по письмам Дондук-Даши, повествующим о хозяйственной жизни калмыков того времени, еще не было. Данная статья призвана восполнить эту историографическую лакуну.

Источниковой базой настоящего исследования послужили три письма наместника Дондук-Даши, хранящиеся в фонде И-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе» Национального архива Республики Калмыкия. Исследуемые письма были написаны в начальный период правления Дондук-Даши — в 1742–1744 гг. Именно в это время, по мнению М. М. Батмаева, Дондук-Даши, после усмирения партии Джан, жены прежнего хана Дондук-Омбо, смог «вплотную заняться» налаживанием хозяйственной жизни калмыков [Батмаев 2022: 394]. Целью настоящего исследования является введение в научный оборот писем калмыцкого наместника Дондук-Даши и их рассмотрение в качестве источника по хозяйственной истории калмыков XVIII в.

2. Хозяйственная жизнь калмыков XVIII в. и письма калмыцких владельцев

Калмыки, начавшие освоение территории Нижнего и части Среднего Поволжья в середине XVII в., уже к середине XVIII в. окончательно освоились на обоих берегах великой реки. Основным их занятием в ту пору продолжало оставаться кочевое скотоводство, при этом, начиная с 40-х гг. XVIII в., у них закрепилась устойчивая сезонная система перекочевков. Так, зимовка происходила по рекам Куме, Тереку и озеру Маныч. Весной они продвигались к Волге, минуя Ергенинскую возвышенность, чтобы летом кочевать уже по луговой стороне Волги, близ Самары. Осенью же происходил обратный переход на нагорную сторону, с последующей перекочевкой на зимние пастбища [История Калмыкии 2009: 313–314].

Скот являлся основой экономических отношений тогдашних калмыков, благодаря скоту калмыки получали как пропитание, так одежду и бытовые принадлежности. Его же выменивали у соседних народов на продукты традиционных ремесел оседлого населения и товары мануфактурного происхождения [История Калмыкии 2009: 311–312]. Тем не менее уже в период правления Дондук-Даши в хозяйственной жизни калмыков наблюдаются и такие новые веяния, как эпизодическое земледелие, сенокосение и рыболовство, причем последним калмыки занимались как самостоятельно, так и посредством отхожего найма [История Калмыкии 2009: 330–331].

Вследствие того, что калмыки XVIII в. являлись кочевым сообществом, до наших дней не дошли их внутренние делопроизводственные и хозяйственные документы, по которым обычно изучают экономическую историю оседлых обществ. Таким образом, единственными источниками, как по всей истории Калмыцкого ханства, так и по его хозяйственной части, являются, с одной стороны, внешние источники (делопроизводственные документы российских органов власти, а также описания очевидцев), с другой стороны — письма калмыцких правителей и владельцев того периода. Данный тезис подтверждают и процитированные выше авторы, в работах которых при описании социально-экономической истории калмыков того периода значительную часть источниковой базы формируют соответствующие письма.

Подобные упоминания весьма обширны и по периоду правления Дондук-Даши. Так, в монографии А. В. Цюрюмова «Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений» упоминается ряд писем калмыцкого наместника по хозяйственным вопросам на имя различных российских должностных лиц [Цюрюмов 2007: 279–288]. В свою очередь в работах М. М. Батмаева письма Дондук-Даши по настоящей тематике представлены еще шире и охватывают все описанные выше как традиционные, так и новые отрасли калмыцкого хозяйства того периода. Весьма примечательно и то, что в упомянутом выше сборнике Д. А. Сусеевой приведены оригинал и перевод письма Дондук-Даши В. Н. Татищеву от 24 декабря 1741 г. В нем наместник жаловался губернатору на то, что подвластным ему людям запрещали ловить рыбу в урочище Хараболот, и просил его разобраться в данной ситуации [Сусеева 2009: 574–579]. Данное письмо на сегодняшний день является единственной археографической публикацией письменного наследия наместника Дондук-Даши по такой важной тематике как хозяйственная жизнь калмыков в период его правления.

Ниже мы приводим тексты писем Дондук-Даши и их переводов, выявленные в Национальном архиве Республики Калмыкия.

2.1. Письмо от 5 марта 1742 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 152. Л. 46об.]

*Транслитерация текста*¹

yeke imprātoriyin itegeltei üyileči tayini sobedniq: ayidarxani / güberni gübernātor: basilei mikid üči tatišibtu itegeltei xayirla/daq axadān bariba::

tani bičiq ireqseni ügeni ejil yātultun xasaq dai kekü ügei / gejiṭa: tegēd tenggiyin ceriq: takiyin ceriq olon küün irekü gejiṭa: / taqtadu oroxona orusā küčir zaryutai bolxu beyize gejiṭa: tere / tani bičigēr ejil yātulxuni: tenggiyin cerigi manā xamtu zusaxu bolōd: / takiyin cerigi zayigiyin yendertü bayilyād: töüni oyiro manai čigi / xaruul bayilcaxuna: sayin bolxu sanji ese tiyiküne xasagi itegeji bayixu/-du kecüü bolnoi: yerü čigi ene zun yazāra öbörö üyile ügei / bayiji: nutugiyinān zöbiyini yasaji keküdü zöb beyize geji sanalai / bi: tegēd yamar zöbiyini ta šinjileji medekü ülü bayinu: xasagi ta yai / ügei geqsen-dü icaji yātulxu ülü bayinu: xasaṗāsa biši ejil yātul/san niyide üyiledü mani buruu biši belei: zuq xasagi itegeji ülü / icād tegedeq biši bida: xasagiyn üyiledü ta icaqsan tölō: ejil yātul/ya bida: xalimaq xasaqtu xor keküyigi ali ouruulxār zakiji bayidaq bi: / odō čigi basa zakiji bayixu ülü bayinubi yerü xalimaq buruu zang yekede / suruqsan bolōd: üyile zaryuni sayitur yasarād ödüi bayinai: töüni čigi / ta medeji üzeji bayidaq beyize:: 2 mani ene niyide / xalimaqtu nāru

¹ В транслитерации приведены два оригинальных знака препинания. Знак с двумя точками (:) разграничивает как целые предложения, так и отдельные смысловые части предложения, в свою очередь четыре точки (:) ставились в конце абзаца или текста. Косая черта (/) служит обозначением начала новой строки.

cāru: zaryuyin yosōr ablacaxu: yeke čigi baɣa čigi / yamar bese: küün: mal: ulus čigi kendü bese bayinai: tere бүкүйин zaryu / zöbiyini ken keji yasaxubi: zarimni bičixa nilxas bolnoi: zarimni belbesün / aɣas bolnoi: nutuq mani yekede ebderēd: yekede muuraqsan ebderkei / sedkiltei ulus odō čigi dousād ödüi biši: ene бүкүдөйин zaryuyini / odō ken keküyigi ta medekü ülü bayinu::

tani döü don rub raši:: / usun noxoi jiliyin xoyodoɣār moɣoi / sarayin arban šinedü bičibe skya xan-du::

Синхронический перевод [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 152. Л. 45об.–46]

[Л. 45об.] *Ея императорскаго величества в делах верной управляющему тайному советнику и Астраханской губернии губернатору Василию Никитичу Татисчеву верному и милостивому старшему брату вручаю.*

Писали вы, что в переправлении на луговую сторону от кайсак опасности не находятся, к тому ж де довольное число будет донскаго и яицкого воиска. А ежели в линию вступим, уповааете, что с российскими людьми могут произойти немалыя ссоры и следствии. И посему вашему письму, ежели по переправе донское войско определите с нами обще, яицкое войско при яицком урочище именуемом Эндере, при котором и наш караул прибавятся ж, то будет изрядно. А ежели не определится, то бес того кайсаком поверить никак невозможно. И ежели б кроме кочеванием места от инаго чего не воспоследовало помешательства, то нынешние лето я уповавал, чтоб калмыцкие беспокойства в состояние привести. Однако ж за тем в ваше разсуждение оставляю. Что же изволите объявлять, что от кайсак опасения нет, то в надеяние того от вас объявления на луговую переправимся. И ежели кайсаки б не помешали, то переходом на луговую сторону в протчих делах противности не воспоследует. Токмо одно препятствует, что не верим кайсаком, как же вы с своей стороны им кайсаком верите, то и мы поверим вам, на луговую сторону перейдем. И чтоб калмыки им кайсаком противностей не причиняли, как ныне, так и впредь запрещать буду. Однако ж уповаю, что вы и сами видеть можете, что калмыцкие улусы весьма [неразборчиво. — Н. К., А. Ч.] противны поступкам [Л. 46] и от того действительно в состояние не приведены.

Для разобрания в тех калмыцких улусех в завладении промежду собою людьми, скотиною и улусами по калмыцкому обыкновению, кто будет справедливость чинить, ибо одни мололетны, а другие вдовствующие женщины. А понеже калмыцкие улусы от беспокойства пришли в сущее оскудение, которые и ныне в междоусобной ссоре противными замыслы действительно не успокоились. Во оном во всем кому справедливости чинить ныне в вашей воле состояю ваш младший брат Дондук Даши.

Писано при Долгом острове весенняго втораго месяца 10 числа 1742 году.

В представленном письме калмыцкий наместник уточняет у астраханского губернатора В. Н. Татищева информацию касательно намерений казахов воспрепятствовать калмыкам переход на луговую сторону Волги. Как отмечалось выше, таковой переход происходил в весенний период для того, чтобы калмыцкие улусы перешли на летние пастбища в северном направлении. Еще одной примечательной чертой письма является то, что Дондук-Даши подчеркивает в нем крайнее обеднение калмыков, которые все еще не оправились от произошедших после смерти хана Аюки в 1724 г. междоусобиц.

По оценке Н. Н. Пальмова, вследствие междоусобиц 1720-х гг., вооруженного выступления Дондук-Омбо в 1731 г. и борьбы за власть, имевшей место в

1741 г., в состоянии крайней бедности в начале 1740-х гг. находилось около трети калмыков (10 из 30 тысяч кибиток) [Пальмов 1927: 124–125]. Дондук-Даши, обретя пост наместника ханства в ноябре 1741 г., практически сразу же принялся за налаживание хозяйственной жизни своих подвластных, и данный о тезис об «оскудении» калмыков использовался им, например, в переговорах с имперской администрацией по вопросу о разрешении для калмыков свободной торговли рыбой [Цюрюмов 2007: 281].

2.2. Письмо от 6 октября 1743 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 174. Л. 254]

Транслитерация текста

yeke imprātoriyin üyileči tayinai sobedniq: ayidarxani gūbernı gubernator basilei / mikid üči tatišcebtu: itegeltei inaq axadān bičibe::

yeke imprātoriyin gegēn-dū šibēdē eltügseni tölō irōl talbixu-yin tölō: gūngei-gi / xoyor nöküdtöi-gi ilgebebi: töüni түдөл үгеi өтөр yabuuluyita::

2 xasagiyn tölō ceriq eriküyin učiri: mani tölō kiliji ayiladخال barixuyigi / ta medekü ülü bayinu:: 3 tani orus xoton ermeli xazalai: xara üyile: mani xalimaq čigi: ezeni šanggiyin mönggün-dū xor keji bayinai: / učirni šanggiyin arkisa xudalduči abād: yazā mandu bolōd xā bese yabuji / güyilgenei: tereni šanggiyin arakiyin mönggün-dū xortoi: tegēd mandu čigi sayin / tusa bolxu youman ügei: tere tölō mini sanān ayidarxani medel tötu küügi: / ta zarlaji šangyāsa abād yazā yarči xā bese yabuji araki güyilgekiyigi sayitur / böluyita: mania xalimaq: mangyud türkemen-dū: mini bičiq tamaya ügei küün-dū: šangyāsa / araki bitigei xudaldu geji šanggiyin araki xuduldāči-du sayitur zakiyita: / minii bičiq tamaya bolbo čigi arakiyin kemzē bičji öqügei: iyigeji bolxuna: / šanggiyin arkidu lab sayin geji sananai bi:: 4 xasayāsa ene sarayin nigen / šinedü yaruqsan: nidnon mini xoyiyoor oduqsan: tanai čigi manai čigi mangyud türkūmen / togmuudai čigi cuyār arban yurban küün odō ireseni ügeni: tendeki mini elči kelekei / abida gedeq küügi: abla xayiriyin elčitei nāru yarči belei өтөр irekü genei: töügēr / mini sanān: urdaki zanabagiyn elčiyigi töüni ireqsen darui ni: keleji ireqsen / zanggiyini sonosōd xariulxu zōb beyize: tere küüni biši zanggiyini taniyigi tanai / mangyudāsa medeqsen beyize gēd ese bičibebe::

tani inaq döü don rub raši:: / usun yaxai jiliyin yaxai sarayin 27-du:: / siyir küldü bičibe::

Синхронический перевод [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 174. Л. 254об.–255]

[Л. 254об.] *Ея императорского величества в делах управляющему тайному советнику и астраханскому губернатору Василию Никитичу Татисчеву верному приятелю и старшему брату пишу;*

Ея императорскому величеству с поздравлением о замерении со шведами Гунгу с товарищи двом человек послал и прошу одного отправить без замедления.

2. *Како же можете старание о калмыцком народе приложить что чрез доношение за просьбу вашу для вспоможения на кайсак войска было дано оное в вашей воле состоит.*

3. *Можете усмотреть какой деньгам казенным ущерб приключают то есть русские хивинцы армяне казанские и юртовские татары и наши калмыки покупкою казенного вина для продажи нам в улусы и в прочие места вывозя торгуют от чего казенному интересу не без ущерба и мы никакой пользы не видим. Того ради по мнению моему не соблаговолите ль астраханской губернии во всех подчиненных местах за пресечение учинить чтоб никто в калмыцкие улусы и в прочие места на продаже вина вывозить не держали а кто казенного вина у продажи приставлен будет оным изволите приказать чтоб нашим калмыком татаром и тухменцом бес письма и печати моей вина не продавали а сколько кому взять надлежит то б число*

в письмах имянно объявляли и ежели по сему изволите за пресечения учинить уповаю что казенному интересу польза быть может.

4. Прошедшего году в небытность мою пущенные в кайсаки ваши и наши татара с трухменцы и тогмут всех тринадцать человек и с кайсак [Л. 255] выехали сего месяца 1 числа и сюда прибыв объявили что имеющие мои там посланцы Келекей и Обида с абулхаириновы посланцы сюда обще едут и будут в скорости того ради по моему мнению не соблаговолите ль по приезде тех посланцов выслушав дела и в скорости обратно отпустить обще прежними прибывшими Джанбе новыми посланники о протчих же ведомостях я не писал в надежде той что вы уведомились от своих татар.

Ваш приятель и младший брат Дондук Даши. Писано с коровьей Луки осеннего последнего месяца 21 числа 1743 году.

Весьма интересным представляется и это письмо ввиду того, что в нем Дондук-Даши затрагивает тему несанкционированной торговли алкогольными напитками в калмыцких улусах, проводившейся представителями соседних оседлых народов. По словам калмыцкого наместника, торговля «казенным вином» не приносила пользы как российскому государству, так и самим калмыкам. Данное сообщение явно свидетельствует о заботе Дондук-Даши не только о хозяйственном достатке его подвластных, но и об их нравственном благополучии. Весьма оно ценно и тем, что явление широкого употребления алкоголя среди калмыков упоминается в ряде работ авторов XIX в. [Дуброва 1998: 53, 59, 64; Небольсин 1852: 196–197; Павлов 1845: 37; Страхов 1810: 32], наблюдавших его в то время, что может говорить о своеобразной преемственности жизни калмыков XVIII–XIX вв. в этом отношении и, как следствие, о факте укоренения этой проблемы среди калмыков в течение двух столетий.

2.3. Письмо от 2 мая 1744 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 180. Л. 3]

Транслитерация текста

yeke imprātoriyin üileči tayini sobedniq ayidarxani / gūberni gubernator: basilei mikid-üči tatišcebtu: itegel/tei inaq axadān bičibe::

yeke imprātoriyin dēdū öröšöl zarliqār: bodonggi / abči ireküyin tölō namsuyigi iğebebi: töüni nāru / cāru yabuxu duni orus youman xaryād xor / kekü mayad ügei: tere tölō xāluyayin bičiğ ögüyira:: 2 urāla zang ügei bolōd odō sine zarliq čigi / ügei: xalimagiyin eberēn ongyocōr yabuqsani mönggün: / degel nekei xurisxa zayasu edenēse tamyyin / mönggü abxuyigi: odō xarin neqdeji bayinai geji: nada / olon kümün kelenei: töüni uuruuluyita: tegēd töüni / yaya geqsen xariuyān nada todorxoi bičiji ilgei/ta geji erinei bi:: tanı inaq döü don rob / raši::

modun xuluyun jiliyin morin sarayin 28-du siyir / küldü bičibe::

Синхронический перевод [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 180. Л. 3об.]

[Л. 3об.] Ея императорского величества дела управляющему, тайному советнику и Астраханской губернии губернатору Василью Никитичу Татищеву, верному приятелю и старшему брату, пишу:

По высочайшему ея императорского величества указу за Бодонгом отправил я Намсу, которому паче [неразбочиво. — Н. К., А. Ч.] в проезде ево как туда, так и

*возвратно от встречающихся расейян не учинилась бы какова вреда, того ради проез-
жее письмо дать ему благоволите.*

*2. Многие люди мне объявляют, что калмык наших как ездящих на своих лодках,
так с тулугов, с овчин и мерлушак и с рыб имание денег и пошлин пред прежним
наипаче умножилось. А понеже напред сего таково обыкновение не бывало, тако
ж и ныне о том в нове указа не имется. Того ради вас прошу во оном учинить за
пресечение, и что учинено будет обстоятельно ко мне описать.*

*Ваши приятель и младший брат Дондук Даши. Писано при Коровей Луке вешняго
после днего месяца 28 дня 1744 года.*

На страницах данного письма Дондук-Даши просит астраханского губер-
натора В. Н. Татищева разобраться с неприятной ситуацией неоправданного
сбора податей с калмыков, который, по всей видимости, происходил в процессе
их перехода с нагорной на луговую сторону Волги. Как изложено выше, систе-
ма сезонных перекочевов являлась витальной необходимостью для калмыков
XVIII в. в связи с особенностями их кочевого хозяйства, и в этой связи забота
Дондук-Даши в этом вопросе представляла большое значение для хозяйства
его подвластных.

3. Заключение

Проведенный анализ показал, что материалы писем калмыцкого наместника
Дондук-Даши могут рассматриваться не только как ценнейший источник по по-
литической истории Калмыцкого ханства, но и как доказательство значительного
потенциала письменного наследия калмыцких правителей в качестве источника
по хозяйственной истории калмыков XVIII в.

В представленных письмах наместник в переписке с астраханским губер-
натором В. Н. Татищевым выступает в качестве радателя экономических и
нравственных интересов своих подвластных по ряду вопросов, в число которых
входили безопасность калмыков при весенней перекочевке через Волгу, защита
их от неправомерных сборов, а также забота об их нравственном состоянии
посредством требования запрещения несанкционированной продажи алкоголя в
улусах. Немаловажной также выступает констатация со стороны Дондук-Даши
факта «оскудения» калмыков, который использовался им в качестве довода при
его прошениях к имперским властям для решения различных хозяйственных
проблем своих подвластных. Все это дает нам право рассматривать данные пись-
ма в качестве весьма важных источников по хозяйственной истории калмыков
и с точки зрения их содержания.

Источники

НА РК — Национальный архив Респуб-
ли Калмыкия.

Sources

National Archives of the Republic of Kal-
mykia.

Литература

Батмаев 2022 — Батмаев М. М. Калмыки
в XVII–XVIII вв. События, люди, быт /
2-е изд., испр. и доп. Элиста: КалмНЦ
РАН, 2022. 440 с.

References

Batmaev M. M. Kalmyks in the 17th–18th
Centuries. Events, People, Life / 2nd ed.,
corrected and supplemented. Elista:
Kalmyk Scientific Center (RAS), 2022.
440 p. (In Russ.)

- Гедеева 2004 — *Гедеева Д. Б.* Письма наместника калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Элиста: КИГИ РАН, 2004. 196 с.
- Гедеева 2020 — *Гедеева Д. Б.* Тюркские топонимы в языке писем калмыцкого хана Аюки (конец XVII – начало XVIII в.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 22–140. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-122-140
- Дорджиева 2002 — *Дорджиева Е. В.* Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2002. 210 с.
- Дуброва 1998 — *Дуброва Я. П.* Быт калмыков Ставропольской губернии / предисл. М. М. Батмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3 тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.
- Кокшаева 2011 — *Кокшаева Н. О.* Языковые особенности эпистолярного наследия калмыцкого хана Дондук-Даши (середина XVIII в.). Элиста: Герел, 2011. 189 с.
- Небольсин 1852 — *Небольсин П. И.* Очерки Волжского низовья. СПб.: Тип. МВД, 1852. 197 с.
- Олядыкова 2012 — *Олядыкова Л. Б.* Формула Йэкэ Цахаан Хан в языке писем хана Аюки и его современников (1714–1723 гг.) // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 4. С. 84–89.
- Орлова 2019 — *Орлова К. В.* Национальный архив Республики Калмыкия: письма калмыцких ханов // История и архивы. 2019. № 3. С. 12–19.
- Павлов 1845 — *Павлов А. М.* О калмыках, кочующих по Астраханской степи. СПб.: Тип. Х. Гинце, 1845. 45 с.
- Пальмов 1927 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков: в 5 ч. Ч. 2. XVIII век. Астрахань: Калмоблисполком, 1927. 231 с.
- Gedeeva D. B. Letters of the Governor of the Kalmyk Khanate Ubashi (18th Century). Elista: KIH RAS, 2004. 196 p. (In Russ.)
- Gedeeva D. B. Turkic Toponyms in the Language of Letters of the Kalmyk Khan Ayuki (late 17th – early 18th Centuries). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 122–140. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-122-140
- Dordzhieva E. V. The Exodus of the Kalmyks to China in 1771. Rostov-on-Don: North Caucasus Higher School Research Center, 2002. 210 p. (In Russ.)
- Dubrova Ya. P. Everyday Life of the Kalmyks of the Stavropol Province. M. Batmaev (pref.). Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 181 p. (In Russ.)
- History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Days. In 3 vol. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. 848 p. (In Russ.)
- Kokshaeva N. O. Linguistic Features of the Epistolary Heritage of the Kalmyk Khan Donduk-Dashi (mid-18th Century). Elista: Gerel, 2011. 189 p. (In Russ.)
- Nebolsin P. I. Essays on the Volga Lower Reaches. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs, 1852. 197 p. (In Russ.)
- Olyadykova L. B. Formula Yeke Tsahaan Khan in the Language of Letters of Khan Ayuki and his Contemporaries (1714–1723). *Bulletin of Kalmyk University*. 2012. No. 4. Pp. 84–89. (In Russ.)
- Orlova K. V. National Archives of the Republic of Kalmykia: Letters of Kalmyk Khans. *History and Archives*. 2019. No. 3. Pp. 12–19. (In Russ.)
- Pavlov A. M. About the Kalmyks Wandering across the Astrakhan Steppe. St. Petersburg: Hinze, 1845. 45 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. Studies on the History of the Volga Kalmyks: in 5 parts. Part 2. Astrakhan: Kalmoblispolkom, 1927. 231 p. (In Russ.)

- Страхов 1810 — *Страхов Н. И.* Нынешнее состояние калмыцкого народа, с при-
совокуплением калмыцких законов
и судопроизводства, десяти правил
их веры, молитвы, нравоучительной
повести, сказки, пословиц и песни Са-
вардин. СПб.: Тип. Шнора, 1810. 95 с.
- Сусеева 2003 — *Сусеева Д. А.* Письма
хана Аюки и его современников
(1714–1724 гг.): опыт лингвосоцио-
логического исследования. Элиста:
Джангар, 2003. 456 с.
- Сусеева 2009 — *Сусеева Д. А.* Письма
калмыцких ханов XVIII века и их со-
временников (1713–1771 гг.). Элиста:
Джангар, 2009. 992 с.
- Тепкеев 2018 — *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан
и его время. Элиста: КалМНЦ РАН,
2018. 366 с.
- Тепкеев 2021 — *Тепкеев В. Т.* Письма
хана Аюки как источник по истории
русско-калмыцких отношений конца
XVII – первой четверти XVIII в. // *Бюллетень Калмыцкого научного
центра РАН.* 2021. № 4. С. 10–22. DOI:
10.22162/2587-6503-2021-4-20-10-22
- Тепкеев и др. 2021 — *Тепкеев В. Т., Яр-
маркина Г. М., Гедеева Д. Б.* Письмо
тайши Аюки 1688 г. // *Бюллетень Кал-
мыцкого научного центра РАН.* 2022.
№ 2. С. 10–38. DOI: 10.22162/2587-
6503-2022-2-22-10-38
- Тепкеев, Бембеев 2020 — *Тепкеев В. Т.,
Бембеев Е. В.* «Я очень возрадовался
тому, что по указу Великого Белого
Царя наше дело будет решаться». *Письма калмыцкого хана Аюки к го-
сударю Петру Алексеевичу и канцлеру
Г. И. Головкину в 1714 г. // Вестник
архивиста.* 2020. № 1. С. 223–235.
- Тепкеев, Нацагдорж 2016 — *Тепкеев В. Т.,
Нацагдорж Ц. Б.* Калмыцкое письмо
1685 г. как одно из ранних письменных
свидетельств хана Аюки // *Монголо-
ведение.* 2016. Т. 8. № 1(8). С. 2–12.
- Strakhov N. I. The Current State of the
Kalmyk People, with the Addition of
Kalmyk Laws and Legal Proceedings,
Ten Rules of their Faith, Prayers, Mor-
alizing Stories, Fairy Tales, Proverbs and
Song Savardin. St. Petersburg: Shnor,
1810. 95 p. (In Russ.)
- Suseeva D. A. Letters of Khan Ayuka and
his Contemporaries (1714–1724): an At-
tempt at Linguo-Sociological Research.
Elista: Dzhangar, 2003. 456 p. (In Russ.)
- Suseeva D. A. Letters of the Kalmyk Khans
of the 18th Century and their Contempo-
raries (1713–1771). Elista: Dzhangar,
2009. 992 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Ayuka Khan and His Time.
Elista: Kalmyk Scientific Center of the
RAS, 2018. 366 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Letters of Khan Ayuka as a
Source on the History of Russian-Kalmyk
Relations from the Late 17th to the first
quarter of the 18th Century. *Bulletin of
the Kalmyk Scientific Center of the RAS.*
2021. No. 4. Pp. 10–22. (In Russ.) DOI:
10.22162/2587-6503-2021-4-20-10-22
- Tepkeev V. T., Yarmarkina G. M., Gedee-
va D. B. Letter of Taisha Ayuka, 1688.
*Bulletin of the Kalmyk Scientific Center
of the RAS.* 2022. No. 2. Pp. 10–38. (In
Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2022-
2-22-10-38
- Tepkeev V. T., Bembeev E. V. “I was very
glad that our case would be resolved
by the decree of the Great White Tsar.”
Letters of the Kalmyk Khan Ayuka to
Tsar Peter Alekseevich and Chancellor
G. I. Golovkin in 1714. *Archivist's Bulle-
tin.* 2020. No. 1. Pp. 223–235. (In Russ.)
- Tepkeev V. T., Natsagdorj Ts. B. Kalmyk
Letter of 1685 as one of the Early Written
Testimonies of Khan Ayuka. *Mongolian
Studies.* 2016. Vol. 8. No. 1(8). Pp. 2–12.
(In Russ.)

- Успенский, Яхонтова 2021 — Успенский В. Л., Яхонтова Н. С. Письма калмыцких владельцев начала XVIII в. в Библиотеке СПбГУ // Тибетология в Санкт-Петербурге: сб. ст. Вып. 2. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. С. 267–294.
- Успенский В. Л., Яхонтова Н. С. Letters of Kalmyk Rulers of the Early 18th Century in the Library of St. Petersburg State University, Tibetology in St. Petersburg: Coll. Art. No. 2. St. Petersburg: Petersburgskoe Vostokovedenie, 2021. Pp. 267–294. (In Russ.)
- Цюрюмов 2005 — Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. Элиста: Джангар, 2005. 159 с.
- Тsyuryumov A. V. Kalmyk Khanate in 1724–1741: Chronicles of Dynastic Strife. Elista: Dzhangar, 2005. 159 p. (In Russ.)
- Цюрюмов 2007 — Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2007. 464 с.
- Тsyuryumov A. V. Kalmyk Khanate as Part of Russia: Problems of Political Relations. Elista: Dzhangar, 2007. 464 p. (In Russ.)
- Ярмаркина 2019а — Ярмаркина Г. М. Военная лексика в деловых письмах хана Аюки и русских переводах 1714 г. // Монголоведение. 2019. Т. 11. № 4. С. 903–915.
- Yarmarkina G. M. Military Vocabulary in the Business Letters of Khan Ayuka and Russian Translations of 1714. *Mongolian Studies*. 2019. Vol. 11. No. 4. Pp. 903–915. (In Russ.)
- Ярмаркина 2019б — Ярмаркина Г. М. Номинации лиц по социальному положению в калмыцких деловых письмах XVIII века и их эквиваленты в русских переводах // Монголоведение. 2019. Т. 11. № 3. С. 629–639. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-629-639
- Yarmarkina G. M. Nominations of Persons by Social Status in Kalmyk Business Letters of the 18th Century and their Equivalents in Russian Translations. *Mongolian Studies*. 2019. Vol. 11. No. 3. Pp. 629–639. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-629-639
- Ярмаркина 2019в — Ярмаркина Г. М. Стратегии перевода калмыцких деловых текстов XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов 1714 г.) // *Oriental Studies*. 2019. Т. 12. № 6. С. 1188–1198. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1189-1198
- Yarmarkina G. M. Translation Strategies for Kalmyk Business Texts of the 18th Century (based on the letters of Ayuka Khan and their Russian Translations of 1714). *Oriental Studies*. 2019. Vol. 12. No. 6. Pp. 1188–1198. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1189-1198
- Ярмаркина 2020а — Ярмаркина Г. М. Антропонимы в письмах хана Аюки и их русских переводах: предварительный анализ // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 3. С. 497–508. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-3-497-508
- Yarmarkina G. M. Anthroponyms in the Letters of Ayuka Khan and their Russian Translations: Preliminary Analysis. *Mongolian Studies*. 2020. Vol. 12. No. 3. Pp. 497–508. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-3-497-508
- Ярмаркина 2020б — Ярмаркина Г. М. Бытовая лексика в деловых текстах XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов) // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 4. С. 1092–1102. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1092-1102
- Yarmarkina G. M. Everyday Vocabulary in Business Texts of the 18th Century (based on the letters of Khan Ayuka and their Russian Translations). *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 4. Pp. 1092–1102. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1092-1102

- Ярмаркина 2020в — Ярмаркина Г. М. Особенности перевода топонимической лексики в деловом тексте XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов) // Вестник Калмыцкого университета. 2020. № 4. С. 85–91.
- Ярмаркина 2021a — Ярмаркина Г. М. Сообщения о подарках в калмыцких деловых текстах XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов) // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 4. С. 764–774. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-764-774
- Ярмаркина 2021б — Ярмаркина Г. М. Этикетные формулы как этнолингвистические компоненты оригинальных и переводных калмыцких деловых текстов XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов 1714–1715 гг.) // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 5 С. 1102–1110. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-629-639
- Yarmarkina G. M. Features of the Translation of Toponymic Vocabulary in a Business Text of the 18th Century (based on the letters of Khan Ayuka and their Russian Translations). *Bulletin of Kalmyk University*. 2020. No. 4. Pp. 85–91. (In Russ.)
- Yarmarkina G. M. Messages about Gifts in Kalmyk Business Texts of the 18th Century (based on the letters of Khan Ayuka and their Russian Translations). *Mongolian Studies*. 2021. Vol. 13 No. 4. Pp. 764–774. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-764-774 (In Russ.).
- Yarmarkina G. M. Etiquette Formulas as Ethnolinguistic Components of Original and Translated Kalmyk Business Texts of the 18th Century (based on the letters of Khan Ayuka and their Russian Translations of 1714–1715). *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 5. Pp. 1102–1110. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-629-639

Has been issued since 2002 https://mongoloved.kigiran.com/jour	МОНГОЛОВЕДИЕ (Монгол судлал) (Mongolian Studies)
Vol. 17, Is. 1, pp. 45–63, 2025 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-45-64	ISSN 2500-1523 (Print) ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДИЕ

УДК 930 (517.3)

UDC 930 (517.3)

DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-45-64

**«Монгольский вопрос» в газете
«Восточное обозрение» в конце
XIX в.**

**“Mongolian Issue” in Newspaper *The
Eastern Review*, Late 19th Century**

Лилия Владимировна Кальмина¹,
Леонид Владимирович Курас²

Lilia V. Kalmina¹,
Leonid V. Kuras²

¹ Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой,
670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan
Studies of the Siberian Branch of the RAS (6,
Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian
Federation)

доктор исторических наук, ведущий на-
учный сотрудник

Dr. Sc. (History), Leading Research Asso-
ciate

0000-0001-8577-2496. E-mail: kalminal[at]gmail.com

² Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой,
670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan
Studies of the Siberian Branch of the RAS (6,
Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian
Federation)

доктор исторических наук, главный науч-
ный сотрудник

Dr. Sc. (History), Senior Research Associ-
ate

0000-0003-4507-249X. E-mail: kuraslv[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Кальмина Л. В., Курас Л. В., 2025

© Kalmina L. V., Kuras L. V., 2025

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена монгольской тематике на страницах издания областников — газеты «Восточное обозрение», которая уделяла Монголии серьезное внимание. *Цель* исследования — анализ направлений «монгольской» проблематики в издании, в котором Монголия рассматривалась как торговый партнер и возможная арена борьбы с Китаем, а также позиции газеты в определении способов вовлечения

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the Mongolian topic on a regional (*oblastniki*) edition pages *The Eastern Review*, which paid a very serious attention to Mongolia. *Goal of investigation* — description of the Mongolian topic directions in an edition, having treated Mongolia as a trade partner and possible field in the struggle against China, as well as the newspaper's point of view in definition of Mongolian way of involvement in Russian sphere

Монголии в орбиту российского влияния. *Материалы и методы.* Работа основана на материалах газеты «Восточное обозрение» — источника, редко используемого историками российско-монгольских отношений в обозначенный хронологический период. При работе над статьей авторы придерживались проблемно-хронологического принципа изложения материала, наиболее уместного в сформулированной концепции. Применялись и специальные исторические методы — историко-сравнительный и историко-генетический. *Результаты и выводы.* Авторами выявлены основные направления монгольской тематики «Восточного обозрения»: особенности «национального характера» монголов, принципы российско-монгольской торговли, место Монголии в геополитической стратегии России. Издание отмечало миролюбивый характер монголов и их способность к «культурной восприимчивости». Главными препятствиями на пути развития российско-монгольской торговли газета считала неразвитую транспортную инфраструктуру и противодействие Китая, опасавшегося усиления российского влияния на монголов. Выход издания виделось в усилении дипломатических методов работы, способных оказать помощь российскому купечеству в завоевании монгольского рынка. В определении позиции России по отношению к Монголии редакция, вопреки сторонникам политики «жесткой руки», придерживалась принципа «мягкой силы», будучи уверенной, что российские товары, российский менталитет и мудрое управление склонят Монголию на сторону России быстрее, чем применение оружия.

Ключевые слова: газета «Восточное обозрение», Монголия, российско-монгольская торговля, российское купечество, пути сообщения, Чуйский тракт, бийские купцы, китайская конкуренция, Кяхта, Кобдо, чайная торговля

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ: Л. В. Кальминой — по проекту «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономиче-

of influence. *Materials and methods.* The research is based on *The Eastern Review's* publications, the source rarely used in Russian-Mongolian relations investigation in the given historical period. When writing the article, authors stuck to the material presentation problem-chronological method, more suitable to the formulated concept. Special historic-comparative and historic-genetic methods have been used as well. *Results and conclusions.* The authors identified *The Eastern Review's* main Mongolian topic directions: Mongolian “national character’s” peculiarities, Russian-Mongolian trade principles, Mongolian place in Russian geopolitical strategy. According to the paper, the Mongols possessed peace loving character and the capacity for “cultural sensitivity”. The newspaper strictly objected those who treated the Mongols as ignorant people not capable to progress. The staff stressed the need for development of the Russian-Mongolian relations and willingly placed the materials about Russian merchants looking for new trade routs in Mongolia on its pages. The newspaper considered the undeveloped transport infrastructure and the opposition of China, which feared the strengthening of Russian influence on the Mongols, to be the main obstacles to the development of Russian-Mongolian trade. The edition found the way out in diplomatic methods, able to give assistance to the Russian merchants in the Mongolian market conquest. In Russia’s position definition in connection with Mongolia despite the supporters of *strong hand* the staff declared the principle of *soft force*, being sure that Russian goods, Russian mentality and wise management would attract Mongolia to the Russian side better than weapons.

Keywords: Newspaper *The Eastern Review*, Mongolia, Russian-Mongolian trade, Russian merchants, communication paths, the Chuysky tract, Biysks merchants, Chinese competition, Kyakhta, Kobdo, tea trade.

Acknowledgements. The research was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation: L. V. Kalmina — project “Russia and Inner, Asia: geopolitical, social-economic and

ского и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.), № 121031000243-5; Л. В. Курасом — по проекту «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1.

Для цитирования: Кальмина Л. В., Курас Л. В. «Монгольский вопрос» в газете «Восточное обозрение» в конце XIX в. // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 1. С. 45–64. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-45-64

intercultural cooperation dynamics (17th–21st cc.)’ no. 121031000243-5; L. V. Kuras — project “Historical Space of the Mongolian World: Archaeological Cultures, Societies and States”, no. 121031000241-1

For citation: Kalmina L. V., Kuras L. V. “Mongolian Issue” in Newspaper *The Eastern Review*, Late 19th Century. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025; 17(1): 45–64. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-45-64

1. Введение

Газета «Восточное обозрение» была основана лидером областников Н. М. Ядринцевым в Санкт-Петербурге в 1882 г. Убедившись, что жизнь восточных окраин не очень интересует столичную публику, он принял решение перенести редакцию в Иркутск, поближе к освещаемым газетой местам событий [ВО, № 40 1897: 2]. В первом «иркутском» номере редакция сообщила: «Мы избрали Восточную Сибирь и город Иркутск резиденцией редакции, потому, что в нем всегда более живо бьется пульс общественной жизни, что самое общество здесь более чутко к общественным вопросам» [ВО, № 1 1888: 2].

Разрабатывая программу газеты, Н. М. Ядринцев выделял разработку естественных богатств края, положение торговли на Востоке, связи с азиатскими странами и развитие просвещения как способы «усиления русского элемента на Востоке» [Гольдфарб 1997: 41]. В этом контексте Монголия интересовала редакцию с самого начала. Причины ее интереса были изложены в перепечатанной газетой публичной лекции Г. Н. Потанина: «...для русских Монголия во многих отношениях очень важна. На протяжении нескольких тысяч верст она граничит с нашим отечеством; в Сибири живут сородичи монголов; через Монголию проходят наши караваны в богатые провинции застенного Китая; наконец, история Монголии связана с нашей древней историей. Естественно, что за последние годы мы начали ближе интересоваться этою странюю, ее настоящим состоянием и будущими судьбами» [ВО, № 18 1887: 8]. Еще раньше аналогичные мысли высказал неизвестный автор, откликнувшийся на отчет о третьем путешествии Н. М. Пржевальского, который был опубликован в Санкт-Петербурге в 1883 г.: «Некоторая доля интереса заключается и в том обстоятельстве, что исторические судьбы Монголии были некогда связаны с судьбами России; двухсотлетний период татарского ига получил свое начало в монгольской истории — и для нас страна, из которой вышли завоеватели, не может не быть интересна» [ВО, № 41 1883: 7].

В монгольской проблематике на страницах газеты в конце XIX в. можно выделить три основных направления: отчеты путешественников о посещении Монголии с анализом ее природно-климатических условий, этнических характеристик и верований монгольских народов; торговые операции российских купцов в Монголии; материалы геополитического содержания о необходимости усиления российских позиций в Монголии. Редакция имела возможность получать

информацию, что называется, из первых рук. Она сотрудничала с изучавшими Монголию видными исследователями Н. М. Пржевальским, Г. Н. Потаниным и др., содержала собственного корреспондента в Кобдо, ее постоянным автором был видный дипломат, востоковед В. Ф. Люба, будущий генеральный консул в Улясутае, Урге и Кобдо. С редакцией делились своими наблюдениями торговцы, которые вели дела во Внутренней Азии, жители Дальнего Востока и Монголии, активные читатели, имевшие острый глаз и бойкое перо. Имена многих из них установить не удалось. В то время безымянные корреспонденции были обычным явлением.

2. Материалы и методы

Исследование проводилось на основе анализа материалов газеты «Восточное обозрение», посвященных монгольской проблематике, и научных работ историков-монголоведов, исследовавших российско-монгольские отношения в указанный период. Авторы проанализировали сплошной массив газет, без выборки, за 16 лет — с 1882 г. по 1897 г. [BO 1882–1897]. Всего в исследовательское поле попали 1 230 номеров газеты. Значительная часть источников вводится в научный оборот впервые.

В исследовании применялся проблемно-хронологический метод, позволяющий рассмотреть в динамике вопросы развития российско-монгольских отношений в контексте «китайской» политики в Монголии. Использование историко-генетического метода позволяет увидеть корень той или иной проблемы в российско-монгольских отношениях, анализируемой изданием. Историко-сравнительный метод дал возможность сравнить разные тактики по отношению к Монголии, предлагаемые авторами газеты.

3. «Монголы отличаются образованностью»

«Пробелов в нашем знании Монголии много, — писал ранее упоминаемый нами автор отклика на отчет Н. М. Пржевальского, — об административном устройстве и социальном быте сведения наши скудны и, вероятно, неверны вследствие неумения нашего смотреть на чужую жизнь без предвзятого мнения» [BO, № 41 1883: 8]. Этнографических очерков, описывающих «монгольский национальный характер», газета поместила немало. Все авторы обращали внимание на миролюбие монголов. *«Иностранец может спокойно путешествовать в одиночку, не боясь нанесения обид, — писал неизвестный автор рецензии на «Очерки Северо-Западной Монголии» Г. Н. Потанина, — тогда как в киргизских степях конокрадство — обычное явление»* [BO, № 2 1882: 17]. Собственный корреспондент газеты в Кобдо тоже обратил внимание на миролюбие монголов, особенно в сравнении с киргизами: если везти чай по Монголии через киргизские кочевки, затруднительно найти возчиков, так как монголы боятся киргизов, которые постоянно вступают в драку и грабят караваны [BO, № 1 1883: 9].

В передовой статье газеты «North China Herald», перепечатанной «Восточным обозрением», монголы оценивались как сильные, храбрые, независимые, обладающие *«всеми качествами, необходимыми для развития прогресса»* [BO, № 3 1882: 7]. По мнению газеты, китайцы удерживали их в подчинении только из-за их разобщенности: *«Китаю выгодно поддерживать их разбросанность и невежество»* [BO, № 3 1882: 7]. Взгляд шанхайской газеты на способности

монголов, комментирует далее «Восточное обозрение», «опережает предрассудки некоторых наших соотечественников, изображающих монголов неспособными к культуре и не заслуживающими внимания» [ВО, № 3 1882: 7]. Уже упоминавшийся нами автор рецензии на «Очерки» Г. Н. Потанина отмечал, что «монголы по уровню развития культуры выгодно отличаются от киргизов образованностью князей и открытием кочующих библиотек, школ грамотности, развитием таковой у народа», несмотря на «в целом очень нелегкую жизнь низших слоев населения» [ВО, № 2 1882: 17].

Эти впечатления подтверждались наблюдениями военных агентов. «В умственном отношении нельзя отнять у монголов чрезвычайной сметливости, — писал предпринявший разведывательную поездку по Монголии А. А. Баторский. — <...> Но вне круга своей обычной деятельности монгол не сумеет проявить и сотой доли той сметливости, которая в сфере его жизни и обстановки неоднократно вызывала удивление путешественников» [Монголия... 1891: 33].

В одном из номеров газеты редакция, дав в изложении книгу И. Ф. Кудинова «В чужих краях. Путешествие по Монголии и Китаю»¹, обвинила автора в легкомыслии и поверхностности суждений, отсутствии «критического чутья и таланта» в описании монголов и китайцев. «Автор, как видно, не понимает, что и русскому образованному читателю нужен не один набросок внешней жизни азиатских племен, — говорилось в рецензии на книгу под названием «Новый обличитель Китая», — но и серьезные сведения, что мы считаем азиатские страны достойными основательного изучения <...> — об этом свидетельствует появление из нашей среды Потаниных, Пржевальских и др.» [ВО, № 40 1887: 8]. Редакция, будучи высокого мнения о культуре азиатских народов, отмечала, что автор отталкивает негуманным, брезгливым к ним отношением, которым пропитано все его сочинение и которое не позволяет доверять его впечатлениям, и предрекала жесткую критику его творения за «невежественные предрассудки и предубеждения» [ВО, № 40 1887: 9].

В географическом и этнографическом очерке исследования Монголии в 1891 г. говорилось, что, по длительным наблюдениям, весь район пригобийский и орхоно-селенгинский — не какая-то пустыня, годная только для кочевников, но «способная к культуре», где монголы и китайцы начинают заниматься земледелием. «Все это бросает иной свет на прилежащую Монголию, дает надежду со временем сделаться ей страной культурной», — приходит к выводу исследователь [ВО, № 42 1891: 9].

4. Дела идут, хотя и туго»

Больше всего «монгольских» материалов в газете было посвящено русско-монгольской торговле, развитию которой редакция придавала большое значение. «Торговля пролагала пути к культуре, — говорилось в передовой статье, — обеспечивала прочность границ, она сближала племена и устанавливала мирные сношения» [ВО, № 13 1889: 2].

Российско-монгольская торговля имела долгую историю: она началась еще в XVII в., хотя имела тогда незначительные масштабы и носила эпизодический характер. Активизации русско-монгольских торговых отношений служила

¹ Речь идет о книге [Кудинов 1887].

транзитная русско-китайская торговля, которая после заключения Нерчинского договора 1689 г. приняла регулярный характер. Хотя конечной целью движения русских караванов через Монголию был Китай, часть товаров купцы имели право продавать монголам [Тагаров 2022: 42].

Пекинский договор 1860 г. расширил торговые права России в Китае. В частности он разрешил свободную беспошлинную торговлю по всей русско-китайской границе. К тому же русским купцам по пути в Китай разрешалась торговля в Урге. В соответствии с правилами сухопутной торговли, принятыми 20 февраля 1862 г., купцы имели право беспошлинно торговать по всей Монголии [Старцев 2003: 65]. Однако реальность была куда менее радужной, чем декларировали договоры и правила. Член-сотрудник Императорского географического общества А. В. Адрианов в своей статье «Русская торговля на границах Китая» писал, что, хотя отношения с народами пограничных с Сибирью китайских владений, с монголами в том числе, могли бы быть очень выгодны, развивались они туго и встречали непредвиденные препятствия [ВО, № 14 1882: 9].

Одним из главных препятствий было отсутствие удобных путей сообщения. И если, как писал в «Восточном обозрении» неизвестный автор, *«с северной Монголией мы уже завели торговые сношения по всей длине нашей государственной границы»* [ВО, № 41 1883: 7], то другие направления оставались малоосвоенными. *«...до сих пор мы не имеем еще описания всех горных проходов, ведущих из России в Монголию, — писал автор отклика на отчет Н. М. Пржевальского. — Значительные участки земли, прилегающие к Сибири с юга, еще ни разу не были посещены каким-либо лицом, сведущим и способным составить отчет о пройденной местности <...>. — Конечно, изучение жизненных условий своего собственного общества важнее изучения жизни соседей, <...> — это бесспорно; но дело в том, что у нас обыкновенно о важности внутренних дел и предпочтении их внешним говорится тогда, когда в действительности ни о внутренних, ни о внешних делах серьезно не заботятся»* [ВО, № 41 1883: 8]. *«На северной границе Монголии и Маньчжурии дела идут, хотя и туго <...>, — писал в редакцию А. Сумароков¹, чье письмо было опубликовано под заголовком «Наши отношения к Китаю и китайцам». — Не то мы видим на западной границе. На восточных наших окраинах, прилегающих к Китаю, удобные торговые пути существуют только в трех местах, и те проходят через высокие горные хребты»* [ВО, № 25 1882: 3]. *«В то время, когда по Китаю на нашей границе стелется „скатертью дорога“, — указывалось в редакционной хронике, — только на нашей границе и в наших пределах дорога в самом первобытном виде. <...> И после этого мы жалуемся, что торговля у нас не развивается!»* [Кальмина 2024: 68]. Генеральный консул Российской империи в Урге Я. П. Шишмарев в донесении в Министерство иностранных дел указывал, что выдержать торговую конкуренцию с Англией не представляется возможным: доставить английские товары из морских портов Китая вглубь страны по грунтовым дорогам не составляет труда, тогда как в Западной Сибири таких дорог нет, и российские товары приходится доставлять по старинке — караванами [ВО, № 47 1883: 5]. Даже спустя 12 лет мало что изменилось. Редактор «Восточного обозрения» И. И. Попов в статье «Русская торговля на Дальнем Востоке» сетовал, что, несмотря на близкое соседство с Китаем, с которым Россия поддерживает торговлю

¹ Отчество не известно.

уже в течение нескольких веков, Россия и даже Сибирь находятся в значительно худших условиях, чем весьма отдаленная Европа. Сообщение с Китаем через неудобопроходимую Монголию сопряжено с большими трудностями, тогда как европейцы, так же, как американцы и японцы, пользуются удобными морскими сообщениями [ВО, № 76 1895: 1].

Упомянутые удобные пути в Западную Монголию, идущие через саянские и алтайские перевалы, — это чуйская дорога на Бийск в Кобдо, енисейская из Минусинска в сойотскую землю и тункинская из Тункинского селения. Автор материала «Теснина Енисея» из этих трех путей, по которым русские торговцы впервые начали проникать в пределы Монголии, наибольшее значение по количеству сбываемых русских товаров придает чуйской дороге, т. е. через город Бийск [ВО, № 14 1890: 1]. Редакция «Восточного обозрения» также считала ее наиболее перспективной, несмотря на ее сложность и опасность. *«Мы не раз говорили о сношениях с Китаем и Монголией чрез Чуйскую дорогу, — сообщалось в передовой статье «К вопросу о развитии торговых путей на Восток». — Эта дорога весьма важна для нашей торговли и развития сношений, точно также она может пригодиться и для военных надобностей»* [ВО, № 29 1887: 1]. Газета охотно печатала материалы в поддержку этого пути. Например, в одном из номеров была помещена статья «Незамеченный путь в Китай», в котором анонимный автор сетовал на пренебрежение к западносибирскому направлению и доказывал его преимущества. *«Торговая деятельность шла только на востоке через Кяхту, — писал он, — причем китайцы пододвинули свою факторию, чтобы предотвратить попытки нашей караванной торговли и не допустить соперничества в Монголии. В этом случае политика Китая была весьма проницательна. Мы, с своей стороны, строили разные планы, искусственно поддерживали Кяхту, придумывали открытие новых путей на север, <...> но в это время мы не заметили одного, что у нас торговые отношения на западной границе давно завязались, и сибиряки проторяли новую дорогу в Китай»* [ВО, № 3 1884: 1]. Автор статьи подробно описывал торговый путь на Кобдо, представлявший собой узкие тропы на высоте нескольких десятков саженей с постоянным риском падения в бездну лошадей с огромными выюками при малейшем соприкосновении груза с отвесной скалой и при нарушении равновесия: *«...этими путями наша торговля добралась до китайских городов Кобдо и Улясутая, а русские приказчики посещают Монголию», — не без гордости заключил автор, добавив, что «это окно в западный Китай слишком важно как для русских коммерческих, так и политических интересов, чтобы его игнорировать»* [ВО, № 3 1884: 1–2].

Путь признали перспективным и Я. П. Шишмарев, убеждавший в необходимости расчистки торгового пути от Бийска по р. Чуе, где дорога преграждалась мешающими колесному движению скалами, и подполковник генерального штаба М. В. Певцов, автор опубликованного газетой отчета о путешествии в Монголию и внутренний Китай в 1878–1879 г., который оценивал Чуйский тракт как *«главную артерию торгового движения из Западной Сибири в Монголию»* [ВО, № 3 1884: 2]; и автор статьи «Торговые сношения с Китаем на западносибирской границе Сибири», считавший этот маршрут проводником торговли не только в западную Монголию, но и на внутренние китайские рынки. *«Мы не думаем, чтобы эти <...> дороги в Китай повредили прежним путям чрез Кяхту, —*

рассуждал последний. — *Китайскую стену торговой замкнутости полезно пробивать в различных пунктах, и торговые сношения на западе Сибири могут иметь свое значение, как и на Востоке*» [ВО, № 17 1889: 4].

Этот путь проложили бийские купцы, чьи заслуги как пионеров в деле установления торговых связей с монголами с конца XVIII в. были отмечены в материале М. Миловзорова¹ «Очерк русской торговли с Монголией через урочище Кош-Агач», опубликованном в двух номерах газеты. «...бийские купцы проходили опасные горные дороги, ведущие в Кош-Агач, — писал автор, — выдерживали соперничество казаков, монополизировавших торговлю с китайцами и монголами, и, лишенные возможности перейти границу, сумели привлечь к себе массу торгового населения Монголии» [ВО, № 32 1889: 10]. Основной сюжет очерка связан с проникновением бийских купцов в Кобдо, расположенный среди многочисленных монгольских племен и сосредоточивший в себе довольно значительную китайскую торговлю. Успеху способствовало совпадение этого решения с интересом западносибирской администрации к русско-монгольской торговле. «Прибытие русских в Кобдо с торговым караваном было чрезвычайной неожиданностью для туземных властей, — писал автор, — они пришли в полное замешательство и, отзываясь незнанием трактатов, отказались разрешить русскую торговлю. Бийским купцам пришлось ретироваться, но их появление в Кобдо оказало русскому торговому делу важные услуги: завязавшиеся по этому поводу дипломатические сношения закончились тем, что из Пекина послан был в Кобдо указ о разрешении русской торговли в монгольских городах и кочевьях» [ВО, № 2 1889: 10]. Заслуги алтайских купцов отмечал и российский дипломат В. Ф. Люба: «...если кто-нибудь и сделал что-либо для оживления нашей торговли в Монголии вообще, то это исключительно наши бийские барнаульские торговцы, не ослабевавшие в своей энергии, несмотря на самые неблагоприятные для торговли условия» [ВО, № 13 1891: 8]. Исследователи указывают, что бийское купечество, монополизировавшее торговлю в Кобдоском округе, в дальнейшем продолжало искать возможности удешевления и ускорения доставки товаров из Бийска в Кобдо. К тому же оно не оставляло надежд проложить новый путь в Китай через территорию Монголии [Единархова 2005: 86]. Препятствием окончательному утверждению русского торгового господства в Кош-Агаче М. Миловзоров считал «отсутствие крупных капиталов у бийских купцов и первобытные пути сообщения» [ВО, № 33 1889: 8].

В напечатанном газетой отчете подполковника Генштаба М. В. Певцова отмечена заслуга бийских купцов в установлении торговых связей и с городом Хухэ-хото, хотя он считал, что «настоящим творцом возникающей на этом направлении торговой деятельности может быть только наше правительство, которое, вероятно, не оставит ее без своего покровительства» [ВО, № 4 1884: 7]. «Без правительственной же поддержки в этом направлении, — утверждал автор отчета, — будущность нашей торговли в Куку-хото² представляется нам весьма сомнительною, и стремления бийских купцов завязать правильные торговые сношения с этим городом едва ли осуществимы» [ВО, № 4 1884: 7].

¹ Отчество не известно.

² Так в источнике.

О важности Енисейской системы для пути в Китай в газету писал неизвестный автор, сокрушавшийся, что все совершенно забыли, что, «*кроме Кяхты и Владивостока с Амурским краем, существует верхнее течение Енисея, откуда идет кратчайший путь между русскими реками и системой Желтой реки — сердцем Китая*» [ВО, № 29 1887: 1] и куда ни один из иностранцев еще не проникал. Он убеждал, что если Россия хочет распространения своих мануфактур в Китае, то нельзя по старинке ограничиваться одним-двумя пунктами, куда наши фирмы будут свозить свой товар, потому что в таком случае они окажутся в руках китайских скупщиков. «*Имея доступ во внутренний Китай с разных сторон, мы можем <...> выбирать и пункты для отправки больших партий наших товаров, — доказывал он. — <...> если благоприятные условия для сношений с застенным Китаем сложились более в пользу пути от Селенги, чем от Енисея, зато последний путь имеет преимущества для торговли с Монголией*» [ВО, № 29 1887: 2]. «*Если нам удастся стать твердой ногой на верхнем Енисее — сила вещей заставит китайское правительство дать необходимые льготы для русской промышленности*», — соглашалась с ним газета в редакционной статье «Пограничный вопрос» [ВО, № 50 1889: 4].

Оба направления по темпам роста значительно опережали традиционное направление русско-монгольской торговли через Кяхту и по границе Забайкальской области. Одной из причин было то, что кяхтинская торговля ориентировалась преимущественно на чай, шедший из внутренних провинций Китая. Торговля же собственно с Монголией для забайкальских и иркутских предпринимателей в данный период не приобрела самостоятельного значения, хотя в абсолютных цифрах не уступала бийскому направлению и превосходила минусинское [Старцев 2003: 140].

Что касается третьего маршрута в западную Монголию через Тункинский край, то по нему тоже ведется довольно значительная торговля с Монголией, писал автор очерка «Торговая дорога в Монголию», перечисляя широкий ассортимент товаров, предлагаемый той и другой стороной. «*Принимая во внимание общий оборот, прогрессирующее расширение торговли с обширной соседней страной, естественно думать, что ввиду государственного значения торговых сношений будут приняты все меры, способствующие их развитию и укреплению*» [ВО, № 47 1891: 9]. Однако, констатирует автор, практика дает совершенно иное. «*Наша монгольская торговля через тункинскую долину не имеет в себе решительно ничего европейски благоустроенного, где русский купец за никуда не годные фабрикаты, залежавшиеся в иркутских складах, отбирает у монгола часть скота и баранов и наживает при этой сделке — где рубль на рубль, где две копейки на копейку. Углубляясь в степи, он, если его ограбят, надуют или не отдадут долга, должен устраиваться своими средствами, тягаться у местного начальства или жаловаться единственному представителю российского государства в Монголии — ургинскому консулу, который живет в буквальном смысле за тридевять земель и действительной помощи оказать не в состоянии*» [ВО, № 47 1891: 9]; «*...главное будет все-таки развитие путей сообщения, путей для сбыта русских товаров*», — резюмировала редакция в передовой статье «Пограничный вопрос» [ВО, № 50 1889: 4].

Вторым серьезным препятствием к развитию русско-монгольской торговли, на которое обращали внимание корреспонденты «Восточного обозрения», была

конкуренция со стороны Китая. Подполковник М. В. Певцов писал в отчете, что, хотя у монгольского покупателя очень популярны российские металлические изделия и «наши выделанные кожи, в которые обшивается почти все население Монголии», «из мануфактурных <...> произведений хорошо идет только один плис, покупаемый монголами охотно для украшения своих шуб и халатов <...>. Прочие же произведения нашей мануфактуры сбываются очень плохо по причине сильной конкуренции китайцев, снабжающих Монголию как своими, так отчасти и английскими бумажными тканями, которые там теперь не редкость» [ВО, № 3 1884: 3]. Автор отчета видел причины превосходства китайской торговли над русской в лучшем знании китайскими купцами конъюнктуры монгольского рынка и наличии удобной транспортной инфраструктуры, позволяющей китайским купцам быстро и сравнительно дешево доставлять в Монголию необходимые товары. М. В. Певцов указывал, что торговавшие в Монголии богатые китайские фирмы, зная слабость местной администрации к деньгам, успешно использовали ее в своих целях. «Все претензии и взыскания этих фирм с местного населения, — отмечал он, — удовлетворяются в точности и без проволочек, благодаря щедрым приношениям их чинам административной иерархии» [ВО, № 3 1884: 8].

С ним был не согласен М. Миловзоров, считавший сложившееся мнение о китайской конкуренции как главном препятствии к развитию российско-монгольской торговли преувеличением. Китайские купцы, по его мнению, служили «умиротворительным целям», поскольку сдерживали недовольное задержкой жалованья войско, которое дислоцировалось в Монголии после дунганского восстания 1862–1869 гг. Автор даже оценивал каждую значительную китайскую фирму как важную политическую силу, поскольку они имели большое влияние «на туземные власти», которое отражалось на отношении последних к их естественным конкурентам — русским купцам. «Речь не идет о торговом соперничестве китайских и русских купцов, — утверждал М. Миловзоров. — Это корыстные злоупотребления Китая, перешедшего на открытое преследование русской торговли в Монголии» [ВО, № 33 1889: 10]. Он сообщал, что туземные (монгольские) власти были заинтересованы в русской торговле и что русская мануфактура пользовалась куда большим спросом, чем китайские, английские и американские ткани. Но, увидев, что русская торговля наносит удары китайской, «туземная власть перестала ей покровительствовать и перешла к мелким придиркам. Русских стали преследовать, под надуманными предлогами сажать в тюрьму, требовать, чтобы они убралась. А в Кобдо, базисе русской торговли в Западной Монголии, отношения власти к русским получили характер враждебных притязаний» [ВО, № 33 1889: 10]. Между тем, доказывал автор, хотя власти Кобдо не без основания усмотрели опасность для собственных интересов в поставке русскими черного чая в Кобдо и Кош-Агач, что, несомненно, при превосходстве российской мануфактуры сулило упрочение русского торгового влияния в Монголии и последующее вытеснение торговли китайских фирм, для туземной власти это было выгодно. Китайская торговля базировалась на систематической и грубой кабале населения, что очень беспокоило монгольские власти [ВО, № 33 1889: 10]. Автор корреспонденции о русской колонии в Урге писал, что русскими товарами среди монголов торгуют китайцы, которые просто вытеснили русских купцов с ургинского рынка. Русским соперничать с

китайцами трудно, потому что монголы приучены к китайским товарам, из-за чего главный ассортимент товаров в лавке монголов должен был быть непременно китайским, а русские товары набираются китайским торговцем только как «нагрузка» [ВО, № 36 1888: 9]. Китайское правительство, не заинтересованное в улучшении и развитии русско-монгольских связей, использовало всевозможные средства для дискредитации русских в глазах монгольского народа. Но последовательно миролюбивое отношение русских к монголам уничтожало эти преграды [Единархова 2015: 135].

Интересно, что выводы М. В. Певцова и М. Миловзорова противоречили собственным аргументам и больше подходили к суждениям друг друга. М. Миловзоров, не считавший китайскую конкуренцию основным препятствием для русской торговли в Западной Монголии, признавал, что злоупотребления китайской власти вкупе с ловкими спекулятивными приемами китайских торговцев создали для русской торговли целую сеть ограничений, способных причинить неисчислимый вред русским интересам в Монголии. По мнению автора, причина такой ситуации кроется в ослаблении российского дипломатического влияния, так как русские консульства в Урге и Чугучаке из-за своей отдаленности не в состоянии поддерживать это влияние в пунктах русской торговой деятельности — Кобдо, Улясутае и пр.¹ [ВО, № 33 1889: 11]. М. В. Певцов же, который писал о китайской конкуренции, напротив, пришел к конечному выводу, что, несмотря «на все невыгодные условия, которыми обставлена теперь наша торговля в Монголии, нет основания <...> пророчить ей несостоятельность пред китайской конкуренцией» [ВО, № 4 1884: 8]. По мнению военного, русская торговля в Монголии не должна пасовать перед своими соперниками-китайцами, потому что они не могут лишиться ее той роли, которая «силою нашего прогрессивного упреждения определена ей там» [ВО, № 4 1884: 8]. Даже теперь, доказывал автор отчета, при столь неблагоприятных для сбыта наших произведений обстоятельствах, русские товары находят себе многочисленных покупателей в Монголии и незаменимы китайскими. В качестве главного препятствия подполковник называет не китайскую конкуренцию, а отсутствие удобных путей сообщения и выражает надежду, что при их появлении китайские металлоизделия, пока еще популярные в Монголии, должны будут уступить место русским. «Китайское трудолюбие и хлопотливость не могут спорить с силою пара, — доказывал он, — а вековая косность этого народа не в силах противостоять успехам русской техники, обогащающейся с каждым днем новыми открытиями» [ВО, № 4 1884: 4]. Солидарны оба автора в одном — уверенности в радужных перспективах российской торговли в Монголии. М. Миловзоров обращал внимание читателя на то, как русская торговля, «упорно пробивая себе путь в города и кочевья Западной Монголии, <...> вполне самостоятельно вступила в то широкое русло, которое открывает перед ней блестящее будущее» [ВО, № 33 1889: 11]. «...мы не только не решаемся предвещать нашей

¹ Приблизительно такие же выводы прозвучали в корреспонденции «Наши торговые сношения с Китаем», автор которой сетовал на полную незащищенность русских купцов от чинимых препятствий и даже оскорблений. Поддержки они ни могли дожидаться не только от китайских властей, которые и сами притесняли русских торговцев, не пуская их в города и вынуждая торговать буквально в чистом поле, но и от своих дипломатов. В материале рассказывалось, что бийский купец Иванов пожаловался на притеснения китайских властей консулу Н. Н. Балкашину в Чугучаке, но в ответ получил лишь совет «подчиняться китайским властям и не быть притязательным» [ВО, № 13 1886: 8].

русской торговле в Монголии печальную будущность, — убеждал и М. В. Певцов, — но, напротив того, твердо веруем в ее преуспевание» [ВО, № 4 1884: 8].

Столь оптимистичные предсказания разделял автор корреспонденции «Теснина Енисея» Г. Н. Потанин, высоко оценивавший старания купцов *«проникнуть глубже за границу, стать в прямые сношения с соседями и отыскать новые рынки для сбыта русских товаров и новые предметы для ввоза»* [ВО, № 14 1890: 1]. По его наблюдениям, количество ввозимых в Монголию русских товаров год от года возрастало, а цены на них в результате конкуренции *«понизились и сделались более нормальными»* [ВО, № 14 1890: 1]. Но главное — русская торговля успела уже привить монгольскому населению некоторые новые привычки, в результате чего монголы стали чаще покупать русские товары, а *«китайские материи потеснились русскими»* [ВО, № 14 1890: 1]. *«Надо надеяться, что в будущем это приучение монгольской массы к русским произведениям будет увеличиваться»*, — приходит к выводу автор [ВО, № 14 1890: 1]. Напуганная этим китайская администрация даже пыталась воздействовать всеми способами на монголов, чтобы отучить их от употребления русских товаров [Старцев 2003: 156].

Россия, для которой Монголия была еще и посредником в чайной торговле, ценилась монголами как предоставляющая возможность хорошего заработка: перевозка чая по Монголии ежегодно приносила местному населению около 2 млн руб. Возчики-монголы были сильно заинтересованы в договорах с русскими купцами, поскольку те всю провозную плату вносили серебром, тогда как китайцы платили серебром только частично, внося остальную плату товарами китайского производства, да еще и удерживали комиссию в размере 10 % от общей суммы [Кальмина, Курас 2020: 155].

Доставка чая морем грозила подорвать кяхтинскую чайную торговлю, что очень беспокоило редакцию «Восточного обозрения». В передовой статье «Падение Кяхтинского торга» выражались опасения, что прекращение ввоза чая через Ургу и Кяхту грозит потерями не только торговцам, но всем жителям Сибири, где еще нет развитой промышленности: транзит кормит население по всему сибирскому тракту. Редакция приводит мнение, по ее выражению, *«весьма компетентного лица и старожила»* *«в разъяснение торговых сношений наших с Монголией и Китаем»*: *«Соседняя Монголия имеет громадный относительно ее народонаселения заработок от перевозки чаев, идущих на Кяхту, как русских, так и китайских <...>, почему монголы, подданные Китая, питают к русским как соседи, хорошие отношения. В случае, если провоз чаев чрез Монголию прекратится или упадет до ничтожной цифры, то монголы, лишившись привычного извозного промысла, из хороших соседей превратятся в худых»* [ВО, № 13 1889: 2]. Причину таких печальных перспектив автор видел в том, что монголам жить больше нечем: земледелием они не занимаются, и промышленности у них нет. Если их *«перевозочные средства»* — верблюды и быки — не найдут применения, то им ничего не остается как добывать себе пропитание воровством и грабежами вдоль границы, *«к чему они склонны по своему кочевому положению и образу жизни»* [ВО, № 13 1889: 2]. *«...Приводя это письмо старожила и принимая во внимание другие соображения и интересы, мы видим, что падение кяхтинского торга может рассматриваться не с одной только точки зрения промышленно-торговой, купеческой.*

Нет! — восклицает редакция. — <...> *Нужно предусматривать и предугадывать, в каком положении очутится масса трактового населения, лишенная транзитного заработка, <...> что получится на наших сибирских границах, когда мы прервем торговые сношения с Монголией и Китаем? Иначе для чего было поддерживать эту торговлю правительству два века, создавать ей поощрение, культивировать ее? Неужели для того, чтобы так легко с ней расстаться и разом уничтожить ее?»* [ВО, № 13 1889: 2].

«*Торговля в Монголии, несмотря на всю трудность путей и вообще на полную незащищенность, развивается, — писал собственный корреспондент газеты из Кобдо, — некоторые из мануфактурных товаров, как-то бумажные и пеньковые ткани почти не привозятся китайцами*» [ВО, № 1 1883: 9]. Журналист отмечал, что русская мануфактура вытесняет даже английскую. К тому же китайские фирмы теряют кредит «*среди монгольцев*». Однако у него был собственный взгляд на меры активизации русской торговли в Монголии, отличный от вышеприведенных авторов. Он считал, что в первую очередь нужно приобрести полное доверие «*туземцев*», «*для чего потребуется изменить даже самую манеру русской торговли*», которая должна быть дружелюбной и честной. Если русские купцы создадут себе репутацию людей совестливых и полезных, утверждал он, она приучит влиятельных лиц в Монголии смотреть на русскую торговлю как на нужное дело, «*открывающее новые источники богатства в стране*», а не «*подрывающее местное народное хозяйство*», после чего «*и остальные препятствия в русской промышленности <...> сами собой уничтожатся*». «*Русская торговля развивалась бы успешнее, если б сами русские купцы внимательнее и строже относились к себе*», — доказывал корреспондент, приводя в качестве примера недобросовестности купца, который «*изобрел аршин в 12 вершков и очень усердно заменяет им 16-вершковый*», «*с удивительно ловкостью продает монголам бязь вместо нерезаного плиса и отпускает пшеничный крахмал вместо сулемы*» [ВО, № 1 1883: 9]. Власти Кобдо даже были вынуждены жаловаться на недобросовестных российских торговцев русскому консулу в Урге, но русские купцы в ответ заявили, что «*торговля в Монголии без проделок невозможна*» [ВО, № 8 1883: 4]. Автор сетует, что торговцы, которые только и стремятся урвать свою долю, совсем не думают «*о будущем наших торговых сношений с Монголией*» [ВО, № 8 1883: 5]. Впрочем, монголы тоже быстро усваивали преподанные уроки. «*Прежде монголам можно было поверить товар на честное слово, — писал в газету автор очерков о Тунке, — но теперь они научились у наших бурят плутовать (а буряты у кого научились?), и вести с ними дело нужно уже осторожно. Вперед выдается товар только благонадежным людям или за поручительством местных чиновников*» [ВО, № 70 1893: 4].

В начале 1890-х гг. интонация становится более пессимистичной. В материале «О нашей торговле на Азиатском Востоке» автор Д. Даурский сетует на то, что в силу географического положения наша сухопутная торговля должна бы была завоевать главные рынки северного Китая. Однако из торговых сведений видно, что со времени пекинского договора наша торговля хотя и увеличилась, но все же поражает мизерностью общего годового оборота, не превышающего 2 млн кредитных руб. для Монголии. «*Таким образом, — резюмирует автор, — Монголия с ее трехмиллионным населением потребляет русских товаров не*

более как на 900 тысяч руб. в год, или потребность в русском товаре выразится менее 30 копеек на человека. Лишь транзитная торговля с северным Китаем через Монголию и Кяхту, благодаря покровительственной пошлине, даст более внушительную цифру годового оборота в двадцать с лишком миллионов рублей, но нужно помнить при этом, что четыре пятых всей этой суммы составляет вывоз чая» [ВО, № 6 1891: 4]. Автор солидарен с корреспондентом из Кобдо, что причина кроется в самих «пионерах нашей сухопутной торговли», в большинстве своем людей, главная цель которых — «быстрая нажива без разбора средств, **отсутствие солидарности** (выделено в тексте нами. — Л. К., Л. К.) между собою, извращенное представление о коммерческом деле <...>» [ВО, № 6 1891: 4]. По его мнению, завладеть монгольскими рынками можно только в том случае, «когда заслужим доверие потребителей доброкачественностью и дешевизной товаров и когда наши товары явятся необходимостью для них, т. е. <...> должны приучить потребителей к нашим произведениям» [ВО, № 6 1891: 4].

5. «Нам скорее свойственно готовить себя к мирным завоеваниям»

Теперь мы переходим к истинной цели изучения русскими путешественниками Монголии и стараний российских торговцев там утвердиться, которую очень хорошо понимала редакция «Восточного обозрения», а именно: усиление позиций России в Монголии и включение ее в орбиту своего влияния. Неслучайно научные экспедиции, направленные в этот регион во второй половине XIX – начале XX вв. для изучения географии, геологии, растительного и животного мира, истории и этнографии, возглавлялись, как правило, военными. Основной состав этих экспедиций также состоял из офицеров и казаков [Кузьмин 1997: 101–102].

К интересному заключению пришел автор статьи о путях доставки чая морем, который составил серьезную конкуренцию кяхтинскому маршруту. Оценив ущерб для сибирского населения, которое «лишается заработка по провозу чаев и всех выгод, выпадающих от торговли и на долю низших классов» [ВО, № 12 1885: 4], он упоминал ослабление позиций России в Монголии с прекращением или уменьшением объемов кяхтинского торгова. «Не следует ли принять к сведению, чем была наша торговля чаями с Китаем в Забайкалье и на границах? — задается вопросом автор. — <...> Здесь мы имели путем чайной торговли постоянные сношения с Монголией, русская мануфактура сбывалась, также благодаря этому торгу, наша торговля привлекала к нам монголов, и здесь был источник нашего известного влияния. <...> здесь возникает вопрос о нашем политическом влиянии. Мы говорим о национальной слабости нашей на азиатских окраинах <...> и сами покушаемся закрыть последние двери в Китай и добровольно спускаем торговый флаг в нашей единственной фактории» [ВО, № 12 1885: 4]. В конце статьи автор еще раз настаивает на том, что чайная пошлина не должна оцениваться как частный торговый вопрос. «Это вопрос нашего влияния, нашего „быть или не быть“ на восточной границе Китая и Сибири» [ВО, № 12 1885: 4]. Здесь, однако, следует сказать, что к этому времени ввоз товаров из Монголии через Кяхту уже не служит показателем объема русско-монгольской торговли, поскольку русское купечество стало активно внедряться на монгольский рынок по другим направлениям [Тагаров 2014: 176].

Способы достижения российского влияния в Монголии авторы «Восточного обозрения» видели по-разному. Незвестный корреспондент в письме в редакцию предлагал силовое решение вопроса. *«В наших стратегических соображениях мы <...> забыли про Енисей, — писал он. — Представим себе, что мы не пожалели не миллионов, а десятков, много-много сотен тысяч и завели правильное пароходство по верхнему Енисею. Мы стоим тогда твердой ногой на Улу-Кеме. 500 верст от нас Улясутай, откуда ведут дороги и в Ургу, и в Калган, и в Хами. Возникают недоразумения с Китаем — одна диверсия на Улясутай, одна возможность ставит нашего противника в крайне затруднительное положение! Владея путем по Енисею, мы всегда имеем возможность угрожать Улясутаю, а стал быть, и всей северной Монголии, тогда как для Китая в этом пункте мы совершенно недоступны. <...> Отправили мы несколько батальонов в Монголию, взяли Улясутай — наши пути сообщения с хлебородным Минусинским округом при пароходстве обеспечены. Дорога от Улу-Кема до Улясутая удобная, можно везти и пушки, и ракетные станки, если вздумается. Сопротивления никакого не встретится. Кочевник монгол и сойот плохо вооружены, большие трусы и люди мирные сами по себе. Не забудем и того еще, что эта иррегулярная монгольская орда в весеннее время, пока лошади не отъедятся после зимней голодовки, едва может двинуться с места, <...> вооружена чем Бог послал»* [ВО, № 29 1887: 2]. Автор письма уверял, что риск получить отпор от китайцев отсутствует, потому что для них держать гарнизон в Улясутае только ради того, чтоб в случае наступления русских войск не отдать город без выстрела, будет недешево. Хлебопашество в Монголии развито слабо, а продовольствие стоит дорого. *«Мирные торговые сношения должны упрочить наше влияние в Монголии, — заключал автор. — Все это поможет нам при военных действиях стать в сносные отношения к местному населению»* [ВО, № 29 1887: 2].

Такой же точки зрения придерживался видный востоковед В. П. Васильев, который с той же интонацией призывал *«не упускать из виду Маньчжурии и Западного края»* [ВО, № 37 1884: 3]. Здесь и наступление, и сама победа, по его мнению, были вполне обеспечены. *«Стоит только подняться на пароходах с несколькими батальонами вверх по Сунгари до Гирина, и вся Маньчжурия в наших руках. <...> Займите Гирин, и не только Маньчжурия, но и самые лучшие земли Монголии будут в ваших руках сами собою!»* — доказывал ученый, много лет сотрудничавший с газетой [ВО, № 37 1884: 3]. *«Восточный вопрос для России здесь, а не на Босфоре. Проще бы занять часть Монголии, Маньчжурии и Кореи, от Кульджи чрез Улясутай, Ургу, Гирин, Ниигуту до порта Лазарева, тогда мы будем жить спокойно»*, — писал в «Новое время» неизвестный автор, чью статью «Восточное обозрение» взялось прокомментировать. *«Несмотря на курьезность мнения нововременского корреспондента, доходящего до наивного абсурда в проектированных им мерах, — говорилось в передовой статье «Китайские дела и наш колонизационный вопрос», — они, однако служат свидетельством того, что политические отношения действительно обострились <...>. Китай не дремлет»* [ВО, № 3 1886: 1]. Приведенные мнения совпадали с точкой зрения военных агентов, в чьих исследованиях Монголия изучалась как возможный театр военных действий и которые выступали за ее превращение в «буферную зону» между Россией и Китаем [Кузьмин 2007: 12, 31].

У редакции «Восточного обозрения» был свой взгляд на судьбу Монголии и средств усиления российского влияния на монголов, который она изложила в передовой статье «Восточные дела и восточная политика», — мирная экспансия. *«...есть политика силы или права, утверждаемого на власти сильного, и есть политика культурного влияния, имеющая своей целью расширение экономического и торгового влияния, просвещение и цивилизующее влияние, — говорилось в статье. — Первая политика требует только постоянного содержания войск, ограждения и укрепления границ <...> и приношения самой границы к военным надобностям <...>. Солидарность, завязывание сношений в таких случаях несущественно. Другая политика предполагает совершенно другие средства и приемы. Это политика мира, политика, имеющая в виду проникать в соседние страны, знать их, ознакомиться с их цивилизацией, с духом племен и народов, политика сближения, путем экономического и торгового обмена, политика нравственного влияния»* [ВО, № 17 1885: 2, 3]. По мнению редакции, стратегические и военные приготовления на сибирской границе были бы непроизводительной тратой, поскольку «северо-восточным колониям», каковыми является Сибирь, никогда не угрожала опасность. *«Какие огромные выгоды предстоят для гражданского развития, для мирного прогресса, для процветания наук, вообще для благосостояния?! — писали журналисты. — <...> Поэтому нам остается занятие более мирными задачами и скорее свойственно готовить себя к мирным завоеваниям. <...> Мы смеем думать, что эта политика дает нам более силы на Востоке, что она будет более надежна»* [ВО, № 17 1885: 3]. «Вопрос о нравственном влиянии нашем на подданных Китайской империи — союзов и монголов — может оказаться и трудным, и легким для решения, — вернулась к этому вопросу редакция через несколько лет. — Если наша администрация сумеет стать выше китайской, будет представлять собой интересы и понятия более высокого порядка, то доверие и симпатии местного населения окажутся, несомненно, на нашей стороне» [ВО, № 50 1889: 4].

Таким образом, редакция предлагала в качестве средства усиления российского влияния в Монголии то, что мы сейчас называем «мягкой силой», которое Россия впоследствии успешно применяла на Востоке [Курас и др. 2018: 26–31, 43–47]. Китайская газета «North China Herald», чью передовицу перепечатало и прокомментировало «Восточное обозрение», считала, что сила остается за Китаем, только пока поддерживается мир. При малейших беспорядках Монголия, составляющая номинально часть Китайской империи, предпочла бы перейти к России. А в случае, если бы началась война, то все монголы выступили бы на помощь русским, и вся территория без всякого труда составила бы собственность русского царя. Это совпадало с мнением некоторых военных разведчиков, считавших, что предстоящая неизбежная ассимиляция отдельных монгольских племен сделает их самыми надежными союзниками России, «преданным нам народом, который охотно готов переменить китайское подданство на русское» [Кальмина, Курас 2020: 157]. «Восточное обозрение» в своем комментарии отметило, что Россия не имеет серьезных притязаний на Монголию, однако, по ее мнению, подобный взгляд на отношение к нам Монголии не лишен основания [ВО, № 3 1882: 7].

Редакция «Восточного обозрения» сетовала, что Россия мало что сделала для сближения с Монголией, «хотя торговля на юге Сибири и пытается

проложить сюда путь» [ВО, № 3 1882: 7]. Н. М. Ядринцев в своем докладе говорил о том, что будущее покажет, кому на долю выпадет создание культуры в Монголии — китайцам или русским. Но успех русским будет сопутствовать только в том случае, если *«трудолюбию и опыту китайцев»* Россия выставит *«равную силу европейского знания»* [ВО, № 11 1892: 6].

Г. Н. Потанин не разделял этих взглядов на взаимоотношения китайского правительства и монголов, считая, что монголы больше терпят от собственных князей, чем от китайского правительства, которое *«не вмешивается в народную жизнь Монголии, <...> не оскорбляет народных обычаев и к религии относится с самою широкою терпимостью»* [ВО, № 18 1887: 8]. Он также усомнился, что культура в Монголию будет привнесена из России, потому что *«в Монголию идут в основном торговцы, которые представителями цивилизации не являются»* [ВО, № 18 1887: 8]. *«Проникают они в северо-западную Монголию из трех пунктов: Бийска, Минусинска и Тункинской долины, а все три пункта — сибирское захолустье с „бедной интеллигентной жизнью“»* [ВО, № 2 1882: 18]. Однако при развитии Сибирью *«своих умственных задатков»*, надеялся ученый, она в будущем *«сможет благотворно повлиять на соседа»* [ВО, № 2 1882: 18].

С середины 1890-х гг. монгольская тема отошла в газете на второй план. Ее заслонили события, которые могли серьезно изменить расклад политических сил на Дальнем Востоке: Японско-китайская война 1894–1895 гг., «боксерское» восстание, Русско-японская война. В редких «монгольских» материалах Монголия рассматривалась теперь только в контексте данных событий, как, например, в корреспонденции Д. Люба¹, который в 1894 г. писал в газету из Урги, что интерес к военным действиям Китая с Японией начал проявляться и в здешних монголах, хотя и в весьма незначительной степени. *«Более всего интересуются войной, конечно, здешние власти и князья, — но <...> если ургинское высшее начальство располагает самыми скудными сведениями из Пекина, то в народе и таких сведений не имеется вовсе»* [ВО, № 128 1894: 3]. Информацию амбани получали из российского консульства в Урге, а рядовые монголы — от русских, живущих в городе. В Улясутае новости о войне монголы получали от русских торговцев, которые в свою очередь черпали их из писем, телеграмм и газет, которые поступали через консульство [ВО, № 128 1894: 3]. Анализируя роль России в заключении японско-китайского мирного договора 1895 г., автор письма из Монголии указывал на полное бескорыстие России в предоставлении Китаю возможности заключить мир на менее тяжелых условиях, поскольку надеяться на право открывать фабрики внутри Китая для России уже совершенно бесполезно. *«Мы извлечем из <...> договора пользу для себя только в том случае, если на правах наиболее благоприятствуемой державы <...> получим разрешение <...> приобретать в собственность и арендовать земельные участки и открывать промышленно-торговые заведения в пределах, доступных для нашей торговли. Это одно из вернейших средств поднять нашу жалкую торговлю в Монголии»* [ВО, № 73 1895: 3].

Прогнозы авторов газеты часто сбывались. В частности редактор газеты И. И. Попов считал, что сооружение Транссибирской магистрали *«передвинет»* традиционный чайный путь через Кяхту, которая в таком случае *«может приобрести значение передаточного пункта в Монголию для русских мануфактур»*

¹ Так в источнике.

и вообще может содействовать развитию русской торговли в Монголии» [ВО, № 77 1895: 1]. Так и получилось. Потеряв свое значение как «точка отсчета» торговли с Китаем после открытия морского пути доставки чая и проведения железной дороги в обход города, Кяхта стала местом русско-монгольского торгового обмена, находясь в полной товарной зависимости от Монголии [Даревская 1994: 28].

6. Заключение

Монгольская тема занимала значительное место среди публикаций «Восточного обозрения» в силу близкого соседства. Материалы газеты, отличавшиеся глубоким анализом, не только предоставляли читателю информацию о «сегодняшнем дне» Монголии. Они рассматривали причины, способствующие или, напротив, затрудняющие развитие российско-монгольских отношений; высказывали предположения об их будущем; определяли место Монголии в имперских амбициях России и обсуждали способы их достижения. Газета считала помехой российско-монгольскому торговому обмену неразвитые пути сообщения и препятствия, чинимые Китаем. Понимавшее, что Россия хочет втянуть Монголию в орбиту своего влияния, издание предлагало сделать это с помощью «мягкой силы»: сблизиться с Монголией путем интенсификации торговли, наводнить монгольский рынок российскими товарами, оказать на монголов «нравственное влияние». Эта стратегия впоследствии была успешно применена российским / советским государством.

У газеты не было возможности убедиться в своей правоте: в 1906 г. она была закрыта за оппозиционный образ мыслей.

Источники

ВО 1882–1897 — Восточное обозрение. 1882–1897.

Монголия... 1891 — Монголия. Опыт военно-статистического очерка Командира 2-го драгунского С.-Петербургского Генерал-Фельдмаршала Князя Меншикова полка А. А. Баторского // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XLVIII. СПб.: Изд. Военно-Ученого Комитета Главного Штаба, 1891. 277 с.

Sources

The Eastern Review. 1882–1897.

Mongolia. Military-Statistic Essay Experience of A. A. Batorsky, the Commander of Field Marshal General Prince Menshikov's the Second St. Petersburg Dragoon Regiment. In: Papers of Geographic, Topographic and Statistic Materials on Asia. Vol. XLVIII. St. Petersburg: Military Scientific Committee of the General Staff, 1891. 277 p.

Литература

Гольдфарб 1997 — Гольдфарб С. И. Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1997. 217 с.
Даревская 1994 — Даревская Е. М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX в. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1994. 396 с.

References

Goldfarb S. I. *The Eastern Review*, 1882–1906. Irkutsk: Irkutsk University, 1997. 217 p. (In Russ.)
Darevskaya E. M. *Siberia and Mongolia: Essays of Russian-Mongolian Relations, Late 19th – Early 20th c.* Irkutsk: Irkutsk University, 1994. 396 p. (In Russ.)

- Единархова 2005 — *Единархова Н. Е.* Русские купцы и авантюристы в Монголии вторая половина XIX – начало XX вв. Иркутск: ИГПУ, 2005. 192 с.
- Единархова 2015 — *Единархова Н. Е.* Кяхта и Кяхтинская торговля (40–60-е гг. XIX в.). Иркутск: Оттиск, 2015. 164 с.
- Кальмина 2024 — *Кальмина Л. В.* Торговая деятельность сибирского купечества на рубеже XIX–XX вв.: фактор границы // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. 2024. № 3 (4). С. 64–73.
- Кальмина, Курас 2020 — *Кальмина Л. В., Курас Л. В.* На случай войны с «заклятым другом» (Проекты «китайской» политики России в донесениях военных агентов на рубеже XIX–XX вв.) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 152–161.
- Кудинов 1887 — *Кудинов И. Ф.* В чужих краях Путешествие по Монголии и Китаю. М.: Тип.-лит. т-ва М. Г. Кувшинова, 1887. 527 с.
- Кузьмин 1997 — *Кузьмин Ю. В.* Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX – 30-е гг. XX в.). Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1997. 232 с.
- Кузьмин 2007 — *Кузьмин Ю. В.* Монголия и Китай начала XX века в оценках российской военной разведки. Улан-Батор: [б. и.], 2007. 161 с.
- Курас и др. 2018 — *Курас Л. В., Кальмина Л. В., Михалев А. В.* Капитаны российской восточной политики: рубеж XIX–XX вв. / отв. ред. Б. В. Базаров; науч. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск: Оттиск, 2018. 112 с.
- Старцев 2003 — *Старцев А. В.* Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2003. 308 с.
- Тагаров 2022 — *Тагаров Ж. З.* Монголия и история мировой экономики: сб. ст. / отв. ред. И. Е. Козырская, Ю. В. Кузьмин. Иркутск: БГУ, 2022. 124 с.
- Edinarkhova N. E. Russian Merchants and Adventurers in Mongolia, second half, 19th – Early 20th Centuries. Textbook. Irkutsk: IGPU, 2005. 192 p. (In Russ.)
- Edinarkhova N. E. Kyakhta and Kyakhta Trade, 40–60s of the 19th Century. Irkutsk: Ottisk, 2015. 164 p. (In Russ.)
- Kalmina L. V. Siberian Merchants' Trade Activities at the Edge of the 19th–20th Centuries: Border Aspect. *Periphery. Provincial Areas Research Journal*. 2024. No. 3(4). Pp. 64–73. (In Russ.)
- Kalmina L. V., Kuras L. V. In Case of War with Sworn Friend (Russian Chinese Political Projects in the Military Agents' Reports at the Edge of the 19th – 20th Centuries). *Tomsk State University Journal*. 2020. No. 456. Pp. 152–161. (In Russ.)
- Kudinov I. F. In Foreign Lands, a Journey through Mongolia and China. Moscow: M. G. Kuvshinov, 1887. 527 p. (In Russ.)
- Kuzmin Yu. V. Mongolia and Mongolian Issue in Russian Public -Political Circles (Late 19th Century – 1930s). Irkutsk: Irkutsk University, 1997. 232 p. (In Russ.)
- Kuzmin Yu. V. Mongolia and China, Early 20th Century in Russian Military Intelligence Service's Reports. Ulan-Bator, 2007. 161 p. (In Russ.)
- Kuras L. V., Kalmina L. V., Mikhalev A. V. Leaders of Russian Eastern Policy: Edge of the 19th – 20th Centuries. B. Bazarov (project supervisor, editor's response); L. Dameshek (scient. ed.). Irkutsk: Ottisk, 2018. 112 p. (In Russ.)
- Startsev A. V. Russian Trade in Mongolia (second half of 19th – early 20th Centuries). Barnaul: Altay University, 2003. 308 p. (In Russ.)
- Tagarov Zh. Z. Mongolia and World Economics Chronicles. Collection of Articles. Editor's response I. E. Kozyrskaya, Yu. V. Kuzmin. Irkutsk: Baikal State University, 2022. 124 p. (In Russ.)

- Тагаров 2014 — *Тагаров Ж. З.* Русско-китайская торговля через Кяхту и ее значение для развития торговых отношений России и Монголии // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1: Мат-лы III междунар. науч.-практ. конф. Иркутск; Улан-Батор: БГУЭП, 2014. С. 172–177.
- Tagarov Zh. Z. Russian-Chinese Trade through Kyakhta and its Importance for Russia and Mongolia's Trade Relations Development. In: Russia and Mongolia, early 20th Century: Diplomacy, Economics, Science. Vol. 3. Part 1. Proceedings of III International Scientific-Practical Conference Participants. Irkutsk; Ulan-Bator. Baikal State University of Economics and Law, 2014. Pp. 172–177. (In Russ.)

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 17, Is. 1, pp. 65–77, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-64-76

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930(929)

UDC 930(929)

DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-65-77

**История монгольского буддизма
в творчестве Г.-Ж. Дылгырова**

Марина Васильевна Аюшеева¹

**The History of Mongolian Buddhism in
G.-Zh. Dylgyrov's Works**

Marina V. Ayusheeva¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой,
670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibet-
an Studies, Siberian Branch of the RAS (6,
Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian
Federation)

кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник

Cand. Sc. (History), Senior Research As-
sociate

 0000-0003-3760-9867. E-mail: ayagma[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Аюшеева М. В., 2025

© Ayusheeva M. V., 2025

Аннотация. Введение. В XIX в. в мон-
гольской письменной традиции уже ут-
вердилась господствующая буддийская
идеология, согласно которой история
буддизма рассматривалась через призму
взаимоотношений «союз трона и алта-
ря», а родословие ханов возводилось к
индийским и тибетским царям. Эта точка
зрения распространилась не только в ре-
лигиозных сочинениях, но и в летописях.
Цель статьи — проанализировать монго-
лоязычное творческое наследие бурятского
ламы Галсан-Жимбы Дылгырова, содержа-
щее сведения по истории монгольского
буддизма. **Материалы и методы.** Для
раскрытия темы были рассмотрены два
ксилографических сочинения бурятского
автора: «Предание о святом Чингис-хага-
не, предопределенном Небом» и «Кратко
составленная хронология Учения», а
для обзора его творчества привлекались
библиографические указатели — гарча-
ки. В ходе исследования применялись

Abstract. Introduction. In the 19th century,
the dominant Buddhist ideology was already
established in the Mongolian written tradition
according to which the history of Buddhism
was viewed through the prism of the “union
of throne and altar” relationship, the lineage
of the Khans was traced back to the Indian
and Tibetan kings. This point of view has
spread not only in religious writings, but also
in chronicles. **The aim** of the article is the
analysis of the written heritage of the Buryat
lama Galsan-Zhimba Dylgyrov in Mongolian
script, which contains information on the
history of Mongolian Buddhism. **Materials
and methods.** Two xylographs written by the
Buryat author “The Legend of Saint Genghis
Khagan, Predestined by Heaven” and “A
short chronology of the doctrine” were used
to reveal the topic, and bibliographic index-
es-garchaks were used to review his works. In
the course of the research, the methods of his-
torical and comparative, chronological source
studies, and textual criticism have been used,

историко-сравнительный, историко-хронологический методы и методы источниковедения, текстологии, что позволило сравнить приводимые автором даты, описание событий с другим историческим материалом. *Результаты.* Дан краткий обзор изучения биографии и творчества бурятского ламы. Проанализированы два монгольязычных сочинения Г.-Ж. Дылгырова по истории монголов и истории распространения буддизма в монгольских степях. *Выводы.* Выявлено, что при написании сочинений Г.-Ж. Дылгыровым были привлечены как тибетские, так и монгольские источники. В изложении монгольской истории автор следует сложившейся буддийской традиции историописания и возводит преемственность власти монгольских ханов к индийским и тибетским царям. В данных сочинениях буддийской обработке подвержена вся монгольская история, а Чингис-хан и Хубилай-хан названы чакравартинами. Разная жанровая направленность текстов выразилась в полноте и подаче отражаемой информации. Сочинения Г.-Ж. Дылгырова не являются дословными переводами с тибетского языка, в них прослеживается большая творческая, редакторская работа, что позволяет рассматривать их как самостоятельные сочинения.

Ключевые слова: история буддизма, монгольский буддизм, Чингис-хан, Г.-Ж. Дылгыров, Цугольский дацан, ксилограф

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственного задания «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии» (№ 121031000263-3).

Для цитирования: Аюшеева М. В. История монгольского буддизма в творчестве Г.-Ж. Дылгырова // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 1. С. 65–77. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-65-77

which made it possible to compare the dates and descriptions of the events given by the author with other historical data. *Results.* A brief overview of the study of the biography and the works of the Buryat lama is given. Two Mongolian-language works by G.-Zh. Dylgyrov on the history of the Mongols and the history of the spread of Buddhism in the Mongolian steppes are analyzed. *Conclusions.* It was revealed that both Tibetan and Mongolian sources were used in G.-Zh. Dylgyrov's essays. In presenting Mongolian history, the author follows the established Buddhist tradition of historiography and traces the succession of power of the Mongol khans to the Indian and Tibetan kings. In these xylographs, the entire Mongol history is subjected to Buddhist influence, and Genghis Khan and Kublai Khan are called Chakravartins. The different genre orientation of the texts has influenced the completeness and presentation of the reflected information. The writings of G.-Zh. Dylgyrov are not literal translations from the Tibetan language, they show a lot of creative, editorial work, which allows to consider them as independent compositions.

Keywords: history of Buddhism, Mongolian Buddhism, Genghis Khan, Dylgyrov, Tsugol datsan, xylographs

Acknowledgements. The research was carried out within the state assignment project no. 121031000263-3 “The Writing Traditions of the Peoples of the Baikal Region in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia”.

For citation: Ayusheeva M. V. The History of Mongolian Buddhism in G.-Zh. Dylgyrov's Works. *Mongolian Studies (Elisita)*. 2025; 17(1): 65–77. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-65-77

1. Введение

Г.-Ж. Дылгыров (1816–1872) — второй ширетуй Цугольского дацана, ученик Агван-Лубсан-Данзан-Одсэр-Балсамбу (Л. Дандарова) [Аюшеева 2024а: 366], автор около 50 сочинений и переводов с тибетского на монгольский язык. Биография, родословная и его творческое наследие рассмотрены в ряде

научных публикаций: биографические сведения приведены в статьях Б. Д. Баяртуева [Баяртуев 1997], Ц. П. Ванчиковой [Ванчикова 1999; Ванчикова 2000], Е. Г. Батонимаевой [Батонимаева 2021], В. В. Лыгденовой и Е. Г. Батонимаевой [Лыгденова, Батонимаева 2023] и др. Его творчество анализируется в работах Р. Е. Пубаева [Пубаев 1970], Р. Отгонбаатара [Отгонбаатар 1995], Ц. Шугэра [Шугэр 1991], Ц. П. Ванчиковой и М. В. Аюшеевой [Ванчикова, Аюшеева 2016; Аюшеева 2024a] и др. В монографии С.-Х. Д. Сыртыповой, Х. Ж. Гармаевой, А. А. Базарова [Сыртыпова и др. 2006: 174–180] и публикациях Х. Ж. Гармаевой [Гармаева 2004], Е. Р. Шубиной [Шубина 2014], А. В. Лощенкова [Лощенков 2018; Лощенков 2024], М. В. Аюшеевой [Аюшеева 2024b] и др. приведены переводы его сочинений на русский язык.

Широко известна автобиография Г.-Ж. Дылгырова, написанная на тибетском языке и изданная ксилографическим способом в печатне Цугольского дацана. Она была составлена между 1864–1872 гг. Источниковедческая характеристика и краткий анализ тибетского ксилографа представлены в работах Ц. П. Ванчиковой [Ванчикова 1999: 92–94], Е. Г. Батонимаевой [Батонимаева 2021: 331]. В 1998 г. монгольский ученый Л. Тэрбиш перевел ее на монгольский язык [Тэрбиш 1998]. В 2001 г. на основе монгольского перевода Л. Тэрбиша был выполнен перевод на бурятский язык Д. Д. Дарижаповой и издан отдельной брошюрой [Дарижапова 2001], а также в журнале «Байкал» [Дарижапова 2015].

По мнению Е. Г. Батонимаевой и В. В. Лыгденовой, автобиография, составленная на тибетском языке, предназначалась для молодых монахов как руководство по избранному ими монашескому пути [Лыгденова, Батонимаева 2023: 1049]. В автобиографии подробно описаны трудности, с которыми сталкивался Г.-Ж. Дылгыров, и методы их преодоления. Однако данное сочинение не только описывает личный опыт Галсан-Жимбы, но и содержит множество исторических фактов по истории буддизма в Бурятии, о монгольско-бурятских духовных связях и пр. Это ценный источник, свидетельствующий о принятии тех или иных учений и посвящений не только самим автором, но и другими ламами, названы имена учителей, названия служб и религиозных сочинений, которые значительно расширяют и обогащают историю бурятского буддизма.

Письменное наследие Галсан-Жимбы Дылгырова на монгольском языке разнообразно, оно включает религиозные молитвы, этико-дидактические тексты, намтары-биографии и знакомит с богатейшей литературой Тибета и Индии, с культурной традицией, с буддийскими ценностями.

2. Материалы и методы исследования

Основным материалом исследования послужили два ксилографических текста: «*tngrid-eče jaуayatai boyda činggis qaуan-u domuу oruši=bai*» («Предание о святом Чингис-хагане, предопределенном Небом») и «*toḇčilan jōkiуaysan šasin-u jīquai orusiba*» («Кратко составленная хронология учения»). Для характеристики творческого наследия Г.-Ж. Дылгырова на монгольском языке привлекались два гарчака-каталога Цугольского дацана: «*уal baras jil-eče ekilen keb-tür seуilgegsen mongyol nom-ud-un garšay*» («Каталог монгольских ксилографов, вырезанных, начиная с года огня-барса») [Гал барас jil-eče ekilen keb-tür seуilgegsen mongyol nom-ud-un garšay] и «*temür morin jil-eče ekilen keb-tür seуilgegsen mongyol nom-ud-un qoyaduуar garšay*» («Второй каталог монгольских ксилографов, вырезан-

ных, начиная с года железа-коня») [*Temür morin jil-eče ekilen keb-tür seyilgegsen mongyol nom-ud-un qoyaduyar garšay*]¹. В качестве основных методов исследования применялись методы источниковедения и текстологии.

3. Творческое наследие Г.-Ж. Дылгырова

Письменное наследие бурятского ламы на монгольском языке, главным образом, отражено в двух вышеупомянутых каталогах, подготовленных к изданию Г.-Ж. Дылгыровым. Первый каталог объемом 2v л. включает сочинения, отпечатанные начиная с 1866 г., и содержит названия 30 сочинений с указанием количества листов. Второй каталог на 2v листах был отпечатан в 1872 г., в нем насчитывается 20 текстов, изданных с 1870 г., главным образом религиозных: обряды, благопожелания, восхваления, молитвы и т. п. Большой популярностью пользовались работы Г.-Ж. Дылгырова, из 30 сочинений, указанных в первом каталоге, 22 текста были переизданы в других книгопечатных дацанских центрах: при Ацагатском, Чесанском, Эгитуйском и Анинском дацанах [*Сыртыпова и др. 2006: 58*].

Следует заметить, что тибетский язык был широко распространен в монашеской среде, являясь языком не только религиозных служб, но и образования, в то время как монголоязычные сочинения были адресованы широкому кругу образованных мирян. Г.-Ж. Дылгыровым на старомонгольской письменности были освещены основные постулаты буддийского учения, в его работах доступно разъяснялись не только религиозные догмы, но и нравоучения, правила социального взаимодействия, черты, присущие добродетельным людям и т. п.

В творчестве Г.-Ж. Дылгырова на монгольском языке присутствуют переводы и авторские редакции как небольших текстов, так и объемных сочинений. По тематике это история учения, астрология, дидактика, биографии, космология, философия буддизма, религиозные молитвы, гимны и др. Помимо этого, уделялось внимание на составление и издание грамматических сочинений, азбук: в первом каталоге представлено 4 грамматических сочинения:

– № 10 «enedkeg-ün arban jiryūan egešig kiged yučin dörben geyigülügči üsüg-ün gešigün-lüge selte orušiba» («О шестнадцати гласных и тридцати четырех согласных буквах индийского алфавита», 5 л.);

– № 11 «töbed-ün geyigülügči yučin üsüg» («Тридцать согласных тибетского языка», на 2 л.);

– № 12 «mongyol-un arban naiman üsüg» («18 монгольских букв», на 3 л.);

– № 13 «mongyol-un jāyun qorin yurban üsüg orušiba» («О ста двадцати трех монгольских буквах», на 4 л.).

Из сочинений исторической направленности следует назвать биографию Атиши из первого каталога — «boyda jovabova atiša töbed oron-a jalaraysan namtar oruši=ba» («Повествование о прибытии в Тибет святого владыки Атиши», на 40 л.), и два сочинения из второго каталога: биографию Марпа-лоцзавы — «törülkiten-ü manglai dayun kürbegülügči marpa ločau-a nom-un oyutu-yin namtar üjegseger tusa tegülдер кемегдекү-еңе теригүн бөлүг» («Первая глава биографии

¹ Факсимиле каталогов и их транслитерация опубликованы в работе Р. Отгонбаатара [*Отгонбаатар 1998: 28–32*], список названий сочинений с переводом на русский язык дан в монографии [*Сыртыпова и др. 2006: 56–65*].

предводителя живых существ пересмешника Марпа-лоцзавы, знатока книг, называемой „Полезная для чтения“», на 43 л.)¹, «boyda jovabova atiša-yin gegen-ü čadig blam=a-yin erdem-i ögülegsen nom-un yarqu-yin oron kemegdekü oruši=ba» («Джатака святого владыки Атиши, называемая „Источник учения, исповедующий о добродетели ламы“», на 43 л.).

Два сочинения из первого каталога содержат информацию об истории буддизма в монгольских степях: времени распространения, поддержке ханской властью, учителях и знаменательных деятелях, значительных событиях, постройке храмов, переводе сочинений. Прежде всего, это «Предание о Чингис-хане».

4. Краткая характеристика и структура «Предания о Чингис-хане»

В каталоге Цугольского дацана от года огня-тигра данное сочинение значится под номером 7 и имеет расширенное название — «*tnгри-еңе жауаҕатай бойда činggis qayan-u domuу kiged mongyol orun-a angq=a šasin delgeregsen yosun*» («Предание о святом Чингис-хане, предопределенном Небом, и начало распространения Учения в монгольской стороне»), в то время как на титульном листе издания указан краткий вариант.

Нами использован ксилограф из монгольского фонда Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН), инв. № М-II-154 (старый номер М-II-347, 1940 г.)² на 20г л. [*Tngri-eңe жауаҕатай бойда činggis qayan-u domuу*]. Бумага русская, имеется водяной знак «Фабрика наследников Сумкина» (л. 15r). Размер листа — 8,5 x 44 см, размер рамки — 6 x 38 см, по 28–29 строк на листе. Листы 1v и 2r отпечатаны красной краской. Краткое маргинальное название — «*činggis-un domuу*», пагинация — монгольская буквенная. Текст на лицевой стороне каждого листа начинается со знака «бирга». При написании букв q / k используются диакритические знаки. По тексту встречаются тибетские слоги, как правило, расположенные слева от поясняемой монгольской записи тибетских слов: например, *tegüneče ekilen oytaryui-yin doluyan siregetü qayan-u odqan* (tib. *srib*) *srib* (tib. *khri*) *kri bzarpova-yin köbegün* (tib. *gri gum*) *grigum bzarpova qayan-i* (tib. *lo*) *lova* (tib. *ngam*) *ng[a]m neretü tüsimel inü qoruyaysan-iyar...* ‘Чиновник по имени Лонам убил царя Дигум цанпо, младшего сына седьмого небесного царя Срибхри цанпо’³. Еще одной из особенностей ксилографа является слитное написание аффиксов, как было показано в вышеприведенном примере — *tegüneče* вместо *tegün-eče*.

Данный текст, следуя расширенному названию, приведенному в гарчаке, можно разделить на две части. Первая часть начинается со слов о рождении в монгольской стороне святого по имени Темужин, прославленного как несравненный Чингис-хан, и предлагается краткое предание о нем. Вторая часть начинается на л. 14v и имеет подзаголовок «О первоначальном распространении буддийской религии в Монголии».

¹ Всего глав шесть, общим объемом 185 л.

² В фонде имеются другие экземпляры разного качества печати: [ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. МП-1298; ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. М-II-1448; ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. М-II-1509; ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. М-II-1538; ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. БМ-36; ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. М-II-36; ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. М-II-115; и др.]

³ Здесь и далее переводы автора.

Дата составления «Предания» приведена в тексте дважды — в завершении каждой из частей, в конце первой части дата указана как 3 год 15 рабджуна, года земля-змеи, а в колофоне более подробно — «тринадцатого числа монгольского первого белого месяца 3-его года земля-змеи 15 рабджуна», что соответствует 1869 г.

4.1. Первая часть. Преемственность власти и покровительство буддизма

В первой части сочинения родословная Чингис-хана по буддийской традиции возведена к легендарным правителям Индии и Тибета. Однако здесь изложена не только родословная Чингис-хана и его потомков, но и раскрыта преемственность власти из Индии в Тибете, Монголии и при династиях Мин и Цин (завершается первая часть указанием правления маньчжурского императора Бурэнэ-Дзасагчи (Тунчжи, 1861–1874)).

Автором подробно указаны дата рождения, сакральная характеристика Чингис-хана: *«В то время у Есугей-батора было 6 сыновей и одна дочь, старший — это родившийся в две тысячи сто двадцать третьем году со времени рождения Будды в год железной обезьяны и в шестнадцатый год воды-коня третьего рабджуна, по имени Темуджин. Он прославился как перерожденец Святого Ваджрапани, предопределенный Небом, могущественный земной Эсруа, повернувший колесо [Учения]»* [Tngri-eče jayayatai boyda činggis qayan-u domuy. Л. 3v–4r].

В целом сведения о значимых событиях по распространению дхармы среди монголов единичны и относятся к описанию деятельности Годан-хана, Хубилай-хана, его сына Чингима и Лигден-хана. Так, согласно тексту, Годан-хан в возрасте сорока двух лет в год огонь-овцы пригласил Сакья-пандиту, далее отмечен Хубилай-хан, который *«объединил светский и религиозный закон с племянником Сакья-пандиты Пагба-ламой, начиная с года железо-обезьяны до года дерево-лошади на протяжении 35 лет создавал подданным благополучие, прославился как повернувший колесо учения Хубилай-сэцэн-хан»* [Tngri-eče jayayatai boyda činggis qayan-u domuy. Л. 6r–6v]. О его сыне Чингим-тайджи сказано лишь то, что он *«по отцовскому ханскому наказу отправился провожать Пагбу-ламу в земли Сакья и вскоре умер»* [Tngri-eče jayayatai boyda činggis qayan-u domuy. Л. 6v]. О Лигден-хане говорится следующее: *«последний Лигден-батор объединился с тибетским цанпо-ханом и халхаским Цогто и с целью уничтожить религию гелукпы направился с войском в Тибет, достиг местности Шара-тала перед Куку-нором и скончался»* [Tngri-eče jayayatai boyda činggis qayan-u domuy. Л. 11r–11v]. Особо выделено, что *«на 25 году правления Тогон-темур-хана в год огня-курицы (1357 г. — М. А.) родился царь учения святой Цзонхава-гэгэн»* [Tngri-eče jayayatai boyda činggis qayan-u domuy. Л. 8r].

4.2. Вторая часть. История буддизма в «Предании о Чингис-хане»

Во второй части, где, судя по названию, раскрывается история распространения учения среди монголов, начало распространения буддийской религии приписывается святому Чингис-хану. Отмечается, что он отправил послов в местность Цан и сделал большие подношения Гунга-Нинбо, в результате чего были оформлены отношения «лама-милостынедатель». Это случилось в первый год огонь-зайца 4 рабджуна, т. е. в 1207 г.

Далее повторяются сведения о занятии Годаном в 1234 г. (28 год дерево-коня 4 рабджуна) ханского престола и его приглашении Сакья-пандиты, который в 1247 г. (41 год огонь-овцы 4 рабджуна) достиг монгольских земель и составил монгольский алфавит. Здесь же в тексте перечислены 44 слога монгольского алфавита. Отмечено, что лама и хан умерли в один год железа-свиньи (1251 г.).

Установление отношений «лама-милостынедатель» также отнесено к правлению Мунке-хана, четвертого сына Тулуя, когда был приглашен Карма-бакши.

Далее более развернуто, чем в первой части сочинения, говорится о приглашении Пагба-ламы ко двору Хубилай-хана, когда были установлены взаимоотношения, при которых в мирских делах и делах китайцев и монголов главенствует хан, а в духовных делах и делах Тибета старшинство имеет лама. Перечисляются богатые подношения и присвоение Пагба-ламе титула государственного учителя — гошри, «царь учения трех сторон Пагба-лама». Описанию деятельности Пагба-ламы и Хубилай-хагана уделено больше внимания. Подробно расписаны заслуги ламы в составлении квадратного письма и заслуги хана в покровительстве школы Сакья, радение в распространении и покровительстве учения, приобретении святых объектов поклонения из Индии и т. п.

Следующим тибетским монахом при дворе монгольского хагана Ульдзейту был сакьяпинский Чойджи-Одзер, который реформировал монгольское письмо и начал переводить на монгольский язык буддийское учение. Ко времени правления Хайсан-Хулуга отнесены переводы «Панчаракши» и другие сутры.

В «Предании о Чингис-хане» приведены сведения о «монгольском следе» в создании нартанского Ганджура на тибетском языке: во время правления Буянту-хагана послушник нартанского Риграла¹ по имени Жамьян прибыл в Монголию для сбора пожертвований. Он отправил своему учителю, помимо золота и серебра, целый сундук китайских чернил и другие принадлежности, благодаря чему Риграл завершил написание Ганджура и поместил его в храм Манчжуши в Нартанском монастыре².

Во время правления последующих юаньских императоров к их двору прибывали ученые ламы, так, ко двору Заяту-хана был приглашен Кармапа Ранжун-Доржи лама, а между Тогон-Темуром, сыном Заяту-хана, и Кармапа Ролби-Доржи были установлены взаимоотношения «лама-милостынедатель».

В тексте перечисляются тибетские ламы из школ цалпа, карма, сакья и гелукпа, которые оказали влияние на распространение буддийского учения среди монголов, особо отмечено, что от Чингис-хана до Тогон-Темура приглашались кармапинские и сакьяские ламы, некоторым из которых подносились титулы государственных наставников.

Новый этап распространения буддизма среди монголов, согласно сочинению Г.-Ж. Дылгырова, связан с деятельностью тумэтского Алтан-хана, который после приглашения третьего Далай-ламы Соднам-Жамцо прекратил обычаи убивать много скота, почитать онгонов и утвердил правила желтой религии.

Далее упомянуто, что четвертый Далай-лама Йондон-Жамцо возродился в монгольской стороне в семье племянника Алтан-хана Сумиртай-чин-хунтайджи,

¹ bcom ldan rig pa'i ral gri (1227–1305).

² Данный вариант может быть соотнесен со старой рукописной версией нартанского Ганджура XIII в., к которой был составлен каталог Будонм в XIV в. [Narthang Canon].

что явилось большой пользой для распространения религии и с того времени «49 хошунов, происходящих от Чингис-хана, 4 халхаских аймака и другие монголы стали милостынедателями течения гелукпа» [Tngri-eče jayayatai boyda činggis qayan-u domuy. Л. 18r–19v].

Выделена деятельность Ширэту-цорджи-ламы по переводу на монгольский язык трех текстов «Юм»: большого, среднего и краткого. Отмечено, что во времена Лигден-хана пандита Гунга-Одзер и другие переводчики составили Ганджур на монгольском языке. Во времена маньчжурского императора Энхэ-Амгалан Ганджур был издан ксилографическим способом, в годы правления Тэнгри-Тэтгукэна был отксилографирован Данджур под руководством Чжанчжа Ролби-Дорже.

Что касается истории распространения буддизма в халхасских землях, то в сочинении Г.-Ж. Дылгырова указано, что Абатай-сэцэн-хан основал монастырь Эрдэни-дзу; в семье его внука Доржи-тушету-хана возродился святой перерожденец Даранаты, халхасский богдо Джебдзун-Дамба Лубсан-Дамби-Жалцан в 9 год дерева-свиньи 11 рабджуна; в 29 год дерева-овцы 13 рабджуна возродился четвертый перерожденец данной линии; и в 44 год железа-собаки 14 рабджуна родился 7-й Джебдзун-Дамба-лама. На этом история распространения буддизма завершается.

В колофоне указан источник «Предания о Чингис-хане» — это сочинение Сумба-хамбо «Прекрасное дерево, исполняющее желания». Р. Е. Пубаев о самостоятельности произведения Г.-Ж. Дылгырова писал, что оно «не является переводом из „Пагсам-Чжонсана“ Сумба-хамбо в точном смысле этого слова, а является своеобразным конспективным изложением IV раздела» [Пубаев 1970: 96]. Указания на даты, более поздние, чем в сочинении Сумба-хамбо, свидетельствуют о привлечении других источников по монгольской истории.

«Предание о Чингис-хане» — это хорошо обработанное в духе буддийского мировоззрения произведение. Сочинение содержит наряду с историческими фактами легендарные сюжеты, например: рождение у индийского царя Олан Цэрикут необычного сына, которого, уложив в короб, бросают в реку Ганг; рождение Бодончара после того, как пятицветная радуга опустилась на Алун-гоа.

5. Отражение истории монгольского буддизма в «Кратко составленной хронологии учения»

Второе сочинение Г.-Ж. Дылгырова, содержащее сведения по истории буддизма, — «tobčilan jokiyaṡsan šasin-u jiruqai orusiba» («Кратко составленная хронология учения») [Tobčilan jokiyaṡsan šasin-u jiruqai orusiba] является небольшим по объему. Всего 6 ксилографических листов, на которых изложена история распространения буддизма в Индии, Тибете и Монголии, а также история царей Шамбалы в соответствии с тремя системами летосчисления: от рождения Будды в год железа-обезьяны, от рождения Иисуса Христа и согласно тибето-монгольскому 60-летнему циклу. Большая часть посвящена истории тибетского буддизма. События, относящиеся к истории монгольского буддизма, занимают менее 2 листов. Приведем отрывок полностью: «В 2123 году, по-российски в 1162 году воды-лошади, родился святой предопределенный небом Чингис-хаган. <4v> В 2168 году, в первый год огня-зайца четвертого рабджуна, в Монголии было положено начало учению. В 2195 году дерева-лошади сын Угэдэй-хагана

Годан-нойон пригласил Сакья-пандиту и они установили взаимоотношения „лама – милостынедатель“. В 2226 году, дерева-коровы, Хубилай Сэцэн-хаган пригласил Амитаны Итэгэл Пагба-ламу и установил правило Учения. В 2318 г., по-российски в 1357 году огня-курицы, родился царь учения Цзонхава. В 2352 году, железа-овцы, родился первый Далай-лама. В 2531 году, железа-лошади, родился Панчен Дхарма-Дуваца. <5r> В 2539 году, земли-тигра, Абатай-Сайн-хаган возвел монастырь Эрдэни-Дзу. В 2581 году, железа-обезьяны, период самади эпохи реализации завершился и начался период шагшабад. В 2596 г., по-российски в 1635 году дерева-свиньи, в семье Тушету-хагана родился перерожденец Даранаты Джебдзун-Дамба. В 2652 году, железа-овцы, Энхэ-Амгалан-хаган пригласил Джебдзун-Дамбу в Пекин. В 2688 г., по-российски в 1727 году огня-овцы, 19 ригдан воссел на престол Шамбалы. <5v> В 2743 г., по-российски в 1782 году воды-тигра, родился Панчен-богдо Шоглай-Намжил. В 2777 г., по-российски в 1816 году огня-мыши, родился 10-й Далай-лама. В 2788 г., по-российски в 1827 году огня-свиньи, 20-ый ригдан воссел на престол Шамбалы. В 2811 году железа-собаки родился 7-й перерожденец Джебдзун-Дамбы» [[Аюшеева 2024б: 14–16](#)].

Если в «Предании о Чингис-хане» изложение собственно монгольской истории практически не прерывалось знаменательными датами буддизма, кроме сообщения о рождении Цзонхавы, то в «Краткой хронологии» в повествование о монгольской истории встроены сообщения о других важных событиях, о тибетских иерархах, как, например, между сообщениями о Хубилай-хане и следующей знаменательной личностью Абатай-ханом включены сведения о рождении не только Цзонхавы, но и первого Далай-ламы — ближайшего ученика Цзонхавы Гендуб-дуба (1391–1474) и IV Панчен-ламы Лубсан-Чойжи-Жалцана (1570–1662).

Как и в «Предании о Чингис-хане», в «Краткой хронологии» дата составления приведена дважды, помимо сообщения на л. 5v: «Написал данное сочинение в 2827 г. со времени рождения учителя Будды в год железа-обезьяны, по-российски в 1866 г., в год огня-тигра», в колофоне дано небольшое уточнение — «написав, вырезал на ксилографических досках в месяц железа-зайца года огня-тигра».

В колофоне указано, что оно составлено на основе сочинения Пугпа-Лхундруб-Жамцо «Устное наставление „Белый лотос“», что является верным касательно ранних дат. Основные сведения по истории буддизма в Монголии, вероятно, позаимствованы Г.-Ж. Дылгыровым из сочинения Сумба-хамбо и исторических повествований о биографиях ургинских Джебдзун-Дамба-хутукт.

6. Заключение

Как видно, в сочинениях Г.-Ж. Дылгырова приведены основные сведения по истории монгольского буддизма в лаконичной форме. В своем творчестве бурятский лама следует сложившейся буддийской историографической традиции: возводит линии преемственности не только учения, но и родословной монгольских ханов от индийских и тибетских царей. Два рассмотренных текста в разном объеме отражают идею поддержки религии ханской властью, взаимоотношений «союза трона и алтаря», начала буддийского учения со времен Чингис-хана, олицетворенного как чакравартин, воплощение Ваджрапани.

Единственное разночтение в приводимых сведениях касается времени приглашения Хубилай-сэцэн-ханом Пагба-ламы. Так, в «Предании» это случилось в год воды-коровы, что соответствует 1253 г., а в «Краткой хронологии» указано, что встреча Хубилай-сэцэн-хана и Пагба-ламы произошла в 2226 г. с рождения Будды в год дерева-коровы, что соответствует 1265 г. В большинстве монгольских сочинений данное событие отнесено к 1253 г. В датировке остальных событий рассмотренные сочинения идентичны. Возможно, указанная неверная дата — это описка переписчика или резчика.

Сравнивая сведения из двух источников, следует заметить, что, хотя в них содержатся исторические даты и описание событий, это разные по целям создания сочинения. Если первое — в полной мере историко-литературное сочинение, имеющее целью ознакомить читателей с родословием монгольских ханов и сменяемостью власти от легендарных индийских царей до маньчжурских императоров, то второе сочинение — это более справочное пособие по астрологическим расчетам, где даны основные даты в истории буддизма для уточнения дальнейших вычислений. Тем не менее приводимые даты по истории распространения буддизма в монгольских степях верифицируются с другими историческими источниками. Создание подобных сочинений на монгольской письменности имело целью познакомить широкий круг читателей, не владевших тибетской письменностью, с историей.

Источники

Gal baras jil-eče ekilen keb-tür seyilgegsen mongyol nom-ud-un garšay — Gal baras jil-eče ekilen keb-tür seyilgegsen mongyol nom-ud-un garšay (= Каталог монгольских ксилографов, вырезанных, начиная с года огня-тигра) // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Монгольский фонд. Инв. № М-II-261. 2 л.

Temür morin jil-eče ekilen keb-tür seyilgegsen mongyol nom-ud-un qoyaduγar garšay — Temür morin jil-eče ekilen keb-tür seyilgegsen mongyol nom-ud-un qoyaduγar garšay (= Второй каталог монгольских ксилографов, вырезанных, начиная с года железа-коня) // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Монгольский фонд. Инв. № М-II-264. 2 л.

Tngri-eče jāyayatai boyda činggis qayan-u domuγ — Tngri-eče jāyayatai boyda činggis qayan-u domuγ (= Предание о святом Чингис-хане, предопределенном Небом) // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Монгольский фонд. Инв. № М-II-154. 20 л.

Tobčilan jokiyaγsan šasin-u jiruqai orusiba — Tobčilan jokiyaγsan šasin-u jiruqai orusiba (= «Кратко составленная

Sources

Catalogue of Mongolian Xylographs, Carved since the Year of ire-tiger. At: Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS), Mongolian Collection. Inv. No. M-II-261. 2 f. (In Old Mong. Script).

The Second Catalogue of Mongolian Xylographs, Carved Since the Year of the Iron Horse. At: Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS), Mongolian Collection. Inv. No. M-II-264. 2 f. (In Old Mong. Script).

The Legend of Saint Genghis Khan, Sent Down by Heaven. At: Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS), Mongolian Collection. Inv. no. M-II-154. 20 f. (In Old Mong. Script).

Briefly Composed the Doctrine Chronology. At: Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian,

хронология учения») // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Монгольский фонд. Инв. № М-II-280. 6 л.

ЦВРК ИМБТ СО РАН — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS), Mongolian Collection. Inv. no. M-II-280. 6 f. (In Old Mong. Script).

Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS.

Литература

Аюшеева 2024а — *Аюшеева М. В.* Сочинение Галсан-Жимбы Дылгырова «Tobčilan jokiyaŋsan šasin-u jiruqai orusiba» («Кратко составленная хронология доктрины») // Монголоведение. 2024. Т. 16(2). С. 363–373. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-363-373

Аюшеева 2024б — *Аюшеева М. В.* «Кратко составленная хронология Учения» Галсан-Жимбы Дылгырова // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 17. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2024. С. 3–19.

Батонимаева 2021 — *Батонимаева Е. Г.* Родословная бурят хоринского рода харгана: на материале тибетоязычной автобиографии Галсан-Жинбы Дылгырова (1816–1872?) // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 2. С. 328–340. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-328-340

Баяртуев 1997 — *Баяртуев Б. Д.* Галсан-Жинба Дылгыров (1816–?) // Российские монголоведы (XVIII – начало XX вв.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1997. С. 36–39.

Ванчикова 1999 — *Ванчикова Ц. П.* О двух первых настоятелях Цугольского дацана // Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1999. С. 92–94.

Ванчикова 2000 — *Ванчикова Ц. П.* Тибетские и монгольские источники о деятельности первых настоятелей Цугольского дацана // Культура Центральной Азии. Вып. 4. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. С. 85–101.

Ванчикова, Аюшеева 2016 — *Ванчикова Ц. П., Аюшеева М. В.* «Сокровищ-

References

Ayusheeva M. V. The Essay “Tobčilan jokiyaŋsan šasin-u jiruqai orusiba” (“A Brief Chronology of the Doctrine” of G.-Zh. Dylgyrov”). *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. No. 16(2). Pp. 363–373. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-363-373 (In Russ.)

Ayusheeva M. V. “Briefly Compiled Chronology of the Teaching” of G.-Zh. Dylgyrov. In: *Culture of Central Asia: Written Sources*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2024. Pp. 3–19. (In Russ.)

Batonimaeva E. G. The Genealogy of Khar-gana Clan of Khori-Buryats in the Light of the Tibetan Autobiography of Gal-san-Zhinba Dylgyrov. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. No. 13(2). Pp. 28–340. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-328-340. (In Russ.)

Bayartuev B. D. Galsan-Zhinba Dylgyrov (1816–?). In: *Mongolists of Russia, 18th – Early 20th Centuries*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1997. Pp. 36–39. (In Russ.)

Vanchikova Ts. P. About two Founding Abbots of Tsugol Datsan. In: *Problems of Traditional Culture of the Peoples of the Baikal Region*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1999. Pp. 92–94. (In Russ.)

Vanchikova Ts. P. Tibetan and Mongolian Sources Mentioning Activities by the two Founding Abbots of Tsugol Datsan. In: *Culture of Central Asia: Written Sources*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2000. Vol. 4. Pp. 85–101. (In Russ.)

Vanchikova Ts. P., Ayusheeva M. V. “Treasury of Three Doctrines” — a New Writ-

- ница трех учений» — новый источник по истории Цугольского дацана // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2016. № 4(24). С. 68–77.
- Гармаева 2004 — *Гармаева Х. Ж.* «Притча о волшебстве» на монгольском языке // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 6. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004. С. 88–100.
- Дарижапова 2001 — *Дарижапова Д. Д.* Сүүгэлэй Дашичойнпэллинг дасанай хоёрдугаар шэрээтэ Галсан-Жимба Дэлгэрэй намтар (= Биография второго настоятеля Цугольского Дашичойнпэллинг дацана Галсан-Жимбы Дылгырова) / Тэрбиш-гуайн монгол оршуулгааа Дулма Дарижапова буярадшалба. Улаан-Үдэ: [б. и.], 2001. 65 н.
- Дарижапова 2015 — *Дарижапова Д. Д.* Сүүгэлэй Дашичойнпэллинг дасанай хоёрдугаар шэрээтэ Галсан-Жимба Дэлгэрэй намтар (= Биография второго настоятеля Цугольского Дашичойнпэллинг дацана Галсан-Жимбы Дылгырова) / Дулма Дарижапова хэблэлдэ бэлдэбэ // Байгал. 2015. № 2. С. 154–168.
- Лощенков 2018 — *Лощенков А. В.* Устав монастыря «Таши Чопеллинг» традиции Генден, называемый «Сокровищница трех драгоценных практик»: перевод с тибетского // Проблемы трансляции и философской интерпретации буддизма (на материале тибетской и китайской традиций. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2018. С. 44–64. DOI: 10.31554/978-5-7925-0530-8-2018-44-64
- Лощенков 2024 — *Лощенков А. В.* Духовные наставники ширетуга Цугольского дацана Галсан-Жимба Дылгырова (1816–1872) // Буддологические исследования. 2024. № 2(9). С. 152–162. DOI: 10.30792/2949-5768-2024-9-152-162
- Лыгденова, Батонимаева 2023 — *Лыгденова В. В., Батонимаева Е. Г.* Жизненный путь настоятеля Цугольского дацана в ten Source on the History of the Tsugol Dastan. *The Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2016. No. 4(24). Pp. 68–77. (In Russ.)
- Garmaeva Kh. Zh. “The Parable of Magic” in Mongolian Language. In: Culture of Central Asia: Written Sources. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2004. Pp. 88–100. (In Russ.)
- Darizhapova D. D. The Biography of Galsan-Zhimba Dylgyrov, the Second Abbot of Tsugol Dashichoinpelling Datsan. D. Darizhapova (Buryat trans.); Terbish (Mongolian trans.). Ulan-Ude: [s. n.], 2001. 65 p. (In Bur.)
- Darizhapova D. D. The Biography of Galsan-Zhimba Dylgyrov, the Second Abbot of Tsugol Dashichoinpelling Datsan. D. Darizhapova (prepared for publication). *Baigal*. 2015. No. 2. Pp. 154–168. (In Bur.)
- Loshchenkov A. V. The Regulations of the Monastery of the Geden Tradition “Tashi Chopelling”, so-called “Treasury of three Precious Practices”. In: Problems of Translation and Philosophical Interpretation of Buddhism (Based on the Material of the Tibetan and Chinese Traditions). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2018. Pp. 44–64. (In Russ.)
- Loshchenkov A. V. Spiritual Teachers of the Abbot of Tsugol Datsan Galsan-Zhimba Dylgyrov (1816–1872). *Buddhist Studies*. 2024. No. 2(9). Pp. 152–162. DOI: 10.30792/2949-5768-2024-9-152-162 (In Russ.)
- Lygdenova V. V., Batonimayeva E. G. Life Path of the Head-Master of the Tsugol Datsan in the Late 19th Century: Impact

- ХІХ в.: влияние «Автобиографии» Г.-Ж. Дылгырова на развитие буддийского института // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2023. Т. 29. С. 1046–1050. DOI:10.17746/2658-6193.2023.29.1046-1050
- Отгонбаатар 1995 — *Отгонбаатар Р.* Один из гарчиков Д. Галсанжинбы // Средневековая культура Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 28–30.
- Отгонбаатар 1998 — *Отгонбаатар Р.* Монгол модон барын номын эх гарчиг (= Каталог монгольских ксилографических изданий). Токио: Токиогийн гадаад судлалын их сургууль, 1998. 143 с.
- Пубаев 1970 — *Пубаев Р. Е.* Перевод из исторического сочинения Сумба-Хамбо «Пагсам-Чжонсан» Вагин-Дара-Сумади-Галба-Бадра-Дана (Галсан-Жимба Дылгыровым) // Труды Бурятского института общественных наук. Вып. 13. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1970. С. 95–99.
- Сыртыпова и др. 2006 — *Сыртыпова С. Д., Гармаева Х. Ж., Базаров А. А.* Буддийское книгопечатание Бурятии ХІХ – нач. ХХ в. Улан-Батор: Адмон, 2006. 222 с.
- Тэрбиш 1998 — *Тэрбиш Л.* Бичгийн их хун дуун хөрвүүлэгч Д. Галсанжимбын намтар (= Биография литератора, переводчика Д. Галсан-Жимбы). Улаанбаатар: Эрдэм пүүс, 1998. 95 х.
- Шубина 2014 — *Шубина Е. Р.* «Магтал двенадцати деяний светлейшего спасителя Будды» Галсанджинбы Дылгырова // *Mongolica-XIII*. СПб.: ИВР РАН, 2014. С. 65–70.
- Шугэр 1991 — *Шугэр Ц.* Монгол модон барын ном (= Монгольские ксилографы). Улаанбаатар: Соёмбо, 1991. 264 х.
- Narthang Canon — The Narthang Canon at Columbia [электронный ресурс] // URL: <https://library.columbia.edu/libraries/eastasian/tibetan/canons/narthang.html> (дата обращения: 03.12.2024).
- of the “Autobiography” by G.-J. Dylgyrov on the Development of the Buddhist Institute. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. 2023. No. 29. Pp. 1046–1050. DOI: 10.17746/2658-6193.2023.29.1046-1050 (In Russ.)
- Otgonbaatar R. One of D. Galsan-Zhinba’s Garchags. In: *Medieval Culture of Central Asia: Written Sources*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1995. Pp. 28–30. (In Russ.)
- Otgonbaatar R. The Catalogue of Mongolian Xylographs. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 1998. 143 p. (In Mong.)
- Pubaev R. E. Translation from the Historical Work of Sumba-Khambo “Pag-sam-Zhongsan” by Vagin-Dara-Sumadi-Galba-Badra-Dana (Galsan-Zhimba Dylgyrov). In: *Proceedings of the Buryat Institute of Social Sciences*, 1970. No. 13. Pp. 95–99. (In Russ)
- Syrtyanova S. D., Garmayeva Kh. Zh., Bazarov A. A. Buddhist Printing of Buryatia 19th – Early 20th century. Ulaanbaatar: Admon, 2006. 222 p. (In Russ.)
- Terbish L. D. Galsan-Zhinba: Autobiography of the Great Writer and Translator. Ulaanbaatar: Erdem Puus, 1998. 95 p. (In Mong.)
- Shubina E. R. Magtal to Twelve Deeds of the Blessed Savior Buddha by Galsanzhinba Dylgyrov. In: *Mongolica-XI-II*. St. Petersburg: Institute of Oriental Manuscripts (RAS), 2014. Pp. 65–70. (In Russ.)
- Shuger Ts. The Mongolian Xylographs. Ulaanbaatar: Soyembo, 1991. 264 p. (In Mong.)
- The Narthang Canon at Columbia. Available at: <https://library.columbia.edu/libraries/eastasian/tibetan/canons/narthang.html> (accessed: 03 December 2024).

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 1, pp. 78–94, 2025
 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-78-94

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДИЕ

УДК 930(929)

UDC 930(929)

DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-78-94

Юнхэгун: история и современность

Цымжит Пурбуевна Ванчикова¹

Yonghegong: History and Modernity

Tsymzhit P. Vanchikova¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

Dr. Sc. (History), Professor, Senior Research Associate

 0000-0002-1381-6186. E-mail: [vanchikova.ts\[at\]gmail.com](mailto:vanchikova.ts[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Ванчикова Ц. П., 2025

© Vanchikova Ts. P., 2025

Аннотация. *Введение.* Монастырь Юнхэгун — самый крупный и знаменитый буддийский монастырский комплекс школы гелуг за пределами Тибета, расположенный в северо-восточной части центрального Пекина, тем не менее его история недостаточно известна в российской историографии. *Цель* статьи — восполнить существующий пробел в историографии. В связи с этим в статье с использованием основных исторических *методов*, таких как историко-сравнительный, историко-хронологический, кратко рассмотрены история создания монастыря, его архитектура, состав и количество монахов, монастырские учебные факультеты, вопросы управления монастырем и его современное состояние. Основными *материалами* исследования послужили источники на китайском языке, такие как законодательные акты и постановления Коммунистической партии Китая и правительства КНР, сайт монастыря Юнхэгун и статьи исследователей разных аспектов истории тибетского

Abstract. *Introduction.* Yonghegong Monastery is the largest and the most famous Gelug Buddhist monastic complex outside Tibet, located in the northeastern part of central Beijing, however, its history is not well known in Russian historiography. *The purpose of the article* is to fill the existing gap in the historiography. In this regard, the history of the monastery, its architecture, composition and number of monks, monastic educational faculties, issues of monastery management and its current state is briefly examined in the article, with the help of the main historical methods, such as historical-comparative, chronological. The main sources were the sources in Chinese, such as legislative acts and regulations of the CCP and the government of the PRC, the Yonghegong Monastery website and the articles on various aspects of the history of Tibetan and Mongolian Buddhism. *Results.* Yonghegong Buddhist Temple is one of the most important cultural and historical monuments of Beijing, which, unlike most buildings, has managed

и монгольского буддизма. *Результаты.* Буддийский храм Юнхэгун является одним из важнейших культурных и исторических памятников Пекина, которому, в отличие от большинства построек, удалось сохранить свой облик вплоть до настоящего времени. Этот монастырь, основанный в 1694 г. маньчжурским императором Канси в качестве резиденции наследного принца Инчжэна (1678–1735), был официально в 1744 г. по указу императора Цяньлуна утвержден в качестве придворного буддийского монастыря и получил название Юнхэгун. На протяжении всей своей истории монастырь находился под непосредственным контролем императорского двора, государственных учреждений, начиная с Палаты внешних сношений (Лифаньюань), Министерства или Совета по обрядам и Бюро (Национальная администрация) по делам религий Китайской Народной Республики (с 1949 г. по настоящее время). Комплекс состоит из пяти основных храмовых зданий, расположенных по прямой оси с юга на север. Храмы, объединенные дворами с разными малыми храмами, расположенными по бокам от больших храмов, отличаются богатством отделки, уникальными историческими и культурными артефактами, резьбой по камню, каменными стелами с надписями на китайском, маньчжурском, монгольском и тибетском языках. *Выводы.* Управление монастырем разделено между Общим административным отделом управления Юнхэгун и Монастырским советом по управлению монастырем. В настоящее время монастырь, сочетающий в себе религиозные объекты, достопримечательности и Музей тибетского буддийского искусства, который каждый день посещает большое количество туристов и верующих, как из КНР, так и со всего мира, превращается в один из основных туристических объектов Пекина. Наблюдаемые в Юнхэгуне изменения свидетельствуют о процессе растущей идентификации буддийских монастырей с китайской цивилизацией, с вытекающей отсюда постепенной переориентацией монастырей из религиозных объектов в символы культурного наследия и в музеи, играющие значительную роль в культурной дипломатии.

to preserve its appearance to the present day. Founded in 1694 by the Manchu Emperor Kangxi as a residence for Crown Prince Yinzheng (1678–1735), the monastery was officially designated as a court Buddhist monastery by the Qianlong Emperor in 1744 and given the name Yonghegong. Throughout its history, the monastery has been under the direct control of the imperial court, government agencies, beginning with the Chamber of External Affairs (Lifan Yuan), the Ministry or Council of Rites, and the Bureau (National Administration) of Religious Affairs of the People's Republic of China (1949 to the present). The monastic complex consists of five main temple buildings, arranged in a straight axis from south to north. The temples, connected by courtyards with various small temples located on the sides of the large temples, are distinguished by the richness of decoration, unique historical and cultural artifacts, stone carvings, stone steles with inscriptions in Chinese, Manchu, Mongolian and Tibetan languages. *Conclusions.* The management of the monastery is divided between the General Administrative Management Department of Yonghegong and the Monastic Council for the Management of the Monastery. At present, the monastery, which combines religious sites, tourist attractions and the Museum of Tibetan Buddhist Art, which is visited every day by a large number of tourists and believers, both from the PRC and from all over the world, is turning into one of the main tourist sites in Beijing. The changes observed in Yonghegong indicate the process of growing identification of Buddhist monasteries with Chinese civilization, resulting in gradual reorientation of monasteries from religious sites to symbols of cultural heritage and museums playing a significant role in cultural diplomacy.

Ключевые слова: монастырь Юнхэгун, история, архитектура, учебные факультеты, правовой статус монастыря, современное состояние

Keywords: Yonghegong Lama temple, history, architecture, educational faculties, legal status of the monastery, current state

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственного задания «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии» (№ 121031000263-3).

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy project no. 21031000263-3 “The Written Traditions of the Peoples of the Baikal Region in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia”

Для цитирования: Ванчикова Ц. П. Юнхэгун: история и современность // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 1. С. 78–94. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-78-94

For citation: Vanchikova Ts. P. Yonghegong: History and Modernity. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025; 17(1): 78–94. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-78-94

1. Введение

В XVII–XIX вв. важнейшим центром тибетского буддизма школы гелугпа в Китае был Пекин — столица империи Цин (1636–1912). Монастырь Юнхэгун¹ является одним из ярких примеров развития и становления тибетского буддизма в Китае, история его тесно связана с цинским императорским двором. Весь комплекс является не просто местом религиозного поклонения, но и местом органичного слияния богатейших традиций китайской, маньчжурской, тибетской и монгольской культурных традиций. За свою долгую историю монастырь претерпел тяготы и невзгоды, выпавшие на страну. Особенно большие потери он претерпел в годы после падения Цинской империи, в период Республиканского Китая, японской оккупации, в годы культурной революции. После создания КНР в 1949 г. монахами были начаты восстановительные работы по ремонту храмов, статуй божеств и реликвий, но вскоре монастырь был закрыт. Лишь в 1981 г. он восстановил свою деятельность, когда были приняты старшие и набраны молодые монахи. В 1983 г. Юнхэгун был включен в список «Наиболее важных охраняемых культурных памятников страны» [[Храм Ламы](#)]. Постепенно в нем была восстановлена полноценная религиозная деятельность. В 1995 г. Пекинское муниципальное бюро культурных реликвий утвердило его в качестве Музея тибетского буддийского искусства [[Храм-музей](#)].

Жизнь монастыря руководствуется его уставом, составленным монастырским административным советом, и основным законом — Положением о религиозных делах [[Zong jiao](#)]. Но существует много других законов, указов, актов, предписаний, касающихся религиозной деятельности в КНР и ограничивающих религиозную деятельность, которые обязательны для исполнения всеми религиозными учреждениями, например: Меры по финансовому управлению местами проведения религиозных мероприятий [[Политика и нормативные](#)], Муниципальные постановления Пекина по делам религий [[Меры по управлению группами](#)], Административные меры по реинкарнации Живых Будд в тибетском

¹ Монастырь Юнхэгун — кит. 雍和宮 Yōnghégōng; маньж. Hūwaliyasun hūwaliyaka gung; монг. Nayiraltu nayiramdaqu sum, Öljei Jibqulangtu Sūme; тиб. dga' ldan byin chags gling; англ. Yonghegong Lama temple или Yonghe Lamasery; рус. Монастырь мира и согласия / гармонии.

буддизме [[Меры по реинкарнации](#)], Руководство о том, как занимать основные преподавательские должности в тибетских буддийских храмах [[Меры квалификации](#)], Меры по управлению Тибетскими буддийскими храмами [[Меры по управлению храмами](#)] и др.

2. Материалы и методы исследования

Основными источниками исследования послужили материалы на китайском языке, такие как законодательные акты и постановления Коммунистической партии Китая и правительства КНР, сайт монастыря Юнхэгун и статьи исследователей разных аспектов истории тибетского и монгольского буддизма. Поскольку целью статьи является восполнение пробела в историографии, то в работе использовались основные исторические методы, такие как историко-сравнительный, хронологический и ретроспективный, а также факторный анализ (характеристика места и роли в исторической реальности), которые позволили кратко рассмотреть историю создания монастыря, выявить основные этапы его развития, архитектуру, определить состав и количество монахов, монастырские учебные факультеты, вопросы управления монастырем и его современное состояние.

3. История монастыря

Строительство Юнхэгун было начато в 1694 г. императором Канси (1654–1722, годы правления 1661–1722) на 33-м году его правления. Первоначально он был резиденцией, местом проживания его 4-го сына, наследника Инъяжэна (император Айсингёро Юнчжэн, 1678–1735, годы правления 1722–1735), который переехал во дворец в 1703 г. В 1711 г. в нем родился Хунли, будущий император Цяньлун (1711–1799, годы правления 1735–1796). В 1722 г. Юнчжэн отдал половину зданий тибетским монахам школы гелуг, вторую половину оставил в качестве жилых помещений, переименовав название дворца на Юнхэгун. В 1735 г. после смерти императора Юнчжэна по приказу императора Цяньлуна все здания были облицованы желтой плиткой, а сине-зеленая черепица крыши дворца заменена на желтую, подобную крышам Запретного города, что обозначило его принадлежность к императорской семье [[Bu 2022](#)]. Император Цяньлун в 1744 г. издал указ о преобразовании дворца в буддийский гелугпинский монастырь и о придании ему императорского статуса, тогда же дворец Юнчжэна (Найралт найрамдах ордон) был назван монастырем Юнхэгун (Найралт найрамдах сум). После реконструкции, произведенной в 1746 г., монастырь стал местом пребывания для многочисленных тибетских и монгольских монахов, и в 1750 г. он полностью превратился в настоящий буддийский монастырь, став придворным храмом маньчжурских императоров и административным центром управления буддийскими храмами и монахами, находящимися непосредственно под юрисдикцией династии Цин. Были построены парадные ворота, сохранившиеся до настоящего времени, некоторые храмовые постройки, башни с колокольнями, более 800 домов для проживания лам, изданы подробные инструкции об устройстве и управлении монастырем и его повседневными религиозными делами, сформировавшие современный пекинский монастырский комплекс Юнхэгун [[Bu 2022](#)]. Традиционно императорский статус сохранялся за ним до конца династии Цин. Так, все императоры ежегодные церемонии поминовения

предков проводили в этом монастыре, а для императора Цяньлуна был построен дворец. Преобразование дворца в ламаистский храм и строительство храмов сыграли жизненно важную роль в истории династии Цин, содействуя поддержанию единства династии, укреплению национальной сплоченности, обеспечению стабильности границ и продолжению политики соединения центрального правительства и приграничных этнических районов. Можно сказать, что Юнхэгун являлся политическим центром императорского двора для решения монгольских и тибетских дел посредством тибетского буддизма» [Bu 2022]. В монастыре часто на протяжении длительного времени проживали известные высшие тибетские и монгольские ламы: Чжанчжа-хутухты, Далай-ламы, Панчен-ламы, Аджа-ринпоче, Ганджурва-гэгэны, богдо-гэгэны, настоятели монастыря Ганден и др.

4. О ритуале «Золотая урна»

Нельзя не упомянуть об установленном в 1792 г. в Юнхэгуне императором Цяньлуном ритуале с использованием «золотой урны (алтан бумба)», придавшем особое сакральное и политическое значение монастырю, так как с его помощью проводилась жеребьевка и определение кандидатов, новых воплощений скончавшихся крупных хутухт и хубилганов. Под личным покровительством императора были изготовлены две золотые урны из 60 % золота, форма которых немного напоминает измененную тибетскую соломенную бутылку. Одна из них была отправлена в храм Джоканг в Тибете, вторая была установлена в Юнхэгуне 26 октября того же года, где она хранится и сейчас в его музее [Yong he gong]

Жеребьевка из Золотой урны — это способ определения реинкарнаций буддийских деятелей Монголии и Тибета и метод идентификации перевоплощенных детей-перерожденцев с целью возведения их в сан. Эта процедура выявления перерожденцев была прописана в состоящем из 29 статей «Высочайше утвержденном указе по более эффективному управлению Тибетом», обнародованном на 58-м году правления Цяньлуна (1793), регулировавшем установление перерождений на юридическом уровне¹ [Bu 2022]. В первой статье указа говорится, что целью Золотой урны являлось обеспечение процветания Гелуг и устранение мошенничества и коррупции в процессе отбора [Qin ding]. Данный ритуал оформлял передачу власти и возведения в сан перерожденца, способствовал решению проблем наследования монастырского и личного имущества и стал одним из инструментов китайского контроля над местными администрациями и высшим буддийским руководством [Намсараева 2002: 118–126; Руденко 2007: 284–309]. К использованию этого ритуала обращались духовенство и князья Монголии для легитимизации статуса вновь определенных перерожденцев, что еще больше увеличивало политическое значение Юнхэгунa и авторитет центрального правительства, так как цинский двор приобретал контроль над определением монгольских хубилганов и соответственно влияние на жизнь страны, религиозную в том числе. Установленный перерожденец подлежал утверждению китайским императором с выдачей особой грамоты и золотой пе-

¹ Основой целью этого указа являлось уточнение конкретных обязанностей тибетских государственных чиновников, а также усиление политического положения амбаней при тибетском дворе. Годом ранее, в 1792 г., император Цяньлун составил текст, в котором он объясняет, что использование золотой урны лучше, чем выбор, основанный на решении одного человека, и что применение этого ритуала может послужить устранению феномена перерождения лам в специально заинтересованных корыстных семьях.

чати. Первым из монгольских перерожденцев с помощью этого ритуала в 1793 г. был определен III-й перерожденец крупного халхасского буддийского деятеля Ламын-гэгэна Лувсанданзанжалцана (1639–1704) Цэвээнжавчог (1789–1845) [Дашбадрах 2004: 99; Юндэнбат 2023: 49–81; Ванчикова 2024: 13].

5. Основные храмовые постройки монастыря Юнхэгун

Монастырь представляет собой комплекс отдельных зданий, расположенных по оси Юг-Север (длина которой составляет 480 м) и разделенных между собой тремя крупными арками. Основные 5 храмов расположены по прямой линии, а по бокам симметрично построены менее крупные храмы. Монастырь окружен массивными каменными стенами с тремя воротами на южной стороне и по двое ворот на остальных трех стенах. Главные ворота находятся на юге. Вдоль оси расположены пять основных зданий, расположенных анфиладой, со дворами между ними и различными боковыми молитвенными залами. Основные здания-храмы следующие: 1) Тяньвандзянь, или «Храм небесных царей-защитников»; 2) Юнхэгун, или «Храм Гармонии и Мира»; 3) Юньюдзянь, или «Храм вечной защиты»; 4) Фалуньдянь, или «Храм Дхармачакры»; 5) Ваньфугэ, или «Павильон 10 000 счастливых удач» [Yong he gong].

1. Первый храм, или Тяньвандзянь, находится на юге, в связи с чем изначально именно он выполнял роль главного входа в святилище. Внутри можно увидеть скульптуры Четырех Махарадж, защитников учения и сторон света у соответствующих стен, и фигуру Майтреи посередине. На пути к следующему залу стоит бронзовый жертвенник, отлитый в 1748 г.

2. Храм Юнхэгундянь является центральной частью храмового комплекса, ранее в нем император Юнчжэн проводил официальные встречи с чиновниками. После превращения в буддийский храм он стал одним из храмов, подобным храмам других крупных буддийских монастырей, одним из мест для проведения служб и обрядов. На центральном алтаре зала стоят бронзовые двухметровые статуи Будд трех времен. Перед Буддой Шакьямуни стоят статуи двух его учеников, а по двум его сторонам расположены статуи Авалокитешвары и Майтреи. Вдоль стен храма находятся статуи восемнадцати архатов. По бокам от этого главного храма находятся 4 менее крупных храма, в которых расположены учебные монастырские факультеты: по философии, медицине, ритуалистике, астрологии.

3. Храм Юньюдзянь (храм вечной защиты, вечного благословения), символизирующий вечную охрану, был местом проживания, рабочим кабинетом императора Юнчжэня с 1703 г. до его восшествия на трон, а в конечном итоге в 1735 г. стал его усыпальницей и был преобразован в императорский дворцовый храм. В этом храме 10 комнат, в центральной части расположены скульптуры Будды медицины, Симханады и Амидахи высотой в 2,36 м, изготовленные из сандалового дерева.

4. Храм Фалуньдянь (Дхармачакра) — храм «Колеса дхармы» или «Колеса закона», главный храм монастыря — в нем установлена 6-метровая бронзовая скульптура Дже Цзонкапы (1357–1419). Изготовление скульптуры, начатое в 1924 г., обошлось в 200 000 серебряных купинг-таэлей¹, на ее завершение по-

¹ Лян или таэль (кит. trad. 兩, упрощ. 两, пиньинь: liǎng, палладица: лян) — мера веса, а также денежная единица в Юго-Восточной Азии. Возникла в Китае, появилась не позднее династии Хань. Затем распространилась в Японию, Корею, Вьетнам и другие страны. Вес в разные эпохи отличался. Основная денежная единица Китая середи-

требовалось два года. На стене за статуей находится «Гора 500 архатов», которая известна как одно из трех величайших произведений резьбы по дереву в монастыре. Высота этой композиции составляет около 4 м, длина — 3,5 м, толщина — 30 см. Вся площадь Горы вырезана из красного сандалового дерева, на котором в разных позах изображены скульптуры 500 архатов, вылитые из золота, серебра, меди, олова и железа. Залы пятисот архатов были типичными для китайских буддийских храмов. В этом храме проводятся основные религиозные церемонии и молебны, в середине зала расположены рядами сидения для лам. По бокам от скульптуры Цзонкапы расположены высокие сидения, на которых сидели во время своих посещений храма Далай-лама и Панчен-лама. По стенам зала, в шкафах, хранятся канонические собрания сочинений на тибетском языке. Помимо основного большого зала, в нем есть несколько других вспомогательных помещений.

5. Храм Десяти тысяч радостей (Ваньфугэ) — трехэтажный, высота которого равна 25 м, самое высокое здание в Юнхэгуне. С правой и с левой стороны от него находятся по одному малому храму, которые все вместе соединены между собой коридорами.

Храм получил свое название потому, что позади центральной скульптуры Майтреи расположены в три ряда фигурки десяти тысяч маленьких Будд. В этом храме, называемом также «Храмом большого Будды», установлена гигантская позолоченная сандаловая статуя Майтреи, вырезанная из цельного ствола сандалового дерева, отмеченная в книге рекордов Гиннеса в 1993 г. как самая высокая деревянная статуя, общая высота которой составляет около 26 м, а ширина равна 8 м, 18 м статуи возвышаются над землей и 8 м углублены под землей [Greenwood 2013: 306]. Ствол дерева был привезен в Пекин из Индии через Тибет по реке Янцзы через Великий канал и был подарком-данью Далай-ламы VII Кэлсан-Гьецо (1708–1757) императору Цяньлуну [Greenwood 2013: 306]. На изготовление этой статуи императору потребовалось восемьдесят тысяч лян серебра и 315,07 таэлей¹ чистого золота на покрытие [Greenwood 2013: 302]. Художником-проектировщиком этой статуи был монгольский перерожденец Чаган-дархан-лама, отвечавший также и за процесс изготовления статуи, который собрал лучших мастеров из разных мастерских страны. Статуя является образцом величайшего художественного творчества китайских мастеров. Майтрея представлен в княжеских одеждах и драгоценностях, стоящим, а не в сидячей позе. Его правая рука находится в мудре дебатов (*S. vitarkamudrā*). Церемония поклонения Майтрейе проводится ежегодно, начиная со времени основания храма в 1744 г. Строительство храма было начато в третий год правления Юнчжэна в 1744 г., он достраивался вплоть до 1750 г. Первоначально вокруг установленного ствола были возведены стены и потолок, после чего приступили к вырезанию из него скульптуры, работы велись в течение трех лет. Так был создан современный трехэтажный храм Ваньфугэ.

ны XIX – начала XX вв., равная 10 мао и 100 фыням. Насчитывалось около 180 видов ляна (таэля) с разным содержанием серебра. Наиболее распространенными были: купинский (казначейский) лян весом в 37,3 г, хайгуанский лян (таможенный) — 37,7 г, шанхайский лян — 33,74 г чистого серебра [Позднеев 1896: 274].

¹ Таэль — единица меры веса в Китае.

В храмах и во дворах находится множество культовых предметов и реликвий, имеющих историческое и культурное значение, например стелы из черного камня с надписями. Некоторые надписи сделаны на китайском, монгольском, маньчжурском и тибетском языках. Каждая надпись является отражением исторического прошлого Китая и монастыря. Все храмы, внутренние стены большинства храмов и постройки украшены многочисленными изображениями божеств и буддийских символов, стены и потолки расписаны тонкими узорами в красных, синих и золотых тонах. В библиотеке монастыря сохранилось также множество буддийских текстов [Lama Temple].

6. Монастырские учебные факультеты

Согласно свидетельству тибетских источников, создание системы обучения и подготовки монахов принадлежало императору Цяньлуну, который планировал организовать в Юнхэгуэ монастырские школы-университеты, подобные существовавшим в древней Индии и Тибете, в которых должны были преподаваться пять больших и пять малых наук. Это решение и идея были поддержаны тибетскими и монгольскими ламами, в частности VII-м Далай-ламой Кэлсан-Гьецо (1708–1757), VI-м Панчен-ламой Лобсан-Палден-Еше (1738–1780) и многими пользующимися в монголо-тибетском мире авторитетом высокопоставленными перерожденцами и святыми (хубилганами и хутухту), активно заинтересованными в распространении учения Будды [Успенский 2011: 81].

По восточной и западной сторонам двора, в котором находится храм Гармонии и мира, расположены еще четыре небольших храма, предназначенные для изучения учебных дисциплин: философии, тантры, астрологии и медицины. Для каждого из этих четырех специальных факультетов монастыря были построены отдельные здания. В них обучались монахи из Тибета, Монголии, Ляонина и Цинхая. На обучение в Юнхэгуэ отправлялись юноши не моложе пятнадцати, но не старше восемнадцати лет. В 1745 г. отобрали пятьсот молодых монахов из Внутренней и Внешней Монголии и отправили на обучение в Юнхэгуэ. «Распределили монгольских учеников следующим образом: 300 человек — на философский факультет, 100 — на тантрический, по 50 — на филологический / стрологический и медицинский... Для улучшения преподавания император решил пригласить ученых монахов из Тибета, о чем было издано соответствующее повеление» [Успенский 2011: 80]. Согласно этому повелению в Пекин была отправлена большая группа ученых монахов, которые стали первыми учителями во вновь организованных четырех монастырских учебных факультетах. В качестве наставников молодых монахов были также направлены в Пекин три бывших настоятеля крупнейших тибетских монастырей: Сэра, Галдан и Брайбун. Первое крупное новогоднее богослужение было проведено в 1746 г. [Успенский 2011: 81]. Монахи, завершившие полный курс буддийской философии, получали звание «габчжу». Большинство из закончивших обучение вернулись в свои местные монастыри и стали распространять буддийское учение среди своих сородичей. Таким образом, в Юнхэгуэ была создана профессиональная система полного и систематического обучения монахов по высоким стандартам тибетских учебных монастырей.

7. Состав и количество монахов

В ранний период истории монастыря в нем насчитывалось примерно 500 монахов, а в период его наибольшего расцвета число лам доходило до 800 человек, которые отбирались из разных монгольских аймаков. В начале XX в. положение буддийских монастырей в Китае резко ухудшилось, так как их стабильное финансовое положение, обеспечивавшееся цинским правительством, было прекращено, общее число монастырей сократилось, многие монастыри были закрыты, каждый третий монах из 4-х был вынужден покинуть монастыри, и в Юнхэгуне, в котором «насчитывалось семьсот или восемьсот монахов, осталось только около 200 престарелых монахов» [Янжинсүрэн, Сумьяа 2018: 97]. Согласно данным правительственного отчета, в 1935 г. в Юнхэгуне было зарегистрировано 195 лам. В отчете указаны места рождений, должности и обязанности лам. После того как Пекин был оккупирован японской армией (1938–1945), в отчете, составленном правительством Гоминьдана, отмечается, что во всех монастырях Пекина насчитывалось около 300 монахов, в Юнхэгуне — 88 монахов, а остальные монахи были причислены к 20 монастырям Пекина и что монахи монастыря Юнхэгун в этот период, несмотря на трудности и то, что численность их уменьшилась, продолжали как учебные традиции, так и проведение религиозных служб [Янжинсүрэн, Сумьяа 2018: 97].

После создания КНР в 1949 г. монахами были начаты восстановительные работы по ремонту храмов, статуй божеств и реликвий. С июля 1950 г. по решению муниципального правительства Пекина в монастыре дважды проводились крупные ремонтные и реставрационные ремонтные работы за счет государственных средств и в государственных целях, что объяснялось использованием буддизма и его наследия в политических целях для демонстрации мировому сообществу и иностранным делегациям политики свободы вероисповедания и лояльного отношения правительства КНР к буддизму, к сохранению культурного наследия, на деле же реконструкция монастыря предназначалась, главным образом, только для показа, так как посещение его верующими было ограничено.

Начиная с 1957 г. деятельность монастыря была прекращена из-за начавшейся атеистической политики, проводимой Коммунистической партией КНР. В годы культурной революции монастырь смог сохранить свои основные храмы и культовые ценности благодаря протекции Чжоу Эньлая, которая была обусловлена во многом политическими целями сохранения имиджа перед странами Запада и СССР. Только в 1979 г. были приняты первые монахи, которые начали реставрационные и ремонтные работы в монастыре, государство в очередной раз выделило огромную сумму денег на проведение комплексной реконструкции монастыря. Хотя Юнхэгун был объявлен памятником национального значения, он был закрыт на протяжении 32 лет. Официально он возобновил свою деятельность в начале 1981 г. с проведения цикла новогодних хуралов. В 1983 г. Юнхэгун вошел в список «Наиболее важных охраняемых культурных памятников страны». В полноценном восстановлении деятельности монастыря большую роль сыграл крупный ученый-богослов Жамьян-Губдэн (1924–2022), выходец из Ордоса, бывший настоятелем Юнхэгун с 1993 г. по 2009 г. В настоящее время настоятелем монастыря является Ху Сюэфэн (официальное имя Лобсанг Санмудан (Сандан) 罗桑·散木丹), занявший пост в 2009 г. [Su 2016].

8. Управление монастырем Юнхэгун

В имперский период управлением светскими административными делами храма по указу императора занимался принц второго ранга или цзюньван, назначаемый на должность «министра по делам ламаистского храма» [Zhao zhi 2016]. Фактическое управление монастырем было поручено императорскому двору и Министерству иностранных дел, отвечавшим за светские связи монастыря, его торгово-финансовую деятельность. После того как дворец был преобразован в монастырь Юнхэгун, в руководстве монастырем отмечается разделение функций. Его управление было разделено на две части: управление, отвечающее за общие административно-государственные дела, и управление собственно внутренними религиозно-монастырскими делами, что сохраняется и по настоящее время. Ответственным за все религиозные, внутримонастырские дела являлся глава монастыря кхенпо (хамбо-лама). Эту должность обычно занимали тибетские или монгольские ламы. С 1936 г. термин «кхенпо» заменен на ширету (настоятель, кит. 主持) [Su 2016].

С 1949 г. после образования КНР политика в отношении религии пересматривалась несколько раз в соответствии с проводимым Коммунистической партией КНР курсом. Современное положение монастыря руководствуется как общими государственными законодательными постановлениями, так и внутренними монастырскими уставами. Основным законодательным актом является «Положение о религиозной деятельности», первоначально принятое постановлением за № 426 Государственным советом КНР от 30 ноября 2004 г., пересмотренное и утвержденное за № 176 Исполнительным заседанием Государственного совета КНР, обнародованное и вступившее в силу 1 февраля 2018 г., которым всем гражданам страны гарантируется свобода вероисповедания. Целью данного положения, состоящего из 77 статей, разработанного в соответствии с Конституцией и соответствующими законами КНР, является «стандартизация управления религиозными делами» страны на всех административных уровнях [Zong jiao]. Контроль за исполнением данного Положения возложен на Государственное управление по делам религий при центральном правительстве КНР, контролирующее в свою очередь управление региональными, муниципальными религиозными центрами через Управления по делам религий или Комитеты по этническим и религиозным делам. В Положении детально регламентирована деятельность всех религиозных учреждений, преподавательского состава учебных заведений, монахов и верующих, мест проведения религиозных мероприятий, ответственность за публикации религиозного содержания, ответственность за религиозное имущество, за нарушения, за несоблюдение системы бухгалтерского учета в соответствии с национальными финансовыми и бухгалтерскими требованиями, финансовой отчетности и за сокрытие финансовой информации, подробно прописаны пункты о юридической ответственности и т. д. [Zong jiao].

Как известно, внутренняя жизнь каждого монастыря руководствуется уставом, составленным согласно положениям монашеского морального кодекса, изложенным в канонических сочинениях Винаи-питаки. Монастырские внутренние уставы монастырей составлялись с учетом выработанных с течением времени собственных традиций и общих правил, обязательных к исполнению всеми монахами, в которых отражались местные особенности и исторические реалии периода их составления. Образцами для уставов монгольских монастырей

служили уставы крупных тибетских монастырей, со временем появились уставы и на монгольском языке, например уставы, составленные Мэрген-гэгэном [Религии 2017: 96–189]. К сожалению, никаких сведений о ранних уставах монастыря Юнхэгун не обнаружено. Сведения о современных уставах этого монастыря приводятся в статье С. Янжинсурэн и Б. Сумьяа «Найралт найрамдах сумийн жаягуудын шинжилгээ» («Анализ уставов „Монастыря мира и согласия“») [Янжинсурэн, Сумьяа 2018: 96–106]. Уставы, рассмотренные в этой статье, были разработаны администрацией монастыря и утверждены вышестоящими контролирующими органами в 2003 г. и 2016 г. Обычно уставы монастырей составляются крупными перерожденцами или учеными ламами, этот же устав был разработан и одобрен монастырским административным советом. Устав написан на китайском языке. Статья 7 «Положения о религиозной деятельности» свидетельствует о том, что деятельность всех религиозных учреждений находится под контролем государства: «Уставы религиозных групп должны соответствовать соответствующим нормативным актам государственного управления социальными группами... Религиозные группы осуществляют деятельность в соответствии со своим уставом и находятся под защитой закона» [zong jiao 2017]. Устав 2003 г. был переработан в 2016 г., в него были добавлены некоторые изменения и дополнения в соответствии с требованиями государственных законодательных указов. Как явствует из анализа содержания устава, Юнхэгун рассматривается в нем как историко-культурный центр, а не как религиозное учреждение, основная задача монахов его заключается в заботе о целостности и обеспечении его сохранности как памятника мирового культурного наследия наряду с удовлетворением религиозных потребностей верующих [Янжинсурэн, Сумьяа 2018: 98–99]. Внесенные изменения свидетельствуют об изменениях в религиозной жизни Китая, если в Уставе 2003 г. упор делался главным образом на то, как управлять монастырем как туристическим центром, то в Уставе 2016 г. рассматриваются вопросы повседневной, бытовой жизни монастыря и монахов, вопросы соблюдения монашеской этики [Янжинсурэн, Сумьяа 2018: 96]. В уставе, помимо стандартных традиционных правил для монахов о соблюдении гигиены и чистоты в монастыре и храмах, о необходимости соблюдения дисциплины внутри монастыря, во время хуралов, об обязанностях учителей и учеников монастырских школ, расписании и распорядке дня, о единых требованиях к одежде монахов, об отпусках, добавлены новые правила, в частности о поддержке политики Коммунистической партии и правительства страны, о необходимости соблюдения правил международных отношений страны, финансовой деятельности монастыря, о выплате заработной платы, о ведении строгого бухгалтерского учета и отчетности, лечении и об оплате медицинских расходов монахам, о наказаниях за нарушения правил, о работе кухни, музея и архива монастыря. В уставе очень детально расписан порядок ведения и оформления официальных документов и писем и сдачи их в монастырский архив в течение шести месяцев [Янжинсурэн, Сумьяа 2018: 99]. Упомянутые дополнения свидетельствуют о том, что новый устав был отредактирован с учетом требований современных форм общественных отношений и реалий.

В настоящее время религиозная повседневная жизнь монастыря руководствуется этим уставом, а общая административная деятельность осуществляется согласно «Положению о религиозной деятельности», которое отражает официальную политику Коммунистической партии Китая и правительства.

9. Современный монастырь Юнхэгун

Монастырь Юнхэгун непосредственно подчиняется одному из муниципальных отделов Пекинской комиссии по делам национальностей. Само управление монастырем разделено между Общим отделом управления Юнхэгунуном и Монастырским советом по управлению монастырем [Yu 2018: 14–15]. Общий отдел управления, т. е. светская администрация монастыря, был создан в 1974 г., он состоит из нескольких офисов и отделов, таких как отдел кадров, финансовый отдел, отдел сохранения культуры и рекламы, исследовательская группа, канцелярия, отдел имущества, отдел общих дел для буддийских мероприятий, отдел безопасности, бизнес-центр, центр обслуживания посетителей. В этот же отдел входит туристическая сервисная компания, состоящая в свою очередь из офиса менеджеров, финансового отдела, отдела маркетинга и офиса логистики и коммуникаций [Yong he gong]. Административный отдел монастыря отвечает за реализацию этнической и религиозной политики партии и государства, поддержание и упорядочение религиозной деятельности и обеспечение нормального функционирования монастыря, охрану и защиту культурных реликвий и безопасности туристов, а также за прием важных правительственных деятелей и посетителей. Данный отдел управления монастырем входит в состав Пекинской муниципальной комиссии по делам национальностей и религий. Его штат состоит из директора, трех его заместителей, 10 отделов, включая финансовый отдел, музей и отдел гидов, и насчитывает около ста штатных сотрудников [Yong he gong].

Монастырский совет по управлению Юнхэгунуном, созданный активом монастыря с одобрения правительства и действующий в соответствии с Уставом монастыря, отвечает за повседневную жизнь монахов и монастыря, за все внутренние религиозные дела, связанные с обучением, с учебным процессом, научно-богословской деятельностью, подбором кадров, отправлением религиозных обрядов, проведением буддийских мероприятий и ритуалов, украшением храмов и культовых помещений и т. д. Монастырский совет по управлению храмом состоит из ламы-настоятеля, трех цоржи и двух гэскуев [Yong he gong].

Количество священнослужителей в монастырях регламентируется комитетом по делам религий, базирующимся в Пекине. Так, количество священников для Юнхэгунуна определено в 120 человек. В настоящее время в Юнхэгуне проживают 95 монахов в возрасте от 20 до 95 лет, из них 5 тибетцев, остальные монголы. Старшие из них ранее были монахами в амдоских монастырях Лавран и Гумбум, большинство молодых лам прошли обучение в Лавране. Обучением заняты 5 учителей, которые отвечают за преподавание в своих классах буддийских дисциплин во время обязательных утренних и вечерних уроков. В дополнение к монастырским учителям Юнхэгун приглашает по контракту специалистов из таких университетов, как Пекинский университет, Китайский университет Жэньминь и Китайская академия общественных наук, для преподавания общих и специальных дисциплин, английского языка [Yu 2018: 31].

Нельзя не упомянуть кратко о том, как проводится в Юнхэгун набор послушников, который осуществляется Комитетом по отбору монахов, состоящим из членов Общего отдела по управлению монастырем и Монастырским советом Юнхэгунуна. К кандидатам предъявляются следующие требования: их возраст должен быть от 16 до 20 лет; они должны иметь не менее чем 9-летнее

обязательное или среднее образование; не быть причастными к незаконной деятельности; не иметь судимости; иметь разрешение родителей для учебы в монастыре и желание стать монахом. Дети из регионов Внутренней Монголии, желающие стать монахами, принимаются после прохождения теста на знание монгольского и китайского языков. Выдержавшие отборочный конкурс послушники должны соблюдать государственные законы и буддийские монастырские заповеди. Они активно включаются в повседневную монастырскую жизнь. На протяжении одного года они, помимо изучения буддийской теории и письменных источников, постепенно начинают принимать участие в основных обрядовых мероприятиях, богослужениях, кроме того, им поручают множество разных дел, связанных с другими видами деятельности, такими как уход за храмами, уборка территорий и т. д. Успешно прошедшие испытательный годичный срок после сдачи экзаменов и принятия монашеских обетов могут официально стать ламами монастыря и быть зачисленными в штат. Каждый год в восьмой день апреля по лунному календарю новые монахи должны пройти через трехдневную церемонию посвящения. Более 30 монахов монастыря являются гелонами, а остальные — ламы, принявшие обеты гецула [Янжинсүрэн, Сумьяа 2018: 102].

В наши дни монахи Юнхэгуна тесно сотрудничают с мирянами. Монастырь уникален тем, что у него много социальных связей. Верующие оказывают большую спонсорскую помощь, благодаря которой строятся и реставрируются храмы, приобретаются и изготавливаются новые культовые объекты и атрибуты. Благодаря пожертвованиям верующих в Юнхэгуна издаются книги, открываются новые выставки, создаются интернет-ресурсы. Юнхэгун тратит пожертвования не только на обустройство храма, монахи оказывают поддержку национальным меньшинствам, например в строительстве школ в сельских районах Внутренней Монголии, Ляонине, Юньнани, оказании бесплатной медицинской помощи, помощи бедным, ликвидации последствий стихийных бедствий, так, монастырь в 2020 г. пожертвовал более 3 млн юаней на борьбу с эпидемией ковида. В целом с 2006 г. он пожертвовал более 30 млн юаней на социальную поддержку и благотворительность [Bu 2022].

10. Заключение

Монастырь Юнхэгун не только продолжает сохранять свои исторические традиции и культуру, но наряду с этим он обогащает и расширяет свои функции в соответствии с требованиями современности. Монастырь Юнхэгун со дня основания в 1694 г. был известен своей масштабной, полноценной академической и экономической организацией, большим количеством высокопоставленных монахов, проживающих в нем, а также особой исторической ролью его контактов с представителями высшего класса Монголии и Тибета. Он и сегодня является главным центром тибетского буддизма в столице КНР с полным спектром буддийских мероприятий, уникальной религиозной культурой, история и архитектура которого привлекают туристов со всего света. В связи с этим в монастыре созданы специальный отдел по работе с иностранцами, музей тибетского буддийского искусства. Количество принятых туристов увеличивается с каждым годом. В 2019 г. количество внутренних туристов достигло 2,58 млн человек. Монастырь Юнхэгун ежегодно принимает 450 000 иностранных туристов и верующих. Он последовательно принимал более 200 глав иностранных

государств, региональных чиновников и более 50 иностранных религиозных делегаций. Он сыграл активную роль в расширении дружественных обменов с этими странами и регионами [Bu 2022].

Сегодня монастырь Юнхэгун сочетает в себе функции всемирно известного религиозного объекта, национального ключевого культурного объекта и хорошо известной туристической достопримечательности Пекина, продолжает быть крупным действующим центром религиозной жизни, сохраняющим и развивающим свою активность и традиции, заложенные три столетия назад.

В заключение стоит отметить, что наблюдается процесс растущей идентификации буддийских монастырей с китайской цивилизацией, с вытекающей отсюда постепенной переориентацией монастырей из религиозных объектов в символы культурного наследия и в музеи, играющие значительную роль в культурной дипломатии.

Литература

Ванчикова 2024 — Ванчикова Ц. П. Лувсанданзанжалцан (1639–1704) и его роль в истории буддизма в Монголии // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 1. С. 8–22. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-8-22

Дашбадрах 2004 — Дашбадрах Д. Монголын хутагтууд. Улаанбаатар: ШУАХ, 2004. 216 с.

Меры квалификации — Административные меры квалификации преподавательского состава [электронный ресурс] // URL: https://www.yonghegong.cn/2018-05/25/content_51520707.htm (дата обращения: 24.01.2025) (На кит. яз.)

Меры по реинкарнации — Административные меры по реинкарнации Живых Будд в тибетском буддизме [электронный ресурс] // URL: https://www.yonghegong.cn/2018-05/25/content_51520716.htm (На кит. яз.)

Меры по управлению группами — Меры по управлению религиозными группами [электронный ресурс] // URL: https://www.yonghegong.cn/2022-07/13/content_78321014.htm (дата обращения: 24.01.2025) (На кит. яз.)

Меры по управлению храмами — Меры по управлению Тибетскими буддийскими храмами [электронный ресурс] // URL: https://www.yonghegong.cn/2018-01/23/content_50279787.htm (дата обращения: 24.01.2025) (На кит. яз.)

References

Vanchikova Ts. P. Luvsandanzanzhaltsan (1639–1704) and his Role in the History of Buddhism in Mongolia. *Mongolian Studies*. 2024. Vol. 16. No. 1. Pp. 8–22. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-8-22

Dashbadrakh D. *Mongolian Khutuktus*. Ulaanbaatar: Academy of Sciences, 2004. 216 p. (In Mong.)

Administrative Qualification Measures for the Teaching Staff. Available at: https://www.yonghegong.cn/2018-05/25/content_51520707.htm (accessed: 24 January 2025). (In Chin.)

Administrative Measures for the Reincarnation of Living Buddhas in Tibetan Buddhism. Available at: https://www.yonghegong.cn/2018-05/25/content_51520716.htm (accessed: 24 January 2025). (In Chin.)

Measures for Managing Religious Groups. Available at: https://www.yonghegong.cn/2022-07/13/content_78321014.htm (accessed: 24 January 2025). (In Chin.)

Measures for the Management of Tibetan Buddhist Temples Available at: https://www.yonghegong.cn/2018-01/23/content_50279787.htm (accessed: 24 January 2025). (In Chin.)

- Намсараева 2002 — *Намсараева С. Б.* Институт наместников цинского Китая в Монголии и Тибете в XVIII в.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002. 246 с.
- Политика и нормативные — Политика и нормативные акты [электронный ресурс] // URL: https://www.yonghegong.cn/node_8004954.htm (дата обращения: 24.01.2025) (На кит. яз.)
- Позднеев 1896 — *Позднеев А. М.* Лян // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 тт. (82 т. и 4 доп.). Т. XVIII. СПб.: Тип.-лит. И. А. Ефрона, 1896. С. 274.
- Реалии 2017 — Реалии монастырской жизни в буддизме Монголии и Бурятии: источниковедческий анализ / А. А. Базаров, Ц. П. Ванчикова, М. В. Аюшеева, Е. О. Собковьяк; науч. ред. А. А. Базаров. Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 2017. 220 с.
- Руденко 2007 — *Руденко В. Н.* Жеребьевка из Золотой урны — институт публичного права Китая (с приложением документов об избрании духовных лидеров тибетского буддизма) // Антимонии. 2007. Вып. 7. С. 284–309.
- Успенский 2011 — *Успенский В. Л.* Тибетский буддизм в Пекине. СПб.: НП-Принт, 2011. 367 с.
- Храм Ламы — Стоимость билета в Храм Ламы [электронный ресурс] // URL: https://www.yonghegong.cn/2017-01/05/content_40045177.htm (дата обращения: 24.01.2025) (На кит. яз.)
- Храм-музей — Храм Ламы — Музей тибетского буддийского искусства [электронный ресурс] // URL: https://www.yonghegong.cn/2017-01/10/content_40072143.htm (дата обращения: 24.01.2025) (На кит. яз.)
- Юндэнбат Соном - Ишийн. Ламын гэгээн шавийн туух. Улаанбаатор: Монхийн усэг, 2023. 340 х.
- Namsaraeva S. B. Institute of the Qing China Governors in Mongolia and Tibet in the 18th Century. Cand. Sc. (History) thesis. Moscow, 2003. 246 p. (In Russ.)
- Policy and Regulations. Available at: https://www.yonghegong.cn/node_8004954.htm (accessed: 24 January 2025). (In Chin.)
- Pozdneev A. M. Liang. Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 vol. (82 vol. and 4 suppl.). Vol. 18. St. Petersburg: Efron, 1896. 274 p. (In Russ.)
- Bazarov A. A., Vanchikova Ts. P., Ayusheeva M. V., Sobkovyak E. O. The Realities of Monastic Life in Mongolian and Buryat Buddhism: the Source Studies. A. Bazarov (ed.). Ulan-Ude: Buryat State University, 2017. 220 p. (In Russ.)
- Rudenko V. N. Drawing of Lots from the Golden Urn — Institute of Public Law of China (with attached documents on the election of spiritual leaders of Tibetan Buddhism). *Antimonies*. 2007. No. 7. Pp. 284–309. (In Russ.)
- Uspensky V. L. Tibetan Buddhism in Peking. St. Petersburg: NP-Print, 2011. 367 p. (In Russ.)
- The Cost of a Ticket to the Lama Temple. Available at: https://www.yonghegong.cn/2017-01/05/content_40045177.htm (accessed: 24 January 2025). (In Chin.)
- Lama Temple — Museum of Tibetan Buddhist Art. Available at: https://www.yonghegong.cn/2017-01/10/content_40072143.htm (accessed: 24 January 2025). (In Chin.)
- Yundenbat Sonom - Ishiin. The History of Lamyn Gegen's Shabinar. Ulaanbaatar: Mongkhiyin Useg, 2023. 340 p. (In Mong.)

- Янжинсүрэн, Сумъяа 2018 — Янжинсүрэн С., Сумъяа Б. Найралт найрамдах сумийн жаягуудын шинжилгээ (= Анализ уставов «Монастыря мира и согласия») // *Философи, шашин судлал*. № 20(495). 2018. С. 96–106.
- Yanginsuren S., Sumyaa B. Analysis of the Charters of the “Monastery of Peace and Harmony”. *Philosophy and Religious Studies*. No. 20(495). 2018. Pp. 96–106. (In Mong.)
- Bu 2022 — *bu ying hua*. Cong li shi shen chu zou lai xiang guang ming qian fang zou qu (= Исторический обзор и перспективы Юнхэгунa) [электронный ресурс] // URL: https://www.yonghegong.cn/2022-08/08/content_78362708.htm (дата обращения: 25.09.2024).
- Bu Ying Hua. Cong li shi shen chu zou lai xiang guang ming qian fang zou qu. Historical Review and Prospects of Yonghegong. Available at: https://www.yonghegong.cn/2022-08/08/content_78362708.htm (accessed: 25 September 2024). (In Chin.)
- Greenwood 2013 — Greenwood K. R. Yonghegong: Imperial Universalism and the Art and Architecture of Beijing’s “Lama temple”. Submitted to the Graduate Degree Program in Art History and the Graduate Faculty of the University of Kansas in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. University of Kansas. 2013. 445 p.
- Greenwood K. R. Yonghegong: Imperial Universalism and the Art and Architecture of Beijing’s “Lama Temple”. Submitted to the Graduate Degree Program in Art History and the Graduate Faculty of the University of Kansas in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. University of Kansas. 2013. 445 p. (In Eng.)
- Lama Temple — Lama Temple (Yonghe Temple) — Highest Tibetan Buddhist Temple in Beijing [электронный ресурс] // URL: <https://www.chinadiscovery.com/beijing/lama-temple.html> (дата обращения: 01.12.2024).
- Lama Temple (Yonghe Temple) — Highest Tibetan Buddhist Temple in Beijing. Available at: <https://www.chinadiscovery.com/beijing/lama-temple.html> (accessed: 12 January 2024). (In Eng.)
- Qin ding — *qin ding zang nei shan hou zhang cheng er shi jiu tiao* (= Высочайше утвержденный указ по более эффективному управлению Тибетом). [электронный ресурс] // URL: <http://www.historychina.net/qsyj/wxda/wxzl/2009-11-11/3798.shtml> (дата обращения: 28.09.2024).
- Qin ding zang nei shan hou zhang cheng er shi jiu tiao. The Most Highly Approved Decree on more Effective Governance of Tibet. Available at: <http://www.historychina.net/qsyj/wxda/wxzl/2009-11-11/3798.shtml> (accessed: 28 September 2024). (In Chin.)
- Su 2016 — *su na*. yong he gong zhu yao kan bu, zhu chi jian jie (= Краткая биография настоятелей монастыря Юнхэгун) 2016 [электронный ресурс] // URL: https://www.yonghegong.cn/2016-12/30/content_40012345.htm (дата обращения: 25.09.2024).
- Su na. yong he gong zhu yao kan bu, zhu chi jian jie. Brief Biography of the Abbots of Yonghegong Monastery 2016. Available at: https://www.yonghegong.cn/2016-12/30/content_40012345.htm (accessed: 25 September 2024). (In Chin.)
- Yong he gong — Yong he gong (= Юнхэгун) [электронный ресурс] // https://www.yonghegong.cn/node_7175041.htm (дата обращения: 25.09.2024).
- Yong he gong (Yonghegong) Available at: https://www.yonghegong.cn/node_7175041.htm (accessed: 25 September 2024). (In Chin.)

- Yu 2018 — *Yu chao. Yong he gong fo shi huo dong xian zhuang yan jiu* (= Исследование современного состояния буддийской деятельности Юнхэгуна) [электронный ресурс] // Zhongguo Zhiwang. 2018. 55 ye. URL: https://www.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD202202&filename=1018713146.nh&uniplatform=OVERSEA&v=-pfKms9cU1NJwuB11fC9GKfwPKHPsP8iVpthRf6262QJhPPn_1GA6wkB1qnA92v (дата обращения: 23.10.2024).
- Yu chao. Yong he gong fo shi huo dong xian zhuang yan jiu. A Study of the Current State of Yonghegong Buddhist Activity. Zhongguo Zhiwang. 2018. 55 p. Available at: https://www.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD202202&filename=1018713146.nh&uniplatform=OVERSEA&v=-pfKms9cU1NJwuB11fC9GKfwPKHPsP8iVpthRf6262QJhPPn_1GA6wkB1qnA92v (accessed: 23 October 2024). (In Chin.)
- Zhao zhi 2016 — *Zhao zhi ling, bao hong fei, liu jun. yong he gong man wen dang an yi bian* (= Перевод и составление маньчжурских источников Юнхэгуна). Bei jing: Bei jing chu ban she, 2016. 1779 ye.
- Zhao zhi ling, bao hong fei, liu jun. yong he gong man wen dang an yi bian (Translation and Compilation of the Manchu Sources of Yonghegong). Beijing: Bei jing chu ban she, 2016. 1779 p. (In Chin.)
- Zong jiao — *Zong jiao shi wu tiao li* (= Положение о религиозной деятельности) [электронный ресурс] // URL: https://orthodox.cn/contemporary/zjshwtli_cn.htm (дата обращения: 28.09.2024).
- Zong jiao shi wu tiao li (Regulations on Religious Activity) Available at: https://orthodox.cn/contemporary/zjshwtli_cn.htm (accessed: 28 September 2024). (In Chn.)
- Zong jiao 2017 — *Zong jiao shi wu tiao li* (= Указ о религиозных делах) [электронный ресурс] // URL: https://www.yonghegong.cn/node_7175041.htm (дата обращения: 25.09.2024).
- Zong jiao shi wu tiao li (Decree on Religious Affairs). Available at: https://www.yonghegong.cn/node_7175041.htm (accessed: 25 September 2024). (In Chin.)

Has been issued since 2002 https://mongoloved.kigiran.com/jour	МОНГОЛОВЕДИЕ (Монгол судлал) (Mongolian Studies)
Vol. 17, Is. 1, pp. 95–117, 2025 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-95-117	ISSN 2500-1523 (Print) ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДИЕ

УДК 93/94+398.8

UDC 93/94+398.8

DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-95-117

Народные песни синьцзянских торгутов в записи Ц.-Д. Номинханова (1935 г.): специфика источника

Эльза Петровна Бакаева¹

Folk Songs of the Torguts of Xinjiang Recorded by Ts.-D. Nominkhanov (1935): Specifics of the Source

Elza P. Bakaeva¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

доктор исторических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник

Dr. Sc. (History), Deputy Director, Leading Research Associate

0000-0002-5188-1202. E-mail: ebakaeva[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Бакаева Э. П., 2025

© Bakaeva E. P., 2025

Аннотация. *Введение.* В архиве Калмыцкого научного центра РАН хранится рукопись востоковеда Ц.-Д. Номинханова «Калмыцкие народные песни», которая включает тексты, записанные им с 1927 г. до 1962 гг. среди разных этнических групп. *Цель статьи* — дать характеристику песен синьцзянских торгутов из этого сборника как источника. Статья является продолжением двух других статей, где рассматриваются записи песен донских и большедербетовских калмыков (1927 г.). *Результаты.* Всего Ц.-Д. Номинханов записал 10 песен карашарских торгутов. Песни зафиксированы от торгута — студента Среднеазиатского университета Дусяна и включены в рукопись, озаглавленную «Калмыцкие народные песни», что отражает особенность научной и творческой биографии ученого, а также мнение Ц.-Д. Номинханова о единстве культуры синьцзянских торгутов и калмыков. Все песни записаны в первый

Abstract. *Introduction.* The archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS contains the manuscript of the orientalist Ts.-D. Nominkhanov, named “Kalmyk Folk Songs”, including texts recorded by him among different ethnic groups from 1927 to 1962. The *purpose* of the article is to characterize the songs of the Xinjiang Torguts from this collection as a source. The article is a continuation of two other articles, which consider the recordings of songs of the Don and Boshederbet Kalmyks (1927). *Results.* Ts.-D. Nominkhanov recorded 10 songs of the Karashar Torguts. The songs were recorded from Dusyan who was the Torgut and the student of the Central Asian University. All songs are included into the manuscript entitled “Kalmyk Folk Songs”, which reflects the peculiarity of the scientific and creative biography of the scientist, as well as the opinion of Ts.-D. Nominkhanov on the unity of the culture of Xinjiang Torguts and Kalmyks. The songs were recorded in the first month

месяц работы ученого в Ташкенте, где он работал в Среднеазиатском университете три года, что можно объяснить не только занятостью преподавателя, но и особенностями социальной среды студентов из Китая. Записи песен торгутов Синьцзяна не содержат религиозных и исторических песен, нет песен, посвященных знатым лицам. Большая часть песен — лирические. Но в записях все же прослеживаются особенности ситуации в Синьцзяне в начале 1930-х гг.

Ключевые слова: Церен-Дорджи Номинханов, фольклорные материалы, калмыки, ойраты, Научный архив Калмыцкого научного центра РАН

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Архив востоковеда Ц.-Д. Номинханова: каталогизация, исследование (к 125-летию со дня рождения)» (№ 24-28-01746, <https://rscf.ru/project/24-28-01746/>).

Для цитирования: Бакаева Э. П. Народные песни синьцзянских торгутов в записи Ц.-Д. Номинханова (1935 г.): специфика источника // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 1. С. 95–117. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-95-117

of the scientist's work in Tashkent, where he worked at the Central Asian University for three years, which can be explained not only by the teacher's employment, but also by the peculiarities of the social environment among students from China. Recordings of songs of Xinjiang Torguts do not contain religious and historical songs, there are no songs dedicated to noble persons. Most of the songs are lyrical. But the records still show the peculiarity of the situation in Xinjiang in the early 1930s.

Keywords: Tseren-Dordzhi Nominkhanov, folklore materials, Kalmyks, Oirats, Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 24-28-01746 “Archive of Orientalist Ts.-D. Nominkhanov: Cataloguing, Research (for the 125th Anniversary of the Scientist)”. Available at: <https://rscf.ru/en/project/24-28-01746/>

For citation: Bakaeva E. P. Folk Songs of the Torguts of Xinjiang Recorded by Ts.-D. Nominkhanov (1935): Specifics of the Source. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025; 17(1): 95–117. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-95-117

1. Введение

В архиве Калмыцкого научного центра РАН хранится рукопись «Калмыцкие народные песни» [НА КалмНЦ РАН.Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. 82 л.], включающая тексты 150 песен, которые записал Церен-Дорджи Номинханов с 1927 г. до 1962 г. у представителей разных этнических групп калмыков и торгутов Синьцзяна. Наиболее ранние записи 1927 г., сделанные ученым у уроженцев станиц Граббеvской и большедербетовских калмыков, анализируются в отдельных статьях [Бакаева 2025а; Бакаева 2025б], в которых показано, что эти песни составляют уникальный фонд и иллюстрируют приведенные в эпиграфе рукописи слова о том, что песня — это история народа. В целом среди записей 1927 г. представлены песни разных жанров, доминирующим принципом стихосложения в текстах является параллелизм, в начальной части большинства песен говорится о коне — спутнике кочевника. Большую и важную часть занимают исторические песни, в которых значима тема военных доблестей и защиты Родины, говорится о событиях и героях Отечественной войны 1812 г. и Первой мировой войны. Точная фиксация текстов позволила сохранить в песнях имена представителей высших слоев общества: нойонов С. Тюменя, Д. Тундутова, донского атамана М. И. Платова, У. Гахаева, Джалцан-нойона, зайсанга Д.-Д. Кутузова, нойона Данзана (Тундутова), память о скоропостижной кончине М. М. Гахаева. Для калмыцких песен 20-х гг. XX в. характерны традиционные мотивы и образы,

одновременно прослеживается формирование советского фольклора: уникальна имеющая биографический характер песня об А. М. Амур-Санане. Песни бытового характера в записях 1927 г. немногочисленны, что также отражает состояние общества в переломную эпоху, когда социальные потрясения неизбежно влияли и на фольклорную традицию, при этом для собирателя являлось важным зафиксировать старинные песни, а для информантов — отразить собственное отношение к событиям, отраженным в песнях.

Цель данной статьи — дать характеристику фольклорных материалов, записанных Ц.-Д. Номинхановым в 1935 г. в г. Ташкенте Узбекской ССР у торговцев, проживавших «в Хара-Шаре и Эрян-Хабирга в Синьцзянской провинции Китайской Народной республики» [НА КалмНЦ РАН.Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 71], и определить особенности источника, специфику этого цикла в аспекте исторических условий. В отдельной статье планируется проанализировать песни, записанные Ц.-Д. Номинхановым в 1962 г. у уроженца станицы Денисовской Санжи Ивановича Манжикова [НА КалмНЦ РАН.Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 22–50].

2. Песни синьцзянских торговцев, записанные в 1935 г. в Ташкенте

2.1. Причины, по которым песни торговцев Синьцзяна были включены Ц.-Д. Номинхановым в сборник калмыцких песен

Ц.-Д. Номинханов специально не дает обоснования включения песен синьцзянских торговцев в рукописный сборник, названный им «Калмыцкие народные песни». Исходя из того факта, что ученый собирал фольклор у разных этнических групп и тщательно фиксировал источники, можно сделать вывод о том, что Ц.-Д. Номинханов, обобщая в 1962 г. записи разных лет и переписывая их в единую рукопись, неизбежно столкнулся с тем фактом, что в 1927 г., когда он собирал «ранние» (для его научной деятельности, начавшейся с 1924 г.) записи народных песен, он не побывал в районах расселения калмыков-торговцев. Среди калмыков ученым были охвачены группы калмыков-дербетов, расселявшихся в Большедербетовском улусе (до 1920 г. входившем в Ставропольскую губернию и потому в рукописи названных им «ставропольскими»), в также донские калмыки, в состав которых вошли этнические группы калмыков-дербетов и калмыков-торговцев, перекочевавших на территорию Области Войска Донского. Среди калмыков-торговцев им специально не проводились полевые исследования.

В 1927 г. Ц.-Д. Номинханов являлся студентом Ленинградского восточного института и находился в Калмыкии на каникулах. После этого периода, за все время с 1927 г. по 1960 г., он проработал в Калмыкии целый год только в 1930–1931 учебном году, позже обучался в Москве в аспирантуре; работал в Ташкенте в Среднеазиатском государственном университете, затем в Узбекском филиале Академии наук; начал работать ученым секретарем Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории¹ (далее — КНИИЯЛИ) в 1943 г., но 28 декабря того же года вместе со всем калмыцким народом был депортирован в Сибирь; в 1950-х гг., переехав из Красноярского края в Казахскую ССР, работал там в университете и Академии наук и только в 1961 г. прибыл на работу в Элисту [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 22. Л. 3;

¹ Калмыцкий НИИЯЛИ (ныне — Калмыцкий научный центр РАН) открыт в соответствии с постановлением СНК Калмыцкой АССР от 31 мая 1941 г. После восстановления автономии Калмыкии в 1957 г. институт был открыт вновь, но историю отсчитывает от 1941 г.

Бакаева, Номинханов 2024]. В период его работы в 1930–1931 гг. в Калмыцком педагогическом техникуме это учреждение находилось в г. Астрахани. Ц.-Д. Номинханов занимался научной и преподавательской, методической работой [Бакаева, Номинханов 2025], что не способствовало сбору калмыцкого фольклора. В 1943 г. Ц.-Д. Номинханов проработал в КНИИЯЛИ всего около полугода. Как сообщал ученый позже в официальном письме на имя министра образования СССР, в 1943 г. он был мобилизован ЦК Компартии Узбекистана в помощь освобожденным от оккупационных войск территориям и направлен из филиала Академии наук Узбекской ССР в распоряжение Калмыцкого обкома, где его назначили ученым секретарем научно-исследовательского института [ЛА. Оп. 1. Д. 50. Документ 11]. Точные даты узнаем из командировочного удостоверения, сохранившегося в его личном архиве, где имеется отметка, что удостоверение было выдано 12 мая 1943 г. (фото 1а), на обороте приписка: «выдана командировочная карточка 17 мая 1943 г.» (фото 1б). Среди отметок об убытии и прибытии: убыл «с 25 апреля по 20 мая», прибыл в г. Астрахань 03 июня 1943 г. [ЛА. Оп. 1. Д. 56. Документ 6]. В тот же день Ц.-Д. Номинханову было выдано удостоверение о том, что он является ученым секретарем КНИИЯЛИ [ЛА. Оп. 1. Д. 56. Документ 7] (фото 2). В этой должности ученый проработал всего полгода, находясь в г. Астрахани, а 28 декабря 1943 г. он был депортирован вместе со всем калмыцким народом.

Таким образом, научная деятельность востоковеда в 1930–1950-е гг. в основном была связана с другими регионами, и практической возможности дополнить «ранние» записи в период до 1960 г., когда он вновь начал работать в восстановленном КНИИЯЛИ, не имелось.

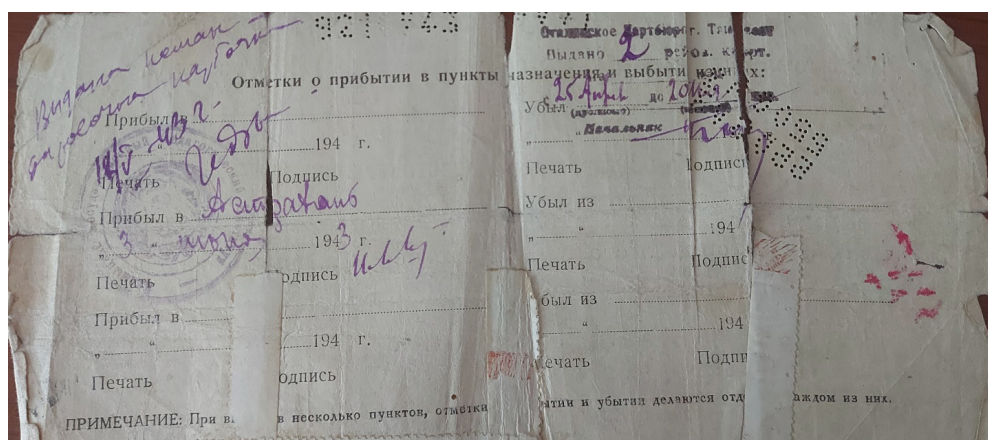
В 1962 г. с 31 мая по 18 июня [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 22а] Ц.-Д. Номинхановым были зафиксированы 67 песен у донского калмыка С. И. Манжикова, но запись проводилась в г. Элисте. Вполне вероятно, что эта работа проводилась ученым целенаправленно, когда он дополнял материалы «ранних» записей калмыцкого фольклора, сделанных им в 1927 г. Но времени у него было крайне мало, он проводил большую исследовательскую и организационную работу в КНИИЯЛИ, где работал¹ заведующим сектором языка, заместителем директора института по научной работе [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 22. Л. 3], вел переписку с коллегами, обсуждая задачи и структуру, перспективы развития института [ЛА. Оп. 1. Д. 26, 27, 29], организацию полевых исследований, запрашивая образцы документации: на май 1962 г. планировалось проведение первой после открытия в 1957 г. КНИИЯЛИ комплексной полевой экспедиции по сбору фольклорных, этнографических, диалектологических материалов². Кроме того, в республике в 1962 г. проводилась подготовка к выборам

¹ Ц.-Д. Номинханов начал работать в КНИИЯЛИ уже во второй половине 1960 г., но сначала в удаленном режиме, еще оставаясь в г. Алма-Ате в связи с тяжелой болезнью супруги Т. И. Номинхановой (Лазаревой). Так, в личном архиве ученого сохранилась выписка из приказа КНИИЯЛИ от 01.12.1960 о разрешении Ц.-Д. Номинханову работать в Алма-Ате по плановой теме сроком на 2 месяца в связи с болезнью жены [ЛА. Оп. 1. Д. 50. Документ № 22]. Вскоре он переехал в г. Элисту, где сначала являлся заведующим отделом, затем — заместителем директора по науке [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 22. Л. 3].

² Так, в личном архиве Ц.-Д. Номинханова сохранился черновик письма (апрель 1962 г.) ученому секретарю Института языкознания АН Казахской ССР Н. Б. Карашевой,

а)

б)

Фото 1. Командировочное удостоверение Ц.-Д. Номинханова, направленного в распоряжение Калмыцкого обкома, выданное Центральным Комитетом КП(б) Узбекистана в 1943 г. [ЛА. Оп. 1. Д. 56. Документ 6]
[Photo 1. Travel certificate of Ts.-D. Nominkhanov, sent to the disposal of the Kalmuk Regional Committee, issued by the Central Committee of the Communist Party of Uzbekistan in 1943]

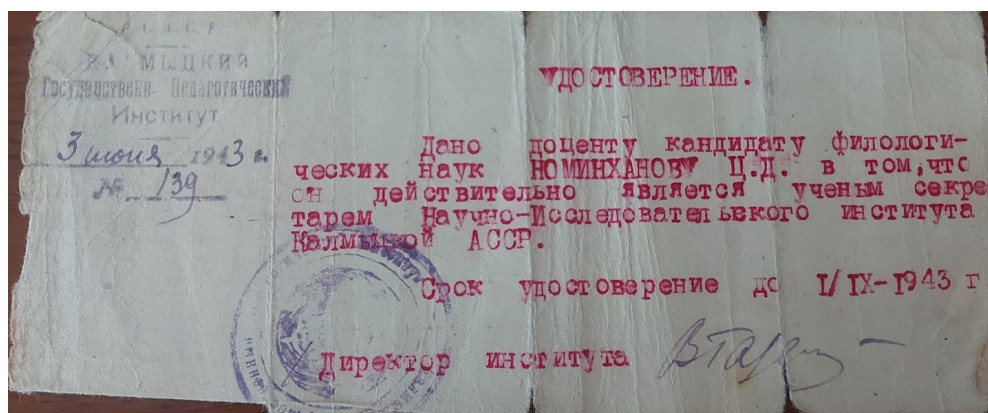

Фото 2. Удостоверение, выданное КНИИЯЛИ Ц.-Д. Номинханову в 1943 г. [ЛА. Оп. 1. Д. 56. Документ 7]
[Photo 2. Certificate issued by the Kalmuk Research Institute of Language, Literature and History to Ts.-D. Nominkhanov in 1943]

в Верховный Совет Калмыцкой АССР, и Ц.-Д. Номинханов являлся кандидатом в депутаты: об этом свидетельствует такой документ из его личного архива, как речь перед избирателями, выдвинувшими его кандидатуру в депутаты Верховного Совета, в которой ученый среди других задач ставит следующую: «*Моя задача, как заместителя директора по научной части, всемерно способствовать выполнению научных исследований учеными института на высоком теоретическом уровне*» [ЛА. Оп. 1. Д. 32. Л. 4]. В 1962 г. ученый также подготовил текст докторской диссертации (вероятно, что имелся один рукописный экземпляр, так как в тексте было много знаков, отсутствующих в печатных машинках; об этом свидетельствует история с поисками текста диссертации), который был передан им на отзыв в 1963 г. проф. Джалилю Гиниятовичу Киекбаеву во время конференции в Ташкенте и затем в течение длительного времени разыскивался автором, писавшим письма и телеграммы (Д. Г. Киекбаеву пришлось срочно уехать, и текст он передал через коллег; в результате состоялась волнительная переписка, текст диссертации искали в Институте языкознания в г. Ташкенте¹) [ЛА. Оп. 1. Д. 50. Документы № 26–29]. Вышеизложенное свидетельствует о том, что задача провести дополнительный сбор материалов именно в 1962 г.

в котором он обращается с просьбой о содействии в организации экспедиции КНИИЯЛИ, которую ему поручили провести. Как начальник экспедиции, которая планируется в мае-июне для сбора диалектологического, фольклорного и этнографического материала, Ц.-Д. Номинханов просит Н. Б. Карашеву прислать образцы бланков вопросников и обращается с просьбой сходить в институт истории (АН Казахской ССР), чтобы взять там вопросник по этнографии. В письме Ц.-Д. Номинханов отмечает, что это важная проблема, так как экспедиция проводится впервые, поднимает вопрос о существовании расценок за оплату в экспедиции и т. п. [ЛА. Оп. 1. Д. 50. Документ 51].

¹ Личный архив. Оп. 1. Д. 50.

Документ № 26. Письмо проф. Дж. Г. Киекбаева (г. Уфа) Ц.-Д. Номинханову от 24.06.1963 (в дате исправления, не ясно, может и ноябрь, и февраль также). 1 л. Обращается «*Многоуважаемый Сурен Доржиевич*». Пишет о том, что в Ташкенте пролистал диссертацию, но из гостиницы срочно выселили из-за съезда женщин, и ему пришлось срочно уехать. Для составления отзыва нужно оглавление. Просит прислать оглавление диссертации. Делает замечания по фонетической части. На письме карандашом Ц.-Д. Номинханов написал: «*Отправил ответ 28.11.63*».

Документ № 27. Письмо проф. Дж. Г. Киекбаева Ц.-Д. Номинханову от 09.12.1963. Сообщает, что у него диссертации Ц.-Д. Номинханова нет, он передал ее в машине, уезжая, Якубу Гулямову для передачи Ф. Х. Абдуллаеву. Предполагает, что диссертация находится у Я. Гулямова, предупреждает, что в Уфу нет смысла приезжать за диссертацией, так как она в Ташкенте, дает адрес Я. Гулямова. Сообщает, что по этому адресу он выслал телеграмму и письмо Ц.-Д. Номинханова.

Документ № 28. Письмо Ф. Х. Абдуллаева Ц.-Д. Номинханову от 16.10.1963. Сообщает, что диссертации в Ташкенте в институте ни у кого нет, а Дж. Г. Киекбаев просит прислать оглавление для отзыва. Но обещает, что приложит все усилия, чтобы найти диссертацию. Это ответ одновременно на телеграмму и письмо Ц.-Д. Номинханова — запросы о диссертации. Просит незамедлительно сообщить, если станет известна судьба диссертации.

Документ № 29. Письмо, отпечатанное на бланке для срочной телеграммы от Фаттаха, 1964 г. Сообщает, что диссертация не обнаружена, Джалил оставил Муждабаеву, тот принес в институт и сдал Б. Д. Джураеву (заместителю директора), а он не знает, кому отдал. Поиски продолжаются, Фаттах обращает внимание, что нельзя так беспечно доверять людям.

для Ц.-Д. Номинханова была неосуществима, хотя именно в том году под его непосредственным руководством готовилась экспедиция по сбору и фольклорных материалов.

Таким образом, в 1962 г., когда Ц.-Д. Номинханов составлял рукопись «Калмыцкие народные песни», ученый не имел возможности дополнить имеющиеся материалы, специально отправившись в районы проживания калмыков-торгутов, по причине загруженности научной, организационной и общественной работой. Но у него хранились записи, сделанные у торгутов Синьцзяна в 1935 г. в Ташкенте, где ученый преподавал в Среднеазиатском государственном университете (САГУ).

Ц.-Д. Номинханов, обучавшийся в аспирантуре Института языкознания, затем московского Института востоковедения с 1931 г. по начало 1935 г., с февраля 1935 г. по апрель 1938 г. являлся преподавателем монгольского языка в Среднеазиатском государственном университете (САГУ) [[НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 22. Л. 3](#)], обучал синьцзянских студентов, преподавал среди других предметов и ойратскую (старокалмыцкую) письменность «ясное письмо» («тодо бичиг»). Для студентов САГУ им были подготовлены «Учебная грамматика монгольского языка (фонетика и морфология)» [[НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 10](#)], «Учебник русского языка для студентов-монголов Административно-правового факультета САГУ» [[НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11](#)], «Хрестоматия по русскому языку» [[НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 12](#)]. Он изучал общее наследие калмыков и торгутов Синьцзяна, которые являлись потомками откочевавших в 1771 г. «на Алтай» калмыков.

Объединяя в одну рукопись, в название которой включил определение «калмыцкие», фольклорные материалы не только донских и ставропольских калмыков, но и торгутов Синьцзяна, исследователь исходил из факта единого происхождения этнических групп.

Решение было концептуальным. Ц.-Д. Номинханов считал торгутов Синьцзяна частью калмыцкого народа, что связано с историческим фактом: в 1771 г. часть калмыков (торгутские этнические группы) откочевали в Центральную Азию, где их стали называть «старыми» и «новыми» торгутами, тогда как оставшиеся в Северном Прикаспии постепенно приняли новое самоназвание «калмыки», и этот процесс активно происходил именно в XVIII в. [[Бакунин 1995: 22¹](#); [Бакаева 2010](#)].

В 1960-е гг. Ц.-Д. Номинханов поднимал вопрос о необходимости экспедиций в Синьцзян-Уйгурский Автономный район КНР для сбора материалов среди ойратов, культура которых, как считал ученый, имеет единые корни с калмыцкой. В этом он убедился, контактируя с синьцзянскими торгутами в Ташкенте в 1930-е гг., затем в период его работы в Академии наук Казахской ССР (приходилось контактировать с коллегами из Китая и представителями ойратов), а также во время научной командировки в КНР в 1958 г. Ц.-Д. Номинханов сразу после восстановления автономии Калмыкии стал заниматься планами

¹ Как отмечал В. М. Бакунин в работе 1761 г., в то время хошуты и зенгорцы не называли себя калмыками, по-прежнему именуя себя ойратами, а торгуты называли всех калмыками, но указывали, что это название «не свойственно их языку» [[Бакунин 1995: 22](#)]. Судьба распорядилась так, что ушедшие торгуты остались приверженными старому этнониму, а оставшееся население, в том числе и группы, почти не применявшие термин «калмык», постепенно приняли новое самоназвание — «калмыки».

научных исследований, а начав работать в КНИИЯЛИ, высказывал мнение о настоятельной необходимости комплексного изучения культуры калмыков и ойратов с организацией экспедиций. Так, в личном (домашнем) архиве ученого сохранились копии писем [ЛА. 1. Оп. 1. Д. 28], которые были подготовлены для направления Президенту АН СССР А. Н. Несмеянову (являлся президентом АН в 1951–1961 гг.) Советом министров Калмыцкой АССР и обкомом КПСС по вопросу о включении в план экспедиций 1961 г. комплексной экспедиции к синьзянским монголам КНР в составе 1 этнографа, 1 фольклориста, 1 историка из Калмыцкой АССР и 1 научного руководителя — научного сотрудника АН СССР. Перед экспедицией предлагалось проставить следующие задачи: изучение в этнографическом и языковом отношении синьзянских монголов; сличение некоторых исторических документов; поиски вариантов «Джангара» и других эпических произведений калмыков и ойратов; сбор экспонатов для республиканского краеведческого музея в связи с крайним дефицитом экспонатов, представляющих материальную культуру калмыков: *«все, что было калмыцкое, национальное, собранное в Калмыцком музее, во время Отечественной войны было разграблено, уничтожено фашистскими оккупантами»* [ЛА. 1. Оп. 1. Д. 28. Л. 1]. Во втором варианте проекта письма, подписанном в сентябре 1960 г. Ц.-Д. Номинхановым, указывалось большее число специалистов для экспедиции: 2 этнографа, 2 лингвиста, 1 фольклорист, 1 историк и 1 научный руководитель из Академии наук СССР. Поскольку на других экземплярах нет подписи Ц.-Д. Номинханова и даты, а также уменьшено число участников экспедиции, можно предположить, что первоначально автором предлагался более широкий круг участников экспедиции, затем их число было уменьшено и подготовлен вариант для обкома и Совета министров Калмыцкой АССР, который далее рассматривался как проект письма в Академию наук. Таким образом, Ц.-Д. Номинханов считал культуру калмыков и синьзянских торгутов единой, а не просто родственной, об этом свидетельствует не только включение 10 песен в калмыцкий сборник, но даже и предложение комплектовать краеведческий музей экспонатами — предметами материальной культуры, собранными среди синьзянских торгутов.

2.2. Место записи и информант

В рукописном сборнике Ц.-Д. Номинханова песни торгутов представлены всего 10 текстами, записанными им в г. Ташкенте у Дусяна, имя которого указано под каждой из песен с отметкой «*торһд*» или «*торһод йастан*». Запись проводилась 24 марта (песни № 4, 6–10), 30 марта (№ 1, 2, 5), 9 апреля (№ 3) 1935 г. В рукописи нет других сведений о Дусяне. Но в личном (домашнем) архиве ученого имеются две фотографии Дусяна, сделанные в Ташкенте в 1936 г. Первая фотография наклеена на последний лист альбома, в котором Ц.-Д. Номинханов поместил фотографии, сделанные во время посещения им и академиком АН Казахской ССР С. К. Кенесбаевым Китайской Народной Республики в 1958 г. Все снимки в альбоме относятся к 1958 г., а под последним рукой Ц.-Д. Номинханова написано: «*Студент Адм.-прав. факультета Средне Азиат. госуд. университета Дусян, монгол из Синьцзяня КНР. 30.03.1936. г. Ташкент*» (см. фото 3). Дусян запечатлен читающим книгу за письменным столом в кабинете, перед ним расположены стопка книг, глобус и графин с водой. На студенте белая рубашка и наброшенный на плечи темный пиджак. Образ Дусяна на этом

снимке соответствует образу прилежного студента, все время отдающего учебе [ЛА. Оп. 2. Д. 2. Л. 23].

В отличие от фото, на котором изображен Дусян, вторая фотография, датированная 1936 г. (фото 4), просто была вложена в альбом с памятными снимками 1958 г. На ней, судя по карандашной надписи на обороте (почерк Ц.-Д. Номинханова; см. фото 5), запечатлены два студента этого же Административно-правового факультета САГУ: «Дусян – Церен Студенты САГУ Ташкент Пушкинская 17-15. 30 марта 36 г.». Примечательно, что с краю, неровно в три строчки, сделана надпись ручкой с синими чернилами: «На память Номинханову Славы». Неуверенность этого почерка, ошибка в правописании позволяют предположить, что надпись ручкой была сделана одним из студентов, Дусяном или Цереном, изучавшим русский язык и кириллическую русскую письменность. Фотография была предназначена младшему сыну Ц.-Д. Номинханова Дениславу, 1926 г. р., который в учился в школе (в личном архиве отца сохранились датированные 1936 г. его контрольные работы [ЛА. Оп. 1. Д. 70], младшему сыну, видимо, уделялось особое внимание, что объясняет появление «дарственной» надписи на фото).

Надпись «Пушкинская 17–15», видимо, относится к адресу университета. В 1935 г. главный корпус располагался в старинном здании в центре Ташкента, построенном в 1875 г. по проекту архитектора Янчевского [Ташкентский государственный]. Улица Пушкинская (до 1899 г. — Лагерный проспект, с 2008 г. — проспект Мустакиллик (Независимости)) — улица в центре Ташкента. Ныне на пр. Мустакиллик располагается ряд вузов, в том числе здание Ташкентского государственного юридического университета, основанного в 1991 г. на базе юридического факультета Ташкентского государственного университета, который с 1923 г. до 1960 г. назывался Среднеазиатским государственным университетом. В 1935 г. главное здание САГУ явно выделялось среди застройки центра города (см. фото 6).

Таким образом, можно заключить, что фото студентов Административно-правового факультета САГУ было сделано в университете, в его главном здании, где тогда и располагался факультет. На фотографии оба синьцзянских студента одеты официально и скромно, в белые рубашки с накинутыми на плечи темными пиджаками; Церен сидит за столом с раскрытой книгой, а Дусян стоит с инструментом типа 4-струнной мандолины, как бы собираясь сыграть мелодию. В отличие от своего товарища Дусян на обеих фотографиях не смотрит в кадр, опустив глаза. Указанные снимки из коллекции Ц.-Д. Номинханова позволяют воссоздать образ Дусяна, от которого были записаны все 10 торгутских песен в 1935 г.

Обращает на себя внимание тот факт, что, работая в САГУ в течение нескольких лет с торгутами Синьцзяна, Ц.-Д. Номинханов записал у них песни только в течение трех дней в 1935 г., примерно на втором месяце своей работы в этом университете. Почему ученый, имевший в своем архиве замечательные записи калмыцких песен, сделанные им в 1927 г., не оставил другие записи песен синьцзянских торгутов, и почему среди информантов числится только один, хотя в САГУ, судя по подготовленным Ц.-Д. Номинхановым учебным пособиям, была группа студентов — вопросы, на которые возможно ответить, лишь привлекая данные об особенностях ситуации в Синьцзяне в 1930-е гг. и об обстановке в студенческой среде прибывших из Китая.

Фото 3. Дусян — студент Административно-правового факультета
Среднеазиатского государственного университета. 1936 г. г. Ташкент

[ЛА. Оп. 2. Д. 2. Л. 23]

[Photo 3. Dusyan, a student at the Faculty of Administrative Law at the Central Asian
State University. 1936, Tashkent]

Фото 4. Дусян и Церен — студенты Административно-правового факультета
Среднеазиатского государственного университета. 30 марта 1936 г. г. Ташкент

[ЛА. Оп. 2. Д. 2. Л. 23a]

[Photo 4. Dusyan and Tseren, a students of the Faculty of Administration and Law at the
Central Asian State University. March 30, 1936, Tashkent]

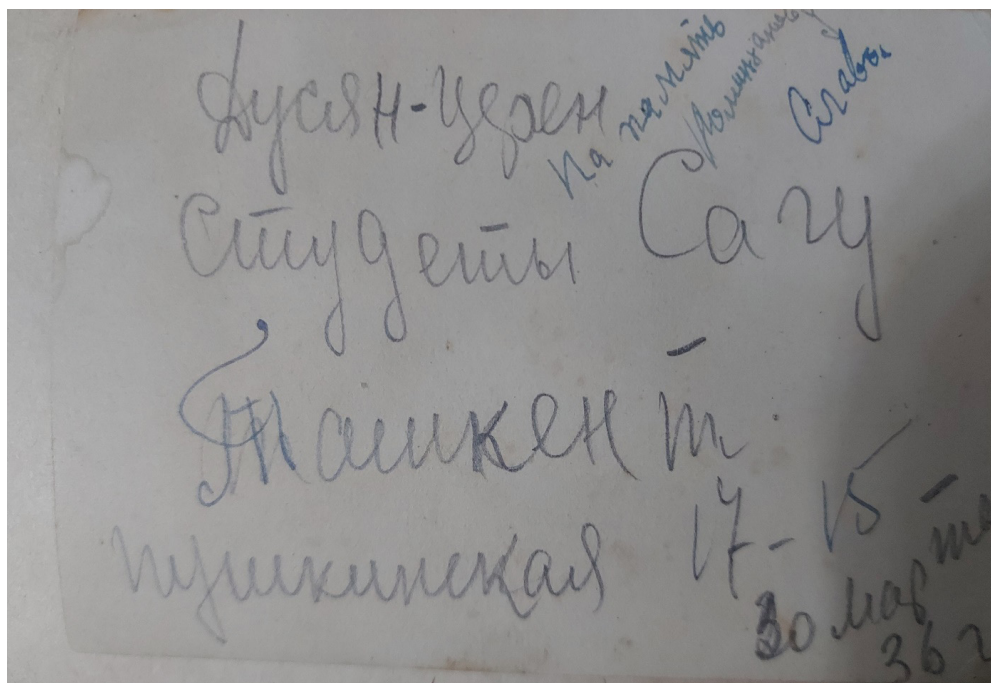

Фото 5. Надписи на обороте фотографии, на которой изображены студенты Дусян и Церен [ЛА. Оп. 2. Д. 2. Л. 23а]

[Photo 5. Inscriptions on the back of a photograph depicting students Dusyan and Tseren]

Фото 6. Главное здание САГУ. 1935 г. Автор фото неизвестен.

Фото с сайта <https://russiainphoto.ru/photos/25977/>, проект «МАММ/МДФ» (Мультимедиа арт музей, Москва / Московский дом фотографии)

[Photo 6. The main building of SAGU. 1935. The author of the photo is unknown]

Прежде всего следует отметить, что Дусян и Церен явно выделялись в группе, об этом свидетельствует дарственная подпись на фотографии этих студентов, предназначенной 10-летнему сыну Ц.-Д. Номинханова, с которым, видимо, они общались. В условиях Ташкента, где коренное население являлось тюркоязычным, общение на родном языке (а язык синьцзянских торгутов и калмыцкий язык практически едины) было настоятельной потребностью, и они могли общаться с детьми преподавателя, одновременно изучая русский язык, необходимый для учебы. То, что Дусян на одном из снимков стоит с музыкальным инструментом, свидетельствует о его музыкальных способностях и умении аккомпанировать себе, что имело значение для исполнения песен.

2.3 Ситуация в Синьцзяне в начале 1930-х гг. и направление студентов на учебу в Советский Союз

В Синьцзяне, откуда были направлены в Ташкент на учебу ойратские (торгутские) представители, начало 1930-х гг. было особым временем. В этот период здесь вспыхнуло восстание, а СССР, влияние которого в Синьцзяне в 1930-е гг. было значительным, оказывал помощь местным властям: *«События начала 30-х годов XX в. показали, что СССР обладал в Синьцзяне более прочными позициями по сравнению с другими государствами, а советские лидеры лучше знали тамошнюю обстановку, чем их зарубежные оппоненты, имели поддержку среди различных социальных слоев и национально-этнических групп, населяющих провинцию, проводили достаточно продуманную, последовательную и гибкую политику, ловко достигая желаемого результата. Имея реальные возможности для отделения Синьцзяна от Китая с последующим присоединением этой территории к своим владениям, Советский Союз выступал за восстановление и сохранение власти Китая над Синьцзяном и способствовал модернизации этого региона, что отвечало интересам как Китайского государства, так и многонационального населения Синьцзяна»* [Клинов 2018: 135]. В. А. Бармин приводит данные документов, свидетельствующие о значительном влиянии СССР на политику в Синьцзяне в это время и сложном выборе, который стоял перед советским руководством во время вспыхнувшего в Синьцзяне повстанческого движения коренного населения, исповедовавшего ислам, которое было подавлено [Бармин 2016: 22–32]. Исследователи отмечают, что сложный характер процессов, происходивших в Синьцзяне в 1930-е гг., надолго исключил из научных исследований этот период истории Синьцзяна.

Известно, что китайские студенты обучались в СССР в 1920-х и 1930-х гг. в ряде высших учебных заведений, которые, как и другие вузы, где обучались посланцы других стран, были связаны с Коминтерном [Е Фань 2020: 24–92; Панин 2012: 4]: *«В 1920–1930-е гг. в Советском Союзе существовала целая сеть интернациональных школ, где проходили обучение китайские революционеры. Наиболее крупными учебными центрами являлись три вуза, находившиеся в Москве: Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) был открыт для китайцев в 1921–1928 гг. и в 1933–1936 гг., после чего был преобразован в Научно-исследовательский институт национально-колониальных проблем, существовавший до 1939 г., Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена — УТК, функционировавший в 1925–1930 гг. (в 1928 г. реорганизован в Коммунистический университет трудящихся Китая — КУТК), а также*

Международная ленинская школа (МЛШ, 1926–1938 гг.)» [Спичак 2010: 3]. Как показывают исследования, при отборе студентов учитывались многие принципы, в том числе и такие моменты как «политический фактор, образовательный ценз, предпочтение пола, опыт партийной работы, состояние здоровья студентов, и т. д.» [Чжан Юйсинь 2017: 71]. В работе Е Фань показана большая роль получивших образование в СССР для распространения идей марксизма-ленинизма в Китае [Е Фань 2020: 147–152] и политическая борьба студентов из Китая (представителей разных политических фракций, Гоминьдана и КПК), закончившаяся расколом, уходом из Университета трудящихся Китая гоминьдановских студентов и преобразованием его в Коммунистический университет трудящихся Китая, а также внутривластная борьба между студентами-коммунистами [Е Фань 2020 64–88].

В середине 1930-х гг. в Синьцзяне к власти пришел Шэн Шицай, который рассчитывал на поддержку СССР и, пытаясь найти подходы к советскому правительству, вел речь о вступлении в коммунистическую партию и служении делу коммунизма; поэтому им на работу в Синьцзян были приглашены коммунисты, которые заняли ключевые посты. Так, начиная с 1935 г. в Синьцзяне активно работал на ответственных постах Юй Сюсун (известен под рядом партийных псевдонимов, таких как Шоу Сун, Нариманов, Ван Шоучэн; в Синьцзяне он женился на младшей сестре Шэн Шицай) [Сотникова 2019: 94, 96, 103], который был направлен туда Центральным комитетом КПК по просьбе дубаня¹ Синьцзяна Шэн Шицай в числе 25 коммунистов, получивших образование в СССР. Судьба Юй Сюсуна показывает², какую школу он прошел: соответственно все студенты, направлявшиеся в период его работы в Синьцзяне, должны были соответствовать строжайшим правилам, которые влияли на судьбу студентов из Китая.

¹ Дубань — высшее должностное лицо, выполняющее военно-административные функции, губернатор.

² Так, Юй Сюсун учился в КУТВ и УТК (являлся в период его учебы одним из руководителей студентов УТК), позже в Международной ленинской школе (МЛШ), уже в 1922 г. вступил в ряды РКБ(б) и являлся одним из организаторов Коммунистической партии Китая. Как пишет И. Н. Сотникова со ссылкой на слова супруги Юй Сюсуна, он входил в восьмерку боссов (чэньдусюистов), состоявшую из членов распущенной в 1926 г. «московской ячейки КПК»: «это была оппозиционная организация в СССР... они провоцировали коммунистов и комсомольцев на взаимные нападки, взаимную подозрительность» [Сотникова 2019: 97]. На судьбе китайских студентов, учившихся в СССР вместе с Юй Сюсуном, отразились как разрыв отношений между Гоминьданом и китайскими коммунистами после некоторого сближения, так и внутривластная борьба в СССР (многие студенты университета УТК подверглись преследованиям за симпатии Л. Д. Троцкому), а также огульные обвинения в существовании некоего Цзянсу-Чжэ-сянского землячества. Юй Сюсун (Нариманов), прошедший «чистки», подвергшийся разным обвинениям, в июне 1932 г. был выдворен из Москвы на Дальний Восток, но продолжал в апелляциях в разные партийные комиссии писать о том, что все обвинения с него были сняты, просил прекратить преследования. В Синьцзяне ему недолго удалось спокойно поработать. Начались массовые политические репрессии в СССР, которые затронули и китайцев, обучавшихся в стране. В 1937 г. в Синьцзяне побывали бывшие оппоненты Юй Сюсуна по УТК и МЛШ, которые сообщили дубаню, что Юй Сюсун, проживавший под новым именем — лидер троцкизма. В результате опознания его арестовали и отправили в Москву, на суде признали причастным к правотроцкистскому контрреволюционному блоку и расстреляли [Сотникова 2019: 97–103].

И. Н. Сотникова приводит основанную на свидетельствах китайских студентов характеристику обстановки, которая царила в Университете трудящихся Китая: «УТК представлял собою китайское политическое общество в миниатюре. ... Вследствие довольно разношерстного состава УТК между студентами непрерывно шла борьба по политическим вопросам, наблюдалось противоборство амбиций за влияние на студенческие массы ... постоянно происходило объединение студентов в разные группы и их последующее разъединение. Распределение по учебным классам зависело и от длительности пребывания в КПК» [Сотникова 2019: 96]. Выпускники КУТВ и УТК в дальнейшем направляли на учебу в Советский Союз других китайских студентов, предъявляя к ним комплекс требований, на которых не мог не сказаться их собственный опыт.

Ойраты-студенты Среднеазиатского государственного университета, обучавшиеся в Советском Союзе по направлению китайских властей Синьцзяна, должны были пройти отбор для обучения учебы в другой стране. Синьцзянских торгутов на учебу в Среднеазиатский университет набирали такие, как Юй Сюсун, судьба которого, если о ней знали студенты, не могла не настораживать. Сложные события в Синьцзяне в начале 1930-х гг. также не могли не сказываться на обстановке среди студентов. Возможно, поэтому записи Ц.-Д. Номинхановым песен синьцзянских торгутов были ограничены краткими записями песен у Дусяна, хотя ученый продолжал обучать синьцзянских студентов до 1938 г.

2.4. Песни, записанные Ц.-Д. Номинхановым от Дусяна

В свете вышеприведенных сведений об обстановке среди китайских студентов, обучавшихся в СССР, примечательным является следующий факт. Хотя первые записи от Дусяна были сделаны Ц.-Д. Номинхановым 24 марта 1935 г., эти шесть песен были помещены в рукописи под № 4, 6–10. Две же из трех песен, записанных 30 марта, получили номера 1 и 2, и одна песня была записана в третий день записи, 9 апреля 1935 г.

Выбор нумерации для песен, вероятно, определен ученым, исходя из основной идеи сборника, отраженной в словах А. М. Горького, помещенных в эпиграфе: «Русская песня — русская история».

Песня № 1, как отмечает ученый в примечании, составлена в 1932 г. в Синьцзяне [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 74]. Последние ее строки свидетельствуют о новых веяниях в Синьцзяне, обусловленных сложной ситуацией в регионе: *Ботхон бөрвөтэ борыыг боһчаагин хаалһаар мегүүлдэг. Больши угаадаан курвел боһшивигэн орыйа!*¹ ‘Сизого коня с привязанными сосудами из кожи верблюжонка заставляли бежать с путами на ногах. Достигнув предела, когда невозможно ничего сделать, доберемся до своих большевиков’.

На первый взгляд, песня традиционна, она включает 17 куплетов, в большей части которых в первых двух строках упоминается конь (также есть упоминание маралов, бычков, телят) — в соответствии с приемом параллелизма, характерного для общемонгольской песенной поэзии. Упоминаются разные масти коней и их особенности: *мөңгөн тахта халун* ‘буланый с серебряными подковами’, *хурдун халтар* ‘быстрый гнедой с желтыми подпалинами’, *шиңген делтэ халтар* ‘гнедой с желтыми подпалинами с редкой гривой’, *ут делтэ кер* ‘гнедой с длинной гривой’, *гедгер халтар мөрн* ‘мухортый с выпяченной грудью’, *живиртэ хар*

¹ В цитатах из сборника сохранена орфография автора.

морн ‘вороной с крыльями’, тэвн толвота бор ‘сизый с пятьюдесятью крапинками’, эрдень туруута бор ‘сизый с драгоценными копытами’. Песня посвящена молодой женщине Каагын Джаве, характеризующейся как наивная (генен), молодая (нас бахта, уйхан (бах) бичкин), с прищуренными глазами (бүргер нүдэтэ), с глазами со складками века (хошта (зеегтэ) нүдэтэ), о которой поется во второй половине куплетов: сначала ее заставляет бежать богатый мужчина (мөнгөтэ залуу орһулла), затем некий Джигмидин Бааста; переводит ей в новом месте гецуль Балдан; упрашивают ее некий начальник, затем глава местности в Или (Илийн шээнэр (дарһар) сурууллад); из-за нее спорят два рода (хойор эңгээрэн булаалдана), восемь сомонов (нээмен сумааран булаалдана), все люди (бүгдээр амтен булаалдана), о ней говорят все люди (улус хамаг келнэ) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 73–74].

Необычно завершение последнего куплета — «Достигнув предела, доберемся до своих большевиков», оно отражает ситуацию начала 1930-х гг., когда Советский Союз имел огромное влияние в Синьцзяне, «провинции, оторванной от Центрального Китая, в которой находили прибежище эмигранты из советских среднеазиатских республик и Казахстана», и «обустроенной государственной границы между Синьцзяном и среднеазиатскими территориями СССР ... фактически не было» [Мильбах, Павлович 2018]. Такое необычное завершение фольклорного текста словно актуализировало традиционную лирическую песню, определяя ее временную привязку и отражая реалии жизни Синьцзяна, местности и этнические группы которого (Или, Баар, торгуты) упоминаются в песне, определяя территорию, где происходят события песни.

Понятен выбор собирателем первой песни для цикла песен торгутов Синьцзяна, так как эпиграфом к рукописи народных песен послужили слова о том, что песня — это история народа. Большая часть текстов, записанных от Дусяна, в основном имеет лирический характер, а первая отличается именно этим призывом к вынужденному уходу «к большевикам» в трудной жизненной ситуации.

Исполнитель песни Дусян обучался в Советском Союзе, где, несомненно, получал опыт знакомства с работой коммунистической партии большевиков. Одновременно информант являлся посланником Синьцзяна, где с 1930 г. заместителем губернатора, а с 1933 г. губернатором являлся Шэн Шицай, заключивший выгодные соглашения с СССР и даже желавший вступить в коммунистическую партию. Студенты, конечно, должны были быть благонадежными с точки зрения китайских властей, возможно, поэтому песни, записанные от Дусяна, не зафиксировали имен исторических персонажей, в том числе ойратской знати, и лишь две первые отчасти отражают события современного им Синьцзяна.

Песни торгутов Синьцзяна были записаны Ц.-Д. Номинхановым в период тесного сотрудничества СССР с синьцзянским правительством, поэтому вторая песня начинается со слов о красном знамени, которое сияет перед владыкой: Эңке улаан тугнь эзень өмнө мандалдаг, эне төрэн төлөөд эзен мань зүткев ‘Широкое красное знамя сияет перед владыкой, во имя этой страны наш владыка усердствует’, владыку же «снизу» поддерживает образованная знать, и как дорогой гневой становится известным в Урумчи, так и знать становится известной урумчийскому довану (князю), пирует вместе с ним (Эзен мань дораас эрдемтэ сээчүүд зүткев, үн иктэ кеернь Урүмчин хотод туурдаг, Урүмчин хотын дованла үүрелжс сууһад нээрелдег). Заслугой владыки и его приближенных является

расправа над врагами страны («разбойниками»), которые пробираются ползком, крадучись, протиснувшись, или же с тыла (*күүкни шигээр ирегсен хүүхүүг, хап-чааһааһаар ирегсен хүүхүүг, хулхуһар ирегсен хүүхүүг, ардагур ирегсен хүүхүүг*). И этих «разбойников», пришедших через перевал, уничтожает «торгутское войско» (*тоңгроогаар (даваһар) ирегсен хүүхүүг торһуд (ла) церег дардаг*), звучит призыв расправиться с врагами страны.

В песне № 2, посвященной победе над врагами, усердию в борьбе, прослеживается традиционный прием параллелизма: в тексте упоминаются «дорогой гнедой» (*ун иктә кеер*), бурый лыско (*күрүң галзан*), быстрый белый конь (*хурдун цаһаан*), а также рыжий аргамак (*армаһ зеерд*), о котором говорится, что это высокий русский конь (*өндөр орс мөрн*). Но красной нитью в тексте песни прослеживается борьба с врагами, помощь стоящим на страже 3 600 солдатам во имя закона (*хуульдан күргэд дарла*) [[НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 75](#)].

Большая часть песен, записанных от Дусяна, относится к лирическим. В них поется о встречах в весеннее или летнее время двух людей, которые становятся одним целым (№ 3) [[НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 76](#)], о том, как стремится добраться до любимой тот, кто разлучен (№ 5): *амраг (ла) чамдаан күрнә (лә) гихлә, адһаад сууж болхош (ла) бишүү?* [[НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 77–78](#)], о матери, с которой никто не сравнится *эңкерелдегнь олон болвоциг ээжилән әдль болхайу?*, *учирдагнь олон болвоциг ээжилән әдль болхайу?* (№ 6) [[НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 78](#)]. Песни синьцзянских торгутов посвящены и воспеванию родной земли: поется о красоте местности Зулдус (№ 4): *жирһелтә сәәхен Зулдус* ‘счастливый красивый Зулдус’, *арһалта сәәхен Зулдус* ‘красивый Зулдус, где водятся дикие бараны’ [[НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 76–77](#)], о путнике в далеких краях, вспоминающем родные места (№ 9): *Тохаатныынтан занданд тоһрун шовун цуһлардаг* ‘у сандалового дерева в Тохатн собираются журавли’, *Элсеетиинтен занданд элэ шовун цуһлардаг* ‘у сандалового дерева в песчаной местности собираются коршуны’ [[НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 81](#)].

Среди записей от Дусяна не зафиксированы песни, в которых упоминаются герои, знатные люди либо воины. Но в одной из песен содержится тема, позволяющая предположить, что речь идет об отправлении на военные действия: в песне № 8 говорится о женихе по имени Мандал Зоошол, который готовился к свадьбе, продавал в городе овец, переживал о том, испробовали ли табак из красивого кисета, подаренного им. Но далее говорится о несущемся на коне Мандал Зоошоле, у которого глубоко натянут головной убор, а из-под копыт коня его несется пыль, а у стариков одинокая слеза пробивается, — *өрәсен дөрэгән дөрәэләд һарв* ‘уехал, вдев ногу в одно стремя’. Фольклорная формула *өрәсн дөрә* ‘одно из пары стремян’ символизирует нарушение парного порядка, естественного порядка, что может объяснено быть как отправление в опасный поход. Но текст, завершающий эту песню, связан с лирическим содержанием первой части: тема похода не развита [[НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 80](#)].

Десять песен, записанных в 1935 г. Ц.-Д. Номинхановым от информанта-торгута из Синьцзяна, представляют пример народной песенной традиции этого народа. Как и в песнях калмыков, в них излюбленным приемом является параллелизм, и в каждом тексте с большой любовью упоминается спутник кочевника — его конь, даются его характеристики. Вместе с тем в этих песнях

не упоминаются народные герои или исторические события, нет и упоминаний о религии, о Тибете, хотя среди ойратов-торгутов Синьцзяна традиционно был распространен буддизм тибетского толка. Поэтому для характеристики песенной традиции торгутов Китая этого периода необходимо привлечь сравнительные материалы.

В 1935 г. Ц.-Д. Номинханов составил рукопись “Материалы по языку синьцзянских монголов (ойратов) КНР” [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 9], а также подготовил пособие “Учебная грамматика монгольского языка (фонетика и морфология)”, которое было размножено для использования студентами в 1936 г. [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 10]. Возможно, и подготовка этих рукописей также отразилась на том, что записи народных песен больше им не проводились.

3. Песни карашарских торгутов, записанные в начале 1930-х гг. и изданные принцессой Нирджидмой

Примечательно, что примерно в то же время, когда Ц.-Д. Номинхановым были записаны песни торгутов Синьцзяна, в Париже состоялось издание песен карашарских торгутов. Как отмечает Дж. Крюгер, песни были собраны принцессой Нирджидмой и транскрибированы госпожой Гумберт-Соваж [Krueger 1975: 216]. Уточняющие сведения приводит П. Э. Алексеева: в период учебы Нирджидмы в Бельгии состоялись ее встречи с калмыками, проживавшими в Париже, Белграде и Праге. Также в Париже 11 января 1934 г. состоялась ее встреча с представителями французского общества друзей Востока, на которой торгутская принцесса сделала сообщение о положении ойратов Синьцзяна и исполнила песни карашарских торгутов [Алексеева 2009: 12], эти песни были изданы в 1937 г. [Dix-huit chants 1937].

18 песен торгутов Синьцзяна, включенные Нирджидмой в издание, были распределены по 5 разделам, которые при публикации были названы «ностальгические» (две песни), «о любви» (девять песен), «застольные» (две песни), «эпические» (две песни), «волшебного содержания» (три песни) [Алексеева 2009: 14]. Однако такое деление довольно условно, так как не вполне отражает жанровую специфику текстов. Так, в первом разделе одна из песен в соответствии с монгольскими и ойратскими традициями посвящена воспеванию родины, находящейся далеко от путника, во второй говорится о возвращающемся из Тибета на родину — обе песни близки песням-восхвалениям. Во втором разделе выделяются песня № 3, в которой говорится об ожидании возвращения из похода парня по имени Тури Бенди, и песня № 11 (в оригинальном тексте № 13 [Krueger 1975: 222]), в которой поется об отправившихся в поход девяти братьях, один из которых, отстав от своих «кречетов», обращается к ним за поддержкой *zūin nutuq ece yisūülen yarlabiden yarlabiden / yisūn sobun ece yancaran xucurlabii xocurlabii / nacin gongxor axa mini namayan aburita aburita* [Krueger 1975: 222] — *Зун нутгас йисүлн харлавидн, харлавидн, / йисн шовунас ханцарн хоцрлав, хоцрлав, / начн шонхр ах мини, намаһан аврита, аврита* [Алексеева 2009: 31]. Слова песни № 12 (в транскрипции № 13) (*шастр* ‘гимн’) имеют совпадение с калмыцкой песней гимнического характера, восхваляющей нойонов: *nurin dunduni nuyusun cimeq / nutugin dunduni noyodudni mani / üliimji buyar übüzlüqsün / ünün ezen noyodudin dergedüüuluni / oradu üüliini cimiq / ulüsin dunda noyodudni mani* [Krueger 1975: 221–222] — *Нуурин дунднь нухсн чимг, /*

Нутгин дунднь нойднь маань. / Үлмэж буяр үвлэгсн / Үнн эзн нойдудын дергд. / Уулын орад уульн чимг, / Улс дунд нойдуднь маань [Алексеева 2009: 33]).

Так называемые эпические песни можно отнести к историческим. Первая из них посвящена народному герою, ойратскому князю Галдаме, образ которого воспет в песнях монгольских народов и зафиксирован в легендах и преданиях; текст песни типичен для песни-плача о Галдаме, погибшем в расцвете лет. Вторая песня посвящена Дамби Джалцану, который назван уважаемым; его активная деятельность пришлось на первые десятилетия XX в., и потому песня в публикации 1937 г. названа «современной эпической».

Три песни, отнесенные при публикации в 1937 г. к песням «волшебного содержания», — разные. Песня о Джангаре является его восхвалением-магталом. Магталом является и песня, в которой герой называется перерожденцем Ваджрасаттвы (*Кен гих кумбв, Базрасадын хувлһн*). Еще одна песня посвящена младшей сестре, которую увез помощник чиновника (*туслач*) по имени Замсаранг, т. е. она имеет лирический характер.

Таким образом, большая часть песен относится к лирическим (как разновидности бытовых песен). Выделяются среди записанных принцессой Нирджидмой песни-гимны и восхваления, что характерно для традиций монгольских народов. Две песни имеют исторический характер.

Потомок торгутских ханов, принцесса Нирджидма при встрече в 1933 г. с калмыками, оказавшимися в эмиграции в Европе, сделала сообщение о положении торгутов Синьцзяна, которое в переводе на русский язык было опубликовано в альманахе «Цаган өвсни дольган» («Ковыльные волны»). Как отмечает П. Э. Алексеева, «она рассказала о тихой и мирной жизни караиарских торгутов, никак не связанной с политическими и национальными вопросами» [Алексеева 2009: 10]: «...живем мы тихо и мирно, не обуреваемые какими-либо политическими, социальными или национальными страстями. Зависимость от Китая наш народ на себе мало ощущает, поэтому она не давит тяжелым молотом на народную психику и не вызывает никаких страстей» [Принцесса Нирджидма 1933: 4]. К недостаткам общественной жизни Нирджидма отнесла отсутствие школ и невозможность получения образования, отсутствие печати и соответственно издания литературы — «но именно поэтому у нас очень хорошее развитие получило устное народное творчество: песни, которые сочиняются почти каждым и по всякому поводу и потом любовно распеваются всем народом, сказки, предания и легенды» [Принцесса Нирджидма 1933: 4–5].

Содержание песен, записанных Нирджидмой и изданных ею в 1937 г., свидетельствует о правоте ее мнения об особенностях положения ойратов. Как отмечала Нирджидма, традиционные ценности являлись весьма значимыми для ойратского общества того времени: «Вежливость, почитание старших, религиозность, уважение чужой собственности, стремление к установлению хороших отношений с близкими и ближними, готовность к взаимной поддержке, верность старым традициям, гостеприимство, неприятие преступлений — вот главные черты характера, присущие нашему народу» [Принцесса Нирджидма 1933: 5].

Из двух песен исторического характера одна относится к событиям XVII в., вторая — к началу XX в., но отражает появление в кочевьях торгутов бежавшего из Монголии Джа-ламы. Сопоставление содержания песен, записанных пример-

но в тот же период Ц.-Д. Номинхановым среди донских и большедербетовских калмыков [На КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–21, 51–70], показывает большую сохранность в калмыцкой песенной традиции памяти о конкретных военных действиях и народных героях, упоминание имен нойонов и зайсангов.

Записи песен, проведенные принцессой Нирджидмой, показывают, что зафиксированные Ц.-Д. Номинхановым в 1935 г. песни торгутов Синьцзяна отражают бытование песенной традиции у этой ойратской группы: для них также характерно большое внимание к лирической тематике. Но в песнях, записанных от студента Дусяна, отсутствуют религиозные песни и песни-восхваления знати, исторические песни, что отражает изменившиеся социально-политические условия в Синьцзяне, особенно повлиявшие на социальные позиции молодых студентов. Не исполнил информант Ц.-Д. Номинханова и песни о героях-богатырях — исторических личностях, подобные песне о Галдаме из репертуара Нирджидмы.

В «актуальных» на 1935 г. для синьцзянских студентов-торгутов песнях отражены новые социальные реалии, даже вывод о том, что в крайнем случае можно «идти к большевикам» (т. е. к советским коммунистам). Именно потому «актуальные» песни, записанные позже других, собирателем были поставлены первыми среди песен синьцзянских торгутов.

4. Заключение

Песни, записанные Ц.-Д. Номинхановым в 1935 г. у представителя синьцзянских торгутов — студента Среднеазиатского университета Дусяна, стали дополнением к рукописи ученого, озаглавленной «Калмыцкие народные песни», что отражает особенность научной и творческой биографии ученого, в Калмыкии работавшего в течение непродолжительных периодов (к моменту составления рукописи в 1962 г. — всего четыре года: 1930–1931 учебный год, несколько месяцев 1943 г., 1960–1962 гг.). У исследователя не было собственных записей песен, собранных среди калмыков-торгутов, но Ц.-Д. Номинханов, проработавший несколько лет с синьцзянскими торгутами, считал культуру ойратов Синьцзяна и калмыков единой. Это позволило ему включить 10 песен исполнителя Дусяна в свой рукописный сборник.

Несмотря на трехлетнюю работу в Среднеазиатском университете (1935–1938 гг.) и затем работу в Узбекском филиале Академии наук СССР (1940–1943) [На КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 63. Л. 3; Бакаева, Номинханов 2024], у Ц.-Д. Номинханова остались записи только 10 песен, проведенные в первый же месяц его работы в Ташкенте в САГУ. Вероятно, это было связано как с занятостью преподавателя, так и, — возможно в большей степени, — с особенностями социальной среды у студентов из Китая.

Записи песен торгутов Синьцзяна в сборнике Ц.-Д. Номинханова не содержат религиозных и исторических песен. Песни на религиозную тему были связаны с поклонением святыням, что противоречило активной антирелигиозной пропаганде, проводившейся в СССР в 1930-е гг., и идеологии, которой должны были соответствовать студенты, направлявшиеся в СССР из Китая. В исторических песнях часто упоминаются представители высшей знати, а в условиях изменившейся социально-политической обстановки в Синьцзяне, вероятно, прославление старой знати не приветствовалось в студенческой среде. Оставшиеся

зафиксированными от Дусяна песни относятся большей частью к лирическому поджанру. Но в первых песнях все же прослеживается особенность ситуации в Синьцзяне в начале 1930-х гг.

Доминирующим принципом стихосложения в рассмотренных текстах песен карашарских торгутов, как и в калмыцких песнях рассматриваемого сборника, является параллелизм, в начальной части большинства песен говорится о коне — спутнике кочевника. В отличие от калмыцких песен среди песен торгутов Синьцзяна Ц.-Д. Номинхановым зафиксированы в большей степени песни бытового характера. Однако следует учитывать специфику условий работы собирателя, определившую особенности источника.

На наш взгляд, можно предположить, что фотографии студентов Дусяна и Церена были сделаны 30 марта, но не в 1936 г., а в 1935 г. При оформлении же альбома через более чем 20 лет (после поездки в КНР в 1958 г.) Ц.-Д. Номинханов мог допустить ошибку в написании года. Исполнение Дусяном 30 марта 1935 г. песни № 1, в которой упоминаются большевики, и песни № 2, посвященной защите государства, — песен, соответствующих политической ситуации, вероятно, свидетельствует о том, что этот день был избран для важной миссии, в этот же день и могли быть сделаны фотографии, сохранившиеся в личном архиве ученого. В день официальной встречи Дусяна и Церена с Ц.-Д. Номинхановым, когда были сделаны фотографии, были записаны и две песни, которые связаны с политическими событиями в Синьцзяне.

Источники

- ЛА — Личный архив Ц.-Д. Номинханова. Personal Archive of Ts.-D. Nominkhanov.
 НА КалмНЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.

Sources

Литература

- Алексеева 2009 — Принцесса Нирджидма и книга песен торгутов Китая / автор-составитель П. Э. Алексеева. Элиста: Джангар, 2009. 87 с.
 Бакаева 2010 — Бакаева Э. П. Ойраты и калмыки. Ойрат-калмыки? (К вопросу о самоидентификации и самоназвании этноса) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 93–110.
 Бакаева 2025а — Бакаева Э. П. Народные песни калмыков в записи Ц.-Д. Номинханова у уроженцев станицы Граббеvской (1927 г.) // Новый филологический вестник. 2025. № 1(73). С. 315–323. DOI: 0.54770/20729316-2025-1-315

References

- Princess Nirdzhidma and the Book of Songs of the Torguts of China P. Alekseeva (author-comp). Elista: Dzhangar, 2009. 87 p. (In Russ.)
 Bakaeva E. P. Oirats and Kalmyks. Oirat Kalmyks? (On the Question of Self-identification and Self-name of the Ethnic group). In: Problems of Ethnic History and Culture of the Turkic-Mongolian Peoples. No. 2. Elista: KIH RAS, 2010. Pp. 93–110. (In Russ.)
 Bakaeva E. P. Kalmyks Folk Songs Recorded by Ts.-D. Nominkhanov among the Natives of Stanitsa Grabbevskaya (1927). *New Philological Bulletin*. 2025. No. 1(73). Pp. 315–323. DOI: 0.54770/20729316-2025-1-315 (In Russ.)

- Бакаева 2025б — Бакаева Э. П. Народные песни в записи Ц.-Д. Номинханова от большедербетовских калмыков // Новый филологический вестник. 2025. № 2(73). С. 366–376.
- Бакаева, Номинханов 2024 — Бакаева Э. П., Номинханов С. А. О малоизвестных страницах биографии Церен-Дорджи Номинханова: период становления, военной деятельности и учебы в институте (1918–1930-е гг.) // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 1. С. 64–93. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-64-93
- Бакаева, Номинханов 2025 — Бакаева Э. П., Номинханов С. А. Программы полевых исследований, подготовленные в Калмыцком педагогическом техникуме в 1931 году // Язык, фольклор, литература монгольских народов в контексте традиционной культуры: тезисы докладов Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию д-ра филол. наук Г. Ц. Пюрбеева (г. Элиста, 21 апреля 2025 г.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2025. С. 20–25.
- Бакунин 1995 — Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгутского, и поступок их ханов и владельцев, сочиненное статским советником Васильем Бакуниным, 1761 года. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
- Бармин 2016 — Бармин В. А. Роль внутривластного фактора в решении советского руководства об оказании помощи китайской администрации Синьцзяна в подавлении национального движения коренных народов провинции в 1931–1934 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2. С. 27–32. DOI: 10.14258/izvasu(2016)2-03
- Е Фань 2020 — Е Фань. Кузница маршалов и революционеров. Подготовка военно-политических кадров для Китая в Советском Союзе. 1920–1930-е гг. М.: Весь Мир, 2020. 272 с.
- Bakaeva E. P. Kalmyks Folk Songs Recorded by Ts.-D. Nominkhanov among Bolshe-derbet Kalmyks. *New Philological Bulletin*. 2025. No. 2. Pp. 366–376. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Nominkhanov S. A. About the Little-Known Pages of the Biography of Tseren-Dordzhi Nominkhanov: the Period of Formation, Military Activity and Studies at the Institute (1918–1930s). *Mongolian Studies (Elista)*. 2024;16(1):64–93. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-64-93
- Bakaeva E. P., Nominkhanov S. A. Field Research Programs Prepared at the Kalmyk Pedagogical College in 1931. In: Language, Folklore, Literature of Mongolian Peoples in the Context of Traditional Culture: Abstracts of the International Scientific Conference Dedicated to the 85th Anniversary of Dr. Sc. (Philology) G. Ts. Purbeev (Elista, April 21, 2025). Elista: KalmSC RAS, 2025. Pp. 20–25. (In Russ.)
- Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, and Especially the Torgut people, and the Act of their Khans and Owners, composed by State Adviser Vasily Bakunin, 1761. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)
- Barmin V. A. The Role of the Internal Political Factor in the Decision of the Soviet Readership to Assist the Chinese Administration of Xinjiang in Suppressing the National Movement of the Indigenous Peoples of the Province in 1931–1934. *News of Altai State University*. 2016. No. 2. Pp. 27–32. (In Russ.) DOI: 10.14258/izvasu(2016)2-03
- Ye Fan. Forge of Marshals and Revolutionaries. Training of Military-Political Personnel for China in the Soviet Union. 1920–1930s. Moscow: Ves' Mir, 2020. 272 p. (In Russ.).

- Клинов 2018 — Клинов А. С. К вопросу о событиях в Синьцзяне в начале 1930-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль: всероссийский научный журнал. 2018. Т. 10. № 1. С. 124–137. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-1-124-137
- Klinov A. S. On the Issue of Events in Xinjiang in the early 1930s. *Historical and Socio-Educational Thought: all-Russian Scientific Journal*. 2018. Vol. 10. No. 1. Pp. 124–137. (In Russ.). DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-1-124-137
- Мильбах, Павлович 2018 — Мильбах В. С., Павлович С. Л. 1937-й: тайный бросок в Синьцзян [электронный ресурс] // URL: <https://history.milportal.ru/1937-j-tajnyj-brosok-v-sinczyan/> (дата обращения: 03.02.2025).
- Milbach V. S., Pavlovich S. L. 1937: Secret Throw to Xinjiang. (In Russ.) Available at: <https://history.milportal.ru/1937-j-tajnyj-brosok-v-sinczyan/> (accessed: 03 February 2025)
- Панин 2012 — Панин Е. В. Создание и функционирование советских высших учебных заведений для национальных меньшинств: 1920–1930-е гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2012. 242 с.
- Panin E. V. Creation and Functioning of Soviet Higher Educational Institutions for National Minorities: 1920–1930s. Cand. Sc. (History) thesis. Moscow, 2012. 242 p. (In Russ.)
- Принцесса Нирджидма 1933 — Принцесса Нирджидма Торгутская. О современном положении торгутов Китая (перевод с калмыцкого) // Цаган өвсни дольган (= Ковыльные волны). 1933. № 7. С. 3–5.
- Princess Nirdzhidma de Torgut. About the Modern Position of the Torguts of China (translation from Kalmyk). *Tsagan ovsni dol'gan (Feather Grass Waves)*. 1933. No. 7. Pp. 3–5. (In Russ.)
- Сотникова 2019 — Сотникова И. Н. Из когорты первых: Юй Сюсун // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5(2). С. 94–106.
- Sotnikova I. N. From the First Cohort: Yu Xiusun. *Problems of the Far East*. 2019. № 5(2). Pp. 94–106. (In Russ.)
- Спичак 2010 — Спичак Д. А. История подготовки кадров китайской компартии и Гоминьдана в московских учебных центрах Коминтерна: цели, методы, результаты (1921–1939 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2010. 261 с.
- Spichak D. A. History of Training Personnel of the Chinese Communist Party and the Kuomintang in Moscow Training Centers of the Comintern: goals, methods, results (1921–1939). Cand. Sc. (History) thesis. Moscow, 2010. 261 p. (In Russ.)
- Ташкентский государственный — Ташкентский государственный юридический университет [электронный ресурс] // URL: https://en.m.wikipedia.org/wiki/File:Ташкентский_государственный_юридический_университет_3.jpg (дата обращения: 03.02.2025)
- Tashkent State Law University. Available at: https://en.m.wikipedia.org/wiki/File:Tashkent_State_Law_University_3.jpg (accessed: 03 February 2025) (In Russ.)
- Чжан Юйсинь 2017 — Чжан Юйсинь. Обучение китайских студентов в системе коммунистического образования в СССР (1921–1930 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2017. 299 с.
- Zhang Yuxin. Training of Chinese Students in the Communist Education System in the USSR (1921–1930). Cand. Sc. (History) thesis. Moscow, 2017. 299 p. (In Russ.)

- Dix-huit chants 1937 — Dix-huit chants et poèmes mongols, recueillis par La princesse Nirgidma de Torhout et transcrits par Madame Humbert-Sauvageot, Avec notations musicales, texte mongol, commentaires et traductions. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1937. 31+28 p. Bibliothèque musicale du Musée Guimet. 1-ère série. T. IV.
- Dix-huit Chants et Poèmes Mongols, recueillis par La Princesse Nirgidma de Torhout et Transcrits par Madame Humbert-Sauvageot, Avec Notations Musicales, Texte Mongol, Commentaires et Traductions. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1937. 31+28 p. Bibliothèque Musicale du Musée Guimet. 1-ère série. Vol. 4. (In French)
- Krueger 1975 — *Krueger J. R.* “Dix-huit chants et poèmes mongols” revisited // *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*. 1975. № 6. Pp. 215–229
- Krueger J. R. “Dix-Huit Chants et Poèmes Mongols” Revisited. *Études Mongoles et Sibériennes, Centrasiatiques et Tibétaines*. 1975. No. 6. Pp. 215–229. (In Eng.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 1, pp. 118–129, 2025
 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-118-129

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДИЕ

УДК 930 (517.3)

UDC 930 (517.3)

DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-118-129

Авраам Константин д’Оссон (Мураджян) — один из первых крупных европейских монголоведов

*Арцви Генрикович Бахчинян¹,
 Сета Даджадовна Оганян²,
 Кнарик Размиковна Петросян³*

Abraham Constantine d’Ohsson (Muradjayan) — one of Europe’s First Eminent Mongolists

*Artsvi H. Bakhchinyan¹,
 Seta D. Ohanyan²,
 Knarik R. Petrosyan³*

¹ Институт истории Национальной академии наук Республики Армения (д. 24/4, пр. Маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

0000-0001-8637-6946. E-mail: artsvi[at]yahoo.com

National Academy of Sciences, Institute of History (24/4, Marshal Baghramyan Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

² Институт истории Национальной академии наук Республики Армения (д. 24/4, пр. Маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

0009-0005-2139-2968. E-mail: dajad.seta[at]gmail.com

National Academy of Sciences, Institute of History (24/4, Marshal Baghramyan Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Cand. Sc. (Philology), Research Associate

³ Институт истории Национальной академии наук Республики Армения (д. 24/4, пр. Маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

0009-0002-0392-7488. E-mail: k_narik[at]mail.ru

National Academy of Sciences, Institute of History (24/4, Marshal Baghramyan Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Cand. Sc. (Philology), Research Associate

© КалмНЦ РАН, 2025

© Бахчинян А. Г., Оганян С. Д., Петросян К. Р., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Bakhchinyan A. H., Ohanyan S. D., Petrosyan K. R., 2025

Аннотация. *Введение.* Авраам Константин Мураджа д'Оссон (1779–1851) был шведским дипломатом, химиком и историком, членом Шведской королевской академии наук, почетным членом Королевской академии литературы и Королевского общества наук в Упсале. Шведский дворянин армянского происхождения, он считается одним из самых выдающихся представителей монголоведения в Европе. Его монументальное исследование «История монголов от Чингисхана до Тамерлана», написанное на французском языке, впервые было опубликовано в 1824 г. в Париже и переиздано в 1834–1835 гг. Эта работа стала фундаментальной для западного монголоведения, поскольку широко использовала исторические источники, ранее малоизвестные или вовсе неизвестные в европейском востоковедении. *Цель статьи* — осветить жизнь и деятельность одного из пионеров европейского монголоведения. *Материалы и методы.* Основными источниками исследования являются монография д'Оссона, а также работы других востоковедов. *Результаты.* Изучение монографии д'Оссона в контексте истории монголоведения, ее последующего влияния, а также оценок специалистов показывает ее важность для развития монголистики в Европе. Анализ содержания труда д'Оссона выявляет наличие раннего и систематического подхода к изучению монгольского наследия, что позволяет рассматривать его монографию как одно из первых комплексных произведений по данной теме в европейской науке XIX в.

Ключевые слова: Авраам Константин Мураджа д'Оссон, монголоведение в Европе, дипломатия, минералогия, исторические исследования, Швеция, восточные источники о монголах

Для цитирования: Бахчинян А. Г., Оганян С. Д., Петросян К. Р. Авраам Константин д'Оссон (Мураджаян) — один из первых выдающихся монголоведов Европы // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 1. С. 118–129. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-118-129

Abstract. *Introduction.* Abraham Constantine Mouradgea d'Ohsson (Muradjayan, 1779–1851) was a Swedish diplomat, chemist, and historian. He was a member of the Royal Swedish Academy of Sciences and an honorary member of both the Royal Academy of Letters and the Royal Society of Sciences in Uppsala. A nobleman of Armenian origin, he is regarded as one of the most eminent representatives of Mongolian studies in Europe. His seminal work, “The History of the Mongols from Genghis Khan to Timur”, written in French, was first published in Paris in 1824 and republished in 1834–1835. This work became a milestone in Western Mongolian studies, particularly due to its extensive use of historical sources that were previously little known or entirely unknown in European Oriental scholarship. *The aim* of the article is to highlight the life and work of one of the pioneers of the European Mongolian studies. *Materials and Methods.* The main research sources are d'Ohsson's monograph as well as opinions of various Orientalists about his work. *Results.* By studying d'Ohsson's monograph in the context of the history of Mongolian studies and its further life, as well as the way specialists appreciated it, its importance in the development of Mongolística in Europe becomes obvious. An analysis of the content of d'Ohsson's work reveals the existence of the early and systematic approach to the study of the Mongolian heritage, which makes it possible to consider his monograph as one of the first comprehensive works on this topic in the European science of the 19th century.

Keywords: Abraham Constantine Mouradgea d'Ohsson, Mongolian studies in Europe, diplomacy, mineralogy, history studies, Sweden, Oriental sources on Mongols.

For citation: Bakhchinyan A. H., Ohanyan S. D., Petrosyan K. R. Abraham Constantin d'Ohsson — one of Europe's First Eminent Mongolists. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025; 17(1): 118–129. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-118-129

1. Введение

При изучении взаимоотношений между армянами и монголами следует упомянуть ученого армянского происхождения, который считается одним из первых крупных европейских специалистов по монголоведению. Речь идет о государственном деятеле и историке Аврааме Константине д'Оссоне (1789–1851), чье влияние на востоковедение Европы давно признано. Известный русский востоковед В. В. Бартольд в 1925 г. писал, что среди трудов синологов нет ни одного, который хотя бы отдаленно мог бы сравниться с работой А. К. д'Оссона [Бартольд 1925: 171–172]. Советский востоковед А. Ю. Якубовский считал, что А. К. д'Оссон представляет собой целый этап в истории изучения монголов и монгольской власти в Средней и Передней Азии; по его мнению, только Э. М. Катрмер¹ мог соперничать с ним во Франции по качеству своих работ по истории монголов. Однако А. Ю. Якубовский подчеркивал, что по охвату материала Э. М. Катрмер не мог превзойти А. К. д'Оссона и без всякого преувеличения можно сказать, что «в истории Западной Европы после д'Оссона не было ни одной равной ему фигуры в области истории монголов как по обширности привлеченных им ближневосточных источников, так и по передовому характеру его идей» [Якубовский 1953: 35].

Полное имя ученого был Авраам Константин Мураджа д'Оссон, он происходил из армянской католической семьи Смирны и Константинополя². Его дед Иоанн Мураджаян (Ованнес, Иваннес или Жан Мураджа, 1721–1787) был первым переводчиком (работал в Шведском консульстве в Смирне, перевел один из трудов Исаака Ньютона на армянский), а отец Челепи Игнатий Мураджаян (Игнас Мураджа, 1740–1807) — выдающимся государственным деятелем и историком. Игнатий родился в семье армянина и француженки, Люси Клер Пажи, которая была дочерью сотрудника консульства в Смирне (скончалась в 1794 г.). Игнатий Мураджаян был поверенным в делах Шведского Королевства в Османской империи, занимая посты первого и второго переводчика и посланника. В 1787 г. он получил шведский дворянский титул по имени д'Оссон, в честь своего дяди Тосуна. В 1774 г. он женился на католичке-армянке Еве³ Кулели (Кулелиян, 1754–1782), дочери османского казначея (сараф) Авраама Кулели (Хулели Паши). У них было двое дочерей и один сын.

Сын Авраам Константин Мураджа д'Оссон был типичным представителем космополитической эпохи. Рожденный в Османской империи в католической армянской семье, он получил начальное образование во французской частной школе и продолжил учебу в венском кадетском корпусе; позже служил в шведской дипломатической службе во Франции, Испании, Нидерландах и Германии; стал одним из ведущих специалистов по монголоведению в Европе, женился на нидерландской баронессе Ловисе Сидонии Сертема ван Гровестин (1804–1875) и скончался в Берлине.

¹ Речь идет о французском востоковеде Этьене Марке Катрмере (Quatmère, 1782–1857), который в 1836 г. опубликовал французский перевод «Истории монголов в Персии» Рашид ад-Дина [Rashid al-Din 1836]. Э. М. Катрмер внес значительный вклад в изучение восточных источников, а его труды сыграли важную роль в развитии монголоведения.

² Биографические данные А. К. д'Оссона в основном изложены по следующему источнику: [Svenskt biografisk lexikon 1945: 340–345].

³ В одном румынском источнике имя матери А. К. д'Оссона указано как Репсина, т. е. — Рипсима (см. [Studii 2002: 367]).

2. Материалы и методы исследования

Основным источником исследования стала монография Авраама Константина д'Оссона «Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan». Кроме того, были использованы другие тексты самого автора, в том числе предисловия и пояснительные записки, отражающие его научный замысел и методологические подходы, а также учитывались современные оценки специалистов по истории востоковедения, что позволило выявить степень влияния А. К. д'Оссона на формирование европейского научного интереса к истории Монголии.

Анализ проводился с использованием методов источниковедения, включая текстологическое изучение источника, а также контекстуальный анализ упоминаемых фактов, связанных с Монгольской империей. Применялся сравнительный подход для сопоставления с трудами других востоковедов того же периода.

3. Образование, дипломатическая карьера и научная деятельность

В 1798 г. Авраам Константин д'Оссон стал первым армянином, обучавшимся в Упсальском университете (Швеция). Его шведское образование включало изучение мировой литературы, истории Швеции, скандинавской мифологии и истории, североевропейской географии, шведской культуры, торговли и даже искусства танца. В 1799 г. А. К. д'Оссон поступил на дипломатическую службу, что совпало с кризисом в Европе в эпоху Наполеона Бонапарта. В 1805–1808 гг. он работал во Франции, Испании и Пруссии, а затем сопровождал шведского дипломата Карла фон Бринкмана в его миссии в Мемеле (ныне — Клайпеда, Литва). Вскоре он вернулся в Севилью, где служил секретарем местной национальной ассамблеи. Два года спустя А. К. д'Оссон вновь отправился в Париж, где работал секретарем шведской дипломатической миссии, а затем поверенным в делах (1811–1812) и был назначен дипломатическим агентом во время специальной миссии, направленной к герцогу Мекленбургскому, а в 1814–1816 гг. — секретарем при шведском наследном принце. В 1815 г. он отказался от католицизма и принял лютеранство. После этого А. К. д'Оссон был назначен шведским посланником в Гааге (1816–1834) и в Берлине (1834–1850).

С 1793 г. по 1798 г., проживая в Константинополе с отцом, А. К. д'Оссон начал интересоваться Востоком и изучать несколько восточных языков, в частности персидский. В 1801–1804 гг. в Париже он изучал восточные манускрипты и приобрел многие из них.

Этот выдающийся дипломат-историк начал свою научную деятельность, как ни удивительно, с химии и минералогии. Он был близким другом шведского ученого Йёенса Якоба Берцелиуса (1779–1848), изучал химию в его лаборатории и с 1805 г. регулярно работал там как ассистент, проводил анализы минералов и писал исследования о зеленых шпатах. Даже несмотря на его дворянский титул, он готовил еду для Й. Я. Берцелиуса (см. [Jorpes 1970: 67]). Во время своей дипломатической службы в Нидерландах он продолжал изучать различные материалы и часто был посредником между Й. Я. Берцелиусом и французскими химиками [Jorpes 1970: 68]. В письмах к Й. Я. Берцелиусу он называл его «моим другом» и «братом», а Й. Я. Берцелиус называл А. К. д'Оссона «маленьким бароном» и «маленьким д'Оссоном» (вероятно, из-за небольшого роста по сравнению с высокими шведами). В 1817 г. они встретились в Париже,

и А. К. д'Оссон дипломатическим способом урегулировал разногласия между Й. Я. Берцелиусом и французским химиком Жозефом Гей-Люсаком. В том же году в журнале «Труды Королевской шведской академии наук» была опубликована статья А. К. д'Оссона «Исследование некоторых минералов» на шведском языке. Она включает описание минералов, таких как гранат из Броддбо, малаколит из Бьёрнмюресведен и желтый камень из Паргаса [d'Ohsson 1817: 206–210]. Несколько лет спустя, снова встретив Й. Я. Берцелиуса в Париже, А. К. д'Оссон предложил ему перевести два раздела его нового учебника по химии на французский язык. Когда в 1821 г. Авраам Константин переехал в Стокгольм, Й. Я. Берцелиус попросил его вернуться в его лабораторию. В Шведской академии наук хранится более 70 писем А. К. д'Оссона, написанных Й. Я. Берцелиусу.

С помощью Й. Я. Берцелиуса А. К. д'Оссон в 1817 г. стал членом Шведской академии наук, а затем, в 1823 г., был избран в Академию литературы и искусств, а с 1828 г. — почетным членом Академического общества в Упсале. Для Академии наук он написал несколько обзоров, среди которых «Краткий обзор истории химии с древнейших времен», опубликованный в Стокгольме в 1826 г. на шведском языке [d'Ohsson 1826], а также французское произведение о давлении воздуха и гидродинамической теореме, которое было опубликовано посмертно в 1852 г. [d'Ohsson 1852].

4. История публикации труда о монголах

Первый шаг А. К. д'Оссона в области востоковедения и, в частности, монголоведении был публикацией третьей неизданной части исследования отца, Игнаса Мураджа А. К. д'Оссона, под названием «Общий обзор Османской империи» на французском языке в 1820 г. в Париже [d'Ohsson 1787–1820]. Авраам Константин д'Оссон выпустил еще один историко-научный том: в 1828 г. в Париже был издан его французский перевод путевых заметок арабского путешественника X в. Абу аль-Касима [d'Ohsson 1828].

А. К. д'Оссон считается одним из пионеров в изучении истории монголов в Европе. Его труд «История монголов от Чингисхана до Тимура Бея или Тамерлана» стала первым крупным исследованием истории монголов на европейском языке (французском). До него в Европе, конечно, издавались работы о монголах; например, в 1756 г. в Париже вышла в свет пятитомная работа французского китаевода и тюрколога Жозефа де Гинья «Общая история гуннов, монголов, турков и других восточных татар» [Guignes 1756], в которой освещалась история не только монголов, но и других народов: *«В XIII веке большая часть Азии и восточные регионы Европы были завоеваны и опустошены народами Татари. В этот период столь враждующие друг с другом кочевые народы и племена распространялись, словно яростный поток, по тем странам, которые обещали им богатую добычу и покрывали их кровью и разрушениями. Человек, который подчинил себе эти жестокие и неистовые потоки, был когда-то лишь вожаком нескольких жалких племен, бродивших по высоким горам, где начинаются реки Онон, Керулан и Тола, на юго-востоке от озера Байкал. В кровавой борьбе, начавшейся из-за честолюбия многих вождей монгольских племен, вышеупомянутый вождь Тэмуджин, вкусив текучесть судьбы, сумел*

разгромить своих соперников. Когда он подчинил большую часть монгольских племен, он успешно покорил другие народы Татари и провозгласил себя императором — каганом, под титулом Чингисхан...» [d'Ohsson 1824: 1, I–II].

Работа А. К. д'Оссона была впервые опубликована в 1824 г. в Париже в двух томах (под подписью «К. М. д'Оссон», см. [d'Ohsson 1824]), а в 1834–1835 гг. в Гааге и Амстердаме вышла переработанная версия в четырех томах под подписью «госп. барон К. д'Оссон» [d'Ohsson 1834a; d'Ohsson 1834b; d'Ohsson 1834c; d'Ohsson 1835]. Новое издание исследования было опубликовано спустя год после его смерти, в 1852 г.

5. Содержание монографии

Исследование этого историка охватывает период двух величайших завоевателей — с Чингисхана до Тимура (Тамерлана): внимание ученого сконцентрировано преимущественно на истории монгольского государства в Персии и Китае, а также в меньшей степени описано присутствие монголов в Армении, Центральной Азии и Восточной Европе. Автор первым в монголоведении широко использовал арабские, персидские, османские, узбекские источники (Рашид ад-Дин, Ала-ад-Дин Джувейни, Вассаф аль-Хазрат, Абульгази-хан), а также армянские, русские, польские, латинские, немецкие и грузинские хроники, пользуясь как оригинальными текстами, так и переводами на европейские языки. Историк использовал работы 21 автора. Применение этого богатого и уникального фактического материала считается главным достоинством работы А. К. д'Оссона.

Авраам Константин д'Оссон отличался высоким уровнем владения персидским, турецким и арабским языками, что позволило ему обращаться к широкому кругу первоисточников на восточных языках. Многие из этих источников ранее не были представлены в европейской научной литературе, а благодаря его работе некоторые из них впервые стали доступны западному читателю. В частности в своей монографии он впервые включил переводы значительных фрагментов хроники Ибн аль-Асира «Ал-Камил фи-т-та'рих» на французский язык, а также опирался на ряд персидских сочинений, не имевших в то время европейских версий.

Особое значение представляет и то, что А. К. д'Оссон одним из первых ввел в обращение данные из фундаментального труда Рашид ад-Дина «Сборник летописей», составленного в начале XIV в. при дворе Хулагуидов. Полное издание этого сочинения появилось лишь в 1836 г. стараниями Этьена Марка Катрмера [Rashid al-Din 1836], тогда как А. К. д'Оссон уже задолго до этого использовал его отрывки в переводе.

Систематическая работа с восточными письменными источниками, внимательное сопоставление данных и стремление к научной достоверности позволили А. К. д'Оссону создать труд, который занял важное место в европейской историографии Востока. Несмотря на то, что он не владел монгольским языком и, соответственно, не имел доступа к монгольскоязычным оригиналам, включая «Юань чао би ши» («Тайная история монголов»), еще не переведенную в его время, его исследования стали одним из первых значительных этапов в изучении истории монгольского государства.

Следует также отметить, что в формировании научного монголоведения в Европе большую роль сыграл Я. Шмидт (1779–1847), владевший монгольским языком и начиная с 1815 г. публиковавший специализированные исследования, что позволило уже в XIX в. перейти к более глубокой интерпретации оригинальных монгольских источников.

Несмотря на высокую оценку произведения А. К. д’Оссона, востоковеды указали на некоторые мелкие недостатки и ошибки в его работе. Например, по мнению китаиста Э. Бретшнейдера, А. К. д’Оссон не всегда давал точный перевод текстов Рашида ад-Дина и других авторов, а просто пересказывал их [Бретшнейдер 2018: 47]. Более того, Э. Бретшнейдер сделал одну поправку, опровергнув идентификацию одного героя монгольской истории с другим (см. [Бретшнейдер 2018: 9]). В французском переводе Рашида ад-Дина город Керман был прочитан как Казань [Измайлов 1988: 19]. Н. А. Морозов отмечает, что отношение к источникам А. К. д’Оссона было совершенно некритично [Морозов 2000: 432]: ни один автор не вызывает у него сомнений. Конечно, таких ошибок не избежать в любой научной работе, особенно в таком объемном источниковедческом и историческом труде.

Для армяноведения важно, что А. К. д’Оссон в своей работе многократно упоминает Армению и армян, включая темы монгольского нашествия на армянские земли, отношений монголов с Киликийской Арменией, миссии царя Хетума I-го в монгольское государство и другие исторические события (см. [d’Ohsson 1835: 337–338]). Говоря о Киликийской Армении, он также упоминает французский перевод труда историка Хетума Корикосского [d’Ohsson 1835: 321]. В первой главе второго раздела третьего тома одна часть озаглавлена «Походы монголов в Месопотамию, Курдистан, Атропатене, Армению, Грузию...», а последняя часть — «Путешествие Хетума к Мангу» [d’Ohsson 1835: 67]. Следует отметить, что А. К. д’Оссон не владел армянским языком и использовал французские или английские переводы армянских источников. Так, в четвертом томе, говоря о монгольском завоевании Армении, он ссылается на английский перевод «Истории» Микаэла Чамчяна [Chamich 1827] или на фрагменты французского перевода (опубликованные в «Nouveau Journal Asiatique» (1833, том XII) [d’Ohsson 1824: 77, 100]). А. К. д’Оссон также ссылается на армянского историографа XIII в. Степаноса Орбеляна — опять же, через посреднический французский перевод (Memoires sur l’Armenie de M. St. Martin (том II) [d’Ohsson 1824: 268]). К тому времени работы армянских историков Киракоса Гандзакеци, Григора Акнерца и других, которые содержат ценные упоминания о монголах, еще не были опубликованы, и, соответственно, не могли быть отражены в труде А. К. д’Оссона.

Необходимо также отметить, что другие важные работы европейской монголистики были написаны после исследования А. К. д’Оссона. В частности «История Золотой Орды в Кипчаке или монголов в России» австрийца Иозефа фон Хаммера-Пургшталля [Hammer-Purgstall 1840], работу русского Федора Эрдмана (1793–1862) «Рашид ад-Дини о тюркских и монгольских народах» [Erdmann 1841] и книгу английского ученого сэра Генри Х. Хауорта (1842–1923) «История монголов с IX по XIX век» [Howorth 1876].

6. Последние годы жизни А. К. д'Оссона и посмертные публикации

Последние годы жизни А. К. д'Оссон провел в Берлине, где его дом стал местом встреч многочисленных политических деятелей и художников. Он скончался в возрасте 72 лет, не оставив наследников, и баронская семья д'Оссонов исчезла после его смерти. «*Барон д'Оссон был ученым в самом широком смысле слова*», — написала шведская центральная газета «Афтонбладет» в его обширном некрологе, не забыв также упомянуть о его армянском происхождении [[Aftonbladet 1852](#)]. Свою библиотеку он завещал Университету Лунда (300 книг и 17 восточных манускриптов), список этих книг и рукописей был издан в 1852 г. на немецком языке под заглавием «Каталог библиотеки, оставленной бароном д'Оссоном» [[Verzeichniss 1852](#)].

С момента первого издания «Истории монголов» прошло уже 190 лет, однако интерес к этой работе не исчезает. Ее продолжают цитировать в монголоведной литературе, французский оригинал несколько раз был переиздан (по нашим данным, последний раз — в 2002 г. [[d'Ohsson 2002](#)]), а также переводят на разные языки. В 1937 г. был издан первый том в переводе на русский [[д'Оссон 1937](#)]. Японский выдающийся китаист Танака Суичиро перевел важнейшие части работы А. К. д'Оссона на японский язык в двух томах (Токио, изд. «Иванами Сётэн», 1936–1938 [[d'Ohsson 1936–1938](#)]), и до 1997 г. было выпущено десять переизданий. В 1967 г. появилась еще одна японская версия работы А. К. д'Оссона, переведенной и комментированной Сагучи Тоору, под названием «История Монгольской империи», изданной «Heibonsha Oriental Library». Наконец, в 2014 г. первый том труда А. К. д'Оссона был издан в Монголии издательством «Монсудар» в переводе с русского языка, выполненном Чойнзонгой Баатаром [[д'Оссон 2014](#)]. Естественно, его постоянно упоминают и цитируют монгольские исследователи (в том числе армяновед Байарсайхан Дашдондог в своей статье на монгольском языке «Исследования Чингисхана в западных странах» (см. [[Дашдондог 2012: 33–48](#)])).

7. Заключение

Авраам Константин Мураджа д'Оссон, представитель армянской общины Константинополя, дипломат шведской короны и франкоязычный исследователь, внес существенный вклад в становление европейского монголоведения. Его труд «*Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'a Timour Bey ou Tamerlan*» стал одной из первых европейских работ, в которой монгольская тема рассматривалась через призму восточных — персидских, арабских и турецких — письменных источников. Тем самым А. К. д'Оссон значительно расширил документальную базу европейской науки о Востоке.

Ученый продемонстрировал методологический подход, основанный на глубоком изучении оригинальных текстов, их переводе и сопоставлении, что предвосхищает научные практики более позднего времени. Особенно важно, что при отсутствии знания монгольского языка он, тем не менее, привлек данные из ключевых трудов восточной историографии, включая сочинения Ибн аль-Асира и Рашид ад-Дина, что позволило впервые представить в европейской науке раннюю систематизированную картину истории монгольского государства.

Таким образом, вклад А. К. д'Оссона заключается не только в использовании ранее неизвестных источников, но и в формировании историко-культурного представления о монголах как о сложной и развитой цивилизации. Его подход заложил основы для будущих исследований.

А. К. д'Оссон остается одной из ключевых фигур раннего этапа монголоведения — ученым, соединившим восточное происхождение, западное образование и межкультурную перспективу, что делает его наследие актуальным для современного сравнительного востоковедения.

Источники

Sources

- д'Оссон 1937 — *д'Оссон К.* История монголов. От Чингиз-хана до Тамерлана / пер. Н. Н. Козьмина. Т. 1. Чингиз-хан. Иркутск: Восточно-Сиб. обл. изд-во, 1937. 248 с.
- д'Оссон 2014 — *д'Оссон К.* Монголчуудын түүх. 1 боть: Чингис хаанаас Тамерлан хүртэл. Улаанбаатар: Монсудар, 2014. 295 с.
- Chamich 1827 — *History of Armenia.* By Father Michael Chamich. From B. C. 2247 to the year of Christ 1780, or 1229 of the Armenian era, tr. from the original Armenian by Johannes Avdall. Calcutta: Bishop's college press, 1827. 414 p.
- Guignes 1756 — *Guignes J. de Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols, et des autres Tartares occidentaux, &c. avant et depuis Jésus-Christ jusqu'à présent: précédée d'une introduction contenant des tables chronol. & historiques des princes qui ont régné dans l'Asie.* Paris: Desaint & Saillant, 1756. 518 p.
- д'Охссон 1787–1820 — *Tableau général de l'Empire othoman, divisé en deux parties, dont l'une comprend la Législation mahométane, l'autre, l'Histoire de l'Empire Ottoman.* Par m. de M*** d'Ohsson. Vol. 1–3. Paris: Imprimerie de Firmin Didot, 1787–1820. Vol. 1. 435 p. Vol. 2. 426 p. Vol. 3. 557 p.
- д'Охссон 1817 — *d'Ohsson A. C. M., Undersökning af någre mineralier // Kungliga Svenska vetenskapsakademiens handlingar [Stockholm], 1817. B. 5. S. 206–210.*
- d'Ohsson C. *History of the Mongols: from Genghis Khan to Tamerlane.* N. Kozmin (trans.). Vol. 1. Irkutsk: East Siberian Regional Publ., 1937. 251 p. (In Russ.)
- d'Ohsson C. *History of the Mongols. Vol. 1: From Genghis Khan to Tamerlane, Ulaanbaatar: Monsudar, 2014. 295 p. (In Mong.)*
- History of Armenia.* By Father Michael Chamich; from B. C. 2247 to the Year of Christ 1780, or 1229 of the Armenian Era, Johannes Avdall (trans. from the Original Armenian). Calcutta: Bishop's College Press, 1827. 414 p. (In Eng.)
- Guignes J. de Histoire Générale des Huns, des Turcs, des Mogols, et des autres Tartares Occidentaux, &c. avant et depuis Jésus-Christ jusqu'à Présent: Précédée d'une Introduction Contenant des Tables Chronol. & Historiques des Princes qui ont Regné dans l'Asie.* Paris: Desaint & Saillant, 1756. 518 p. (In French)
- Tableau Général de l'Empire Othoman, Divisé en Deux Parties, dont l'une Comprend la Législation Mahométane, l'Autre, l'Histoire de l'Empire Ottoman.* Par m. de M*** d'Ohsson. Vol. 1–3, Paris: Imprimerie de Firmin Didot, 1787–1820. Vol. 1. 435 p. Vol. 2. 426 p. Vol. 3. 557 p. (In French)
- d'Ohsson Abraham Constantin Mouradgea. Undersökning af Någre Mineralier. In: Kungliga Svenska Vetenskapsakademiens Handlingar. Stockholm, 1817. Vol. 5. Pp. 206–210. (In Swed.)*

- d'Ohsson 1824 — *d'Ohsson C. M.* Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan, avec une carte de l'Asie au 13-me siècle. Paris: Imprimerie Royale, 1824. Vol. 1. 372 p. Vol. 2. 420 p.
- d'Ohsson 1826 — Kort öfversigt af chemiens historia ifrån de äldsta tider. Tal, hållit vid præsidii nedläggande uti kongl. vetenskaps-academien, den 5 april 1826, af C. d'Ohsson. Stockholm : P. A. Norstedt & söner, 1826. 44 s.
- d'Ohsson 1828 — Des peuples du Caucase et des pays au nord de la Mer Noire et de la Mer Caspienne, dans la dixième siècle, ou voyage d'Abou-el-Cassim, Paris: Firmin Didot père et fils, 1828. 284 p.
- d'Ohsson 1834a — *M. le Baron C. d'Ohsson.* Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan, avec une carte de l'Asie au 13-me siècle. Vol. 1. La Hay-Amsterdam: Les frères Van Cleef, 1834. 532 p.
- d'Ohsson 1834b — *M. le Baron C. d'Ohsson.* Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan, avec une carte de l'Asie au 13-me siècle. Vol. 2. La Hay-Amsterdam: Les frères Van Cleef, 1834. 651 p.
- d'Ohsson 1834в — *M. le Baron C. d'Ohsson.* Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan, avec une carte de l'Asie au 13-me siècle. Vol. 3. La Hay-Amsterdam: Les frères Van Cleef, 1834. 623 p.
- d'Ohsson 1835 — *M. le Baron C. d'Ohsson.* Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan, avec une carte de l'Asie au 13-me siècle. Vol. 4. La Hay-Amsterdam: Les frères Van Cleef, 1835. 774 p.
- d'Ohsson 1936–1938 — *d'Ohsson C.* The History of the Mongols. Vol. 1–2. Tokyo: Ivanami Shoten, 1936–1938. (На япон. яз.).
- d'Ohsson C. M. Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan, avec une Carte de l'Asie au 13me Siècle. Paris: Imprimerie Royale, 1824. Vol. 1. 372 p. Vol. 2. 420 p. (In French)
- Kort öfversigt af Chemiens Historia ifrån de äldsta Tider. Tal, Hållit vid Præsidii Nedläggande uti Kongl. Vetenskaps-academien, den 5 april 1826, af C. 'Ohsson. Stockholm: P. A. Norstedt & Söner, 1826. (In Swed.).
- Des Peuples du Caucase et des Pays au Nord de la Mer Noire et de la Mer Caspienne, dans le 10me Siècle, ou Voyage d'Abou-el-Cassim. Paris: Firmin Didot Père et Fils, 1828. 284 p. (In French)
- d'Ohsson M. le Baron C. Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan, avec une Carte de l'Asie au 13-me Siècle. Vol. 1. La Hay-Amsterdam: Les Frères Van Cleef, 1834. 532 p. (In French)
- d'Ohsson M. le Baron C. Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan, avec une Carte de l'Asie au 13-me Siècle. Vol. 2. La Hay-Amsterdam: Les Frères Van Cleef, 1834. 651 p. (In French)
- d'Ohsson M. le Baron C. Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan, avec une Carte de l'Asie au 13-me Siècle. Vol. 3. La Hay-Amsterdam: Les Frères Van Cleef, 1834. 623 p. (In French)
- d'Ohsson M. le Baron C. Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan, avec une Carte de l'Asie au 13me Siècle. Vol. 4. La Hay-Amsterdam, Les Frères Van Cleef, 1835. 774 p. (In French)
- d'Ohsson C. The History of the Mongols. Vol. 1–2. Tokyo: Ivanami Shoten, 1936–1938. (In Japan.).

- d'Ohsson 1852 — Mémoire sur la gravitation universelle, la pression de l'air et les théorèmes d'hydrodynamique: Extrait d'études sur les principes des sciences par le baron Constantin d'Ohsson. Berlin: Études sur les principes des sciences, 1852. 27 p.
- d'Ohsson 2002 — *d'Ohsson C. M.* Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan. Boston: Adamant Media Corporation, 2002. Vol. 1. 530 p. Vol. II. 657 p.
- Erdmann 1841 — *Erdmann F.* Vollständige Übersicht der ältesten türkischen, tatarischen und mongolischen Völkerstämme nach Raschid-ud-Dins Vorgänge. Kasan: Universitäts-Typographie, 1841. 188 p.
- Hammer-Purgstall 1840 — *Hammer-Purgstall J.* Geschichte der Goldenen horde in Kiptschak, das ist der Mongolen in Russland. Pesth: C. A. Hartleben's Verlag, 1840. 683 p.
- Howorth 1876 — *Howorth H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th century. London: Longmans, Green, 1876. 743 p.
- Rashid al-Din 1836 — *Rashid al-Din.* Histoire des mongols de la Perse (= *عماج (پن ازاغ خيرات خيرات خيراولا* / écrite en persan par Raschid-Eldin; publiée, traduite en français, accompagnée de notes et d'un mémoire sur la vie et les ouvrages de l'auteur par M. Quatremère. Paris: Imprimerie royale, 1836. 175 p., 450 p.
- Verzeichniss 1852 — Verzeichniss der von dem Herrn Baron d'Ohsson hinterlassenen Bibliothek. Berlin, [1852]. 226 s.
- Mémoire sur la Gravitation Universelle, la Pression de l'air et les Théorèmes d'Hydrodynamique: Extrait d'Études sur les Principes des Sciences par le Baron Constantin d'Ohsson. Berlin: Études sur les Principes des Sciences, 1852. 27 p. (In French)
- d'Ohsson C. M. Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan. Boston: Adamant Media Corporation, 2002. Vol. 1. 530 p. Vol. II. 657 p. (In French)
- Erdmann F.* Vollständige Übersicht der ältesten türkischen, tatarischen und mongolischen Völkerstämme nach Raschid-ud-Dins Vorgänge. Kasan: Universitäts-Typographie, 1841. 188 p. (In Germ.)
- Hammer-Purgstall J.* Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist der Mongolen in Russland. Pesth: C. A. Hartleben's Verlag, 1840. 683 p. (In Germ.)
- Howorth H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. London: Longmans, Green, 1876. 743 p. (In Eng.)
- Rashid al-Din.* Histoire des Mongols de la Perse = *پن ازاغ خيرات خيرات خيراولا عماج* (écrite en Persan) M. Quatremère (publiée, traduite en français, accompagnée de notes et d'un mémoire sur la vie et les ouvrages de l'auteur). Paris: Imprimerie Royale, 1836. 175 p., 450 p. (In French)
- Verzeichniss der von dem Herrn Baron d'Ohsson Hinterlassenen Bibliothek. Berlin, 1852. 226 p. (In Germ.)

Литература

- Бартольд 1925 — *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России. Л.: Ленингр. ин-т живых вост. яз., 1925. VIII, 318 с.
- Бретшнейдер 2018 — *Бретшнейдер Э.* Азия и Европа в эпоху средневековья. СПб.: Свое издательство, 2018. 280 с.

Reference

- Bartold V. V. The History of the Study of the East in Europe and Russia. Leningrad: Leningradskij Institut Zhivyh Vostochnyh Yazykov, 1925. VIII, 318 p. (In Russ.)
- Bretshneider E. Asia and Europe in the Middle Ages. St. Petersburg: Svoe Publ., 2018. 280 p. (In Russ.)

- Дашдондог 2012 — *Дашдондог Баярсайхан*. Өрнөд дэх Чингис хаан судлал // Үлэмж Их Чингис Хаан / ред. Ж. Болдбаатар, Ш. Чоймаа. Улаанбаатар: Соёмбо, 2012. Х. 33–48.
- Измайлов 1988 — *Измайлов И. Л.* (ред.), Волжская Булгария и монгольское нашествие, Казань: Институт языка, литературы и истории, 1988. 126 с.
- Морозов 2000 — *Морозов Н. А.* Новый взгляд на историю русского государства. М.: Крафт+Леан, 2000. 888 с.
- Якубовский 1953 — *Якубовский А. Ю.*, Из истории изучения монголов периода XI–XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. М.: Институт востоковедения АН СССР, 1953. С. 31–95.
- Aftonbladet 1852 — Friherre Abraham Constantin d’Ohsson. Nekrolog // Aftonbladet. 5 januari 1852.
- Jorpes 1970 — *Jorpes J. E.* Jac. Berzelius: His Life and Work. Berkeley; Los Angeles University of California Press, 1970. 156 p.
- Studii 2002 — Studii și materiale de istorie medie, Vol. 20. București: Institutul de Istorie „Nicolae Iorga”, 2002. 448 p.
- Svenskt biografisk lexicon 1945— Svenskt biografisk lexicon. B. XI. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 1945. 800 s.
- Dashdondog Bayarsaikhan. Genghis Khan Studies in the West. In: The Mighty Genghis Khan. J. Boldbaatar, Sh. Chomaa (eds.). Ulaanbaatar: Soyombo, 2012. Pp. 33 –48. (In Mong.)
- Izmailov I. L. (ed.). Volga Bulgaria and the Mongol Invasion. Kazan: Institute of Language, Literature and History, 1988. 126 p. (In Russ.)
- Morozov N. A. A New View on the History of the Russian State. Moscow: Kraft+Lean, 2000. 888 p. (In Russ.)
- Yakubovsky A. Yu., On the History of the Study of Mongols in the 11th–13th Centuries. In: Essays on the History of Russian Oriental Studies. Moscow: Institute of Oriental Studies (AS of the USSR), 1953. 232 p. (In Russ.)
- Friherre Abraham Constantin d’Ohsson. Nekrolog. Aftonbladet. 5 Januari 1852. (In Swed.)
- Jorpes J. E. Jac. Berzelius: His Life and Work. Berkeley; Los Angeles University of California Press, 1970. 156 p. (In Eng.)
- Middle History Studies and Materials. Vol. 20. Bucharest: Institute of History “Nicolae Iorga”, 2002. 448 p. (In Roman.)
- Swedish Biographical Lexicon. Vol. 11. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 1945. (In Swed.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 1, pp. 130–153, 2025
 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-130-153

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 575.174

UDC 575.174

DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-130-153

Цорос, чорос, багатуд: Барга-Батор и ойраты

Санал Владимирович Джагрунов¹

Tsoros, Choros, Bagatud: Barga Bator and Oirats

Sanal V. Dzhagrunov¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

младший научный сотрудник

Junior Research Associate

 0009-0002-8512-053X. E-mail: sanal.dzhagrunov[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Джагрунов С. В., 2025

© Dzhagrunov S. V., 2025

Аннотация. *Введение.* Настоящая работа посвящена дальнейшему рассмотрению вопроса о происхождении рода цорос (чорос). *Цель статьи* — провести анализ комплекса данных истории, этнографии, генетики и др. для реконструкции становления имени «цорос» и прояснения отношения ряда исторических и современных этнонимов к ойратской этнической общности. *Материалами* исследования выступили тексты монгольских и калмыцких летописей, публикации исследователей. *Методология* исследования преимущественно представлена междисциплинарным подходом. *Результаты.* Последовательное рассмотрение этногонического мифа о Барга-батаре и трех его сыновьях вкупе с генетическими, историческими и лингвистическими данными существенно дополняет понимание сложных этноисторических процессов в массе сообществ Баргуджин-Токума на протяжении ряда эпох. Констатируется, что на начальном этапе становление предков ойратов в лице потомков Дува-Сохора, вероятнее всего, развивалось в составе Баргутского

Abstract. *Introduction.* This work is devoted to further consideration of the question of the origin of the genus Tsoros (Choros). *The purpose* of the article is to analyze a set of historical, ethnographic, genetic, and other data to reconstruct the formation of the name “Tsoros” and clarify the relationship of a number of historical and modern ethnonyms to the Oirat ethnic community. The research *materials* were the texts of the Mongolian and Kalmyk chronicles, publications of researchers. The research *methodology* is mainly represented by an interdisciplinary approach. *Results.* A consistent consideration of the ethnogenic myth of Barga Bator and his three sons, coupled with genetic, historical and linguistic data, significantly complements the understanding of complex ethnohistorical processes in the mass of Bargujin-Tokum communities over a number of epochs. It is stated that at the initial stage, the formation of the ancestors of the Oirats, represented by the descendants of Duva-Sokhor, most likely developed as part of the Bargut Union (which gave the name to the corresponding

союза (давшего имя соответствующей территории и общности), но по мере роста влияния рода Чингис-хана — во многом в связи с единством этногонического мифа Борджигинов и собственно ойратов — происходило и выделение, а в дальнейшем усиление последних. Падение Юань неизбежно запустило ряд военно-политических конфронтаций на территории Монголии, результатом которых становится слияние двух общностей при политическом доминировании этнических баргутов и распространении самого имени «ойрат» уже на расширенную совокупность родов и племен в условиях активного перехода к феодальным отношениям. Таким образом, Барга-батор обретает черты реального исторического персонажа периода около X–XI вв., чьи потомки в итоге обрели значительное популяционное преимущество и впоследствии даже заняли доминирующее положение в среде ойратов и отчасти монголов, успешно соперничая с «золотым родом».

Ключевые слова: цорос, чорос, багатуд, калмыки, ойраты, баргуты, субклад, STR-гаплотипы, C2-F1067

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4). Автор выражает благодарность канд. филол. наук С. М. Мирзаевой за помощь и ценные консультации по вопросам монгольского языкознания. Отдельные слова благодарности выражаются дирекции КалмНЦ РАН в лице В. В. Кукановой, Э. П. Бакаевой и др., благодаря систематическим организационным усилиям которых этноисторические изыскания сотрудников института могут дополняться и уточняться современным естественно-научным инструментарием.

Для цитирования: Джагрунов С. В. Цорос, чорос, багатуд: Барга-Батор и ойраты // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 1. С. 130–153. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-130-153

territory and community), but as the influence of the Genghis Khan's clan grew, largely due to the unity of the ethnogonic myth of the Borjigins and the Oirats proper, separation took place, and further strengthening of the latter. The fall of the Yuan inevitably triggered a series of military and political confrontations on the territory of Mongolia, which resulted in the merger of two communities under the political dominance of ethnic Barguts and the spread of the very name “Oirat” to an expanded set of clans and tribes in the context of an active transition to feudal relations. Thus, Barga Bator acquires the features of a real historical character of the period around the 10th–11th centuries, whose descendants eventually gained a significant population advantage and subsequently even occupied a dominant position among the Oirats and partly the Mongols, successfully competing with the “Altan Urug”.

Keywords: Soros, Soros, Bagatud, Kalmyks, Oirats, Barguts, subclades, STR-haplotypes, C2-F 1067

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project no. 123021300198-4 “Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China”. The author expresses his gratitude to S. M. Mirzaeva, PhD in Philology, for her help and valuable advice on the issues of Mongolian linguistics. Words of particular gratitude be expressed to the Directorate represented by V. V. Kukanova, E. P. Bakaeva, and others, thanks to whose systemic organizing efforts the ethnohistorical research of the staff of the Kalmyk Scientific Center of the RAS can be supplemented and refined with modern scientific tools.

For citation: Dzhagrunov S. V. Tsoros, Choros, Bagatud: Barga Bator and Oirats. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025; 17(1): 128–151. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-130-153

1. Введение

Настоящая статья продолжает рассмотрение вопросов о происхождении отдельных линий предков калмыков — средневековых ойратов, начатое в других публикациях автора [Джагурунов 2023; Джагурунов и др. 2023; Джагурунов, Булуктаев 2024а; Джагурунов, Булуктаев 2024б]. Предпринимается попытка реконструкции становления имени «цорос» в его эволюции, и формулируется гипотеза — с учетом комплекса данных генетики, историографии, лингвистики, этнографии — о выделении соответствующего аристократического рода джунгаров и дербетов из среды этнических баргутов периода высокого и позднего средневековья. При рассмотрении в «ойратском» разрезе этногонический миф о Барга-баторе и трех его сыновьях обнаруживает параллели в истории указанной общности в ряде последовательно сменявших друг друга эпох, что позволяет переосмыслить некоторые вопросы этногенеза, а также расширяет наше понимание этноисторического наполнения самого термина «ойрат».

2. Материалы и методы исследования

Для целей исследования настоящая работа будет обращаться к публикациям таких классических текстов, как «Сокровенное сказание монголов» [Pelliot 1949; Cleaves 1982; Козин 1941], «Сборник летописей» Рашид ад-Дина [Рашид ад-Дин 1952], «Алтан тобчи» Лубсан Данзана [Алтан тобчи 1973; Алтан товч 2006], «Эрдэнийн тобчи» Саган Сэцэна [Эрдэнийн товч 2006; Geschichte der Ost-Mongolen 1829], а также к работам П. Б. Коновалова, Д. В. Цыбыкдоржиева и С. Б. Миягашевой [Коновалов 2009; Коновалов, Цыбыкдоржиев 2017; Коновалов, Миягашева 2012; и др.], В. П. Санчирова [Санчиров 1990; Санчиров 2009; и др.], Г. Н. Румянцева [Румянцев 1962], Л. П. Потапова [Потапов 1966; Потапов 1969], Н. В. Екеева [Екеев 2008; Екеев 2011] и других.

Методология исследования представлена междисциплинарным подходом, с применением техник системного анализа, сравнительно-сопоставительного метода, а также метода исторической реконструкции.

3. Барга-батор, барга-багатуды, чоросы, ойраты

3.1. Барга / баргу —...

Авторы, занимавшиеся изучением Y-субклада C-M407 [Malyarchuk et al. 2016; Huang et al. 2018; Wu et al. 2020], констатируют генетические связи между калмыками, бурятами, баргутами и монголами в разрезе данной предковой линии, даже предполагается связь с древними ойратами [Huang et al. 2018: 658, 661], но фактические обстоятельства ее распространения в монголоязычных популяциях для них остаются неясными [Wu et al. 2020: 828].

В этой связи вспомним, что в калмыцких летописях западные буряты, настойчиво указываемые в составе дербен-ойратов, обозначаются как «баргу бураты», «баргу / барга и бурят» [Лунный свет 2003: 84, 127, 142], причем последние слова вкладываются Батур-Убаши Тюменем в уста могущественного хошутского Очирту-Цецен-хана. П. С. Паллас же, лично побывав в калмыцких кочевьях во второй половине XVIII в., сообщает, что «*общепризнанная традиция самых сведующих калмыков*» под «дурбэн-ойратами» подразумевает и называет — «элёт (*Oelöt*), хойт (*Choit*), тумэт (*Tümmüt*) и баргу-бурят (*Barya-Burät*)» (цит. по: [Санчиров 1990: 70]).

В итоге в ойратском (калмыцком) этноисторическом нарративе фиксируется присутствие лексем-этнонимов (и, очевидно, предковых компонент) «барга / баргу» и «бурат / бурят» (отметим, что тут актуализируется вопрос об эволюции этнонима «ойрат», который в силу обширности и сложности требует рассмотрения в отдельной работе).

В свете констатируемой генетической близости бурят и баргутов [Malyarchuk et al. 2016: 493–494], их генеалогических взаимосвязей от Барга-батора [Цыбенков 2016: 43], а также устанавливаемой связи аллельной комбинации 11-11 по STR-локусу DYS385 с SNP-маркером C-F8536 [Wu et al. 2020: 828] («цоросовский» субклад) — каковой является подветвью от преимущественно бурятско-баргутского же C-F8465 (C-F10378; монгольская C-M407 доминирует именно у западных бурят и баргутов, составляя до 73,9 % и 55,3 % протестированных мужчин, соответственно [Харьков и др. 2014: 206; Malyarchuk et al. 2016: 492]) — возникает возможность отождествления последнего с вышеозначенными лексемами, причем преимущественно с «барга / баргу» (баргуты), каковые в форме «Бархун / Barqun» [Румянцев 1962: 139, 143] указываются в «Сокровенном сказании монголов» рядом с бурятами же и ойратами в разделе о покорении Джучи лесных племен Баргуджин-Токума [Козин 1941: 174, 293]. Баргуты многократно упоминаются Рашид ад-Дином в составе племен Баргуджин-Токума [Рашид ад-Дин 1952: 121–122]. В пользу исторического приоритета «барга / баргу» говорит и тот факт, что согласно бурятскому этногоническому мифу Бурядай указывается как второй сын Баргу-батура (наряду со старшим Олидаем и младшим Хоридаем), который таким образом стоит во главе легендарной генеалогии бурят [Коновалов 2016: 4, 7]. Вновь подчеркнем, что в калмыцких источниках этот компонент в соответствующих словосочетаниях также указывается на первом месте (см.: [Лунный свет 2003: 84, 127, 142]).

Г. О. Авляев отмечает, что известный миф о происхождении чоросов (его варианты) фиксировался не только среди калмыков и ойратов, но и среди западных бурят [Авляев 2002: 200]. С. П. Балдаев, проводя параллели в родовых номенклатурах эхиритов и волжских дербетов, булагатов и торгутов, добавляет, что фольклор калмыков, теленгутов и западных бурят *«имеет очень много сходства»*, а *«в героическом эпосе сюжеты и характеристики героев, поэтические приемы сказителей сходны до тождества»* [Балдаев 1970: 25]. Об общих чертах материальной и духовной культуры западных монголов (современных ойратов), бурят и южных алтайцев сообщила К. В. Вяткина [Вяткина 1964]. Д. Банзаров, вслед за И. Я. Шмидтом [Geschichte der Ost-Mongolen 1829: 380], не исключает возможности былого пребывания «в ойратстве» баргу-бурят и киргизов [Банзаров 1955: 183]. Данный вывод о тесных связях ойратов, бурят и киргизов Енисея в начале XIII в. (так что происходит замена этнонимов при реконструируемом тождестве дат, мест, событий и имен действующих лиц) авторы делают по поводу сообщения Саган Сэцэна в «Эрденийин тобчи», согласно которому один из подчинившихся Чингис-хану вождей, поднесший ему сокола из Прибайкалья, именуется «ойрат-бурятским» [Эрдэнийн товч 2006: 65; Geschichte der Ost-Mongolen 1829: 75]. «Ойрат-бурятским» назван и Гуйлинчи Багатур [Эрдэнийн товч 2006: 112; Geschichte der Ost-Mongolen 1829: 155], которого «Шара туджи» называет уже «харьятским» / qariyad-un [Шара туджи 1957: 144; Желтая история 2017: 162], однако словом этим летопись характеризует ойратов вообще («dörben

oyirad gegči qariyaд» [Желтая история 2017: 216]) в значении «подчиненный, зависимый [народ]» [Санчи́ров 1990: 51] (хотя не исключаем вариант ‘чужие, чужаки’ от *qari* [ЭСМЯ 2018: 36]), а притяжательный аффикс подразумевает, что лексема обозначает некое подразделение внутри ойратов («Соломоново решение» тут озвучивается А. Д. Цендиной: «Возможно, харияд — это бурятский род» [Желтая история 2017: 119], — хотя и такая интерпретация не снимает декларируемой для них Саган Сэцэном «зонтичной» ойратской идентичности в рассматриваемом эпизоде). Наконец, на то, что «наиболее тесные отношения бурят были с ойратским племенем торгут или торгоут», каковые выражены в образах Барга-батура и его старшего сына Илюдэр-Тургэна (он же Илюдэр-Торгут, Илюта-Тургут, Илют-Торгут), указывает Г. Н. Румянцев [Румянцев 1962: 172].

В этой связи трудно удержаться и от приведения следующих слов И. Э. Фишера: «Буряты происходят от древних монголов, но они сами себя причитают более к калмыкам, нежели к монголам» (цит. по: [Митиров 1998: 48]).

3.2. ... — чорос>

Калмыцкие историки Габан Шараб (XVIII в.) и Батур-Убаши Тюмень (XIX в.), следуя общей традиции с историей о сироте-найденныше, этимологизируют название рода цорос (чорос) от калмыцкого *цорh* ‘перегонная (винокурная) труба’ [Лунный свет 2003: 88, 133]. От слова же *цорго* (мн. ч. *цоргос*) выводит происхождение данного этнонима и А. Очир [Очир 2016: 244].

В. П. Санчи́ров склонен различать в нарративах указанных калмыцких летописцев «враждебное отношение к джунгарам» [Письменные памятники 2016: 246] и — вслед за Г. Й. Рамстедтом и А. Ш. Кичиковым — полагает, что гипотезы о происхождении этнонимов *ойрат* / *ойрад* и *цорос* / *чорос* «без учета тюркского наследия в военно-политической организации древних ойратов выглядят неубедительными» [Санчи́ров 2013: 47]. Отметим, что при внимательном рассмотрении самих этих двух терминов, «восходящих к периоду не позднее XII в.», указанный автор заключает «о наличии тюркского компонента в этногенезе древних ойратов» [Санчи́ров 2013: 47]. Обращаясь к киргизскому эпосу «Манас» и «Киргизско-русскому словарю» К. К. Юдахина, А. Ш. Кичиков трактует *чоро* как ‘сподвижник богатыря’, проводя параллель с сочетанием *кырк чоро* — ‘сорок сподвижников богатыря Манаса’ [Санчи́ров 2013: 47]. Г. Й. Рамстедт на материалах киргизского же языка возводит *чорос* к значению ‘сын богатыря, богатырь’, отмечая при этом близость родовых легенд монголоязычных цоросов и тюркоязычных кипчаков в части происхождения из «дупла дерева» или «пустого дерева», закрепляемую на уровне этнонимии [Рамстедт 1909: 556]. На киргизском происхождении термина настаивает и Г. О. Авляев, интерпретируя его как ‘богатырь, витязь’ и высказывая на том основании мнение о тюркском (т. е. внешнем, «оруд улс») происхождении цоросов в ойратской среде [Авляев 2002: 200]. Сам В. П. Санчи́ров возводит термин «к древнетюркской титулатуре, где он прилагался к представителям знати, стоявшим во главе племени во времена Тюркского и Уйгурского каганатов (VI–IX вв.)» (см., например: [Кляшторный, Савинов 2005: 93; Васютин, Дашковский 2009: 250]), но предполагает, что таковой был ойратами заимствован и «к концу XIV в. у них ... приобрел четко выраженное этническое значение, превратившись в этноним путем прибавления окончания множественного числа» [Санчи́ров 2013:

48]. Таким образом, лексема *чоро* — наряду со значением ‘богатырь’ и смежными коннотациями — несет в себе и семантическую компоненту ‘правитель’. Действительно, в современном узбекском языке слово *чор* трактуется как ‘царь, царский’ [Узбекско-русский словарь 1959: 527]. Наконец, на значения ‘титул (звание) главы племени’ настаивает и Н. В. Екеев, уточняя, что носители такового возглавляли племена, занимавшие территории Южного Алтая и северной части Джунгарии [Екеев 2008: 39], а это в свою очередь помогает в числе прочего актуализировать древние (вероятно, домонгольские) связи предков носителей этнонима «чорос / чорос» с указанными регионами.

В этой связи также имеет смысл в первом приближении отметить устойчивое бытование сочетаний лексем со значением ‘сорок’ и ‘богатырь; правитель, хан’ в тюрко-монгольских этнокультурных (и этноисторических) нарративах: *кырк чоро* ‘сорок чоро ... ближайших сподвижников главного эпического богатыря [Манаса]’ [Киргизско-русский словарь 1965: 868] (кыргызский эпос «Манас») и *дочн хаани нутг* ‘страна сорока ханов’ (эпитет страны Бумбы, где в образах богатырей-сподвижников Джангара Богдо преимущественно выступают правители феодальных уделов, а не рядовые воины [Биткеев 1990: 31]; калмыцкий эпос «Джангар»). На наш взгляд, в свете последнего, а также с учетом типологической близости образов указанных эпических лидеров можно уточнить значение первого словосочетания как ‘сорок [подвластных] богатырей-феодалов’. Вероятно, сходный мотив можно разглядеть и в имперской формуле монголов «зебтей дечин... дербен хари» (см., например: [Лунный свет 2003: 127; Желтая история 2017: 86, 165]), призванной характеризовать их положение в отношениях с ойратами.

3.3. ...> *багатуд*

Тюркская основа *чоро* выступает эквивалентом монгольского *bayatur* (халх., бур. *баатар*, калм. *баатр* и т. д. ‘богатырь, витязь, герой’) [ЭСМЯ 2015: 67], полностью совпадающего по форме с древнетюркским титулом [ДТС 1969: 77].

Сумма же приведенных выше данных генетики, историографии, этнографии и лингвистики позволяет реконструировать монгольскую форму соответствующего этнонима ойратов как «[барга-]багатуд». Это в свою очередь позволяет связать его с именем легендарного Барга-батара бурятских этногенетических нарративов и интерпретировать как «богатыри [племени] барга» либо даже — «потомки Барга-батара».

Отметим, что *багатуд* / *баатуд* повсеместно упоминаются как одно из племен ойратов как в монгольских [Желтая история 2017: 216; Алтан товч 2006: 241; Эрдэнийн товч 2006: 127], так и в калмыцких источниках [Лунный свет 2003: 84, 127], причем в «Шара туджи» баргу, багатуд и хойд указываются в составе одного ойратского поколения («*nigen-i baraγu bayatud (q)oyid*») [Желтая история 2017: 216]), а более поздние калмыцкие источники уже выделяют «*баргу буратов*» / «*баргу и бурят*» в отдельный (третий) «род» / «тюмен», но продолжают указывать хойтов и батудов в рамках одного (второго) подразделения (см.: [Лунный свет 2003: 84, 127]).

В связи с «баргу буратами» можно привести сообщение Г. Тубшинными: «С XIV в. название *баргу* ... перестает появляться в исторических источниках, оно стало подразумеваться внутри названия *бурят* ... *буряты* стали об-

щим этническим названием для баргу и бурят» [Тубшиннима 2008: 129–130]. Авторы примечаний к последнему источнику Д. Д. Нимаев и Л. Б. Бадмаева считают, что «вопрос о взаимоотношениях названий *баргу* и *бурят* ... требует очень обстоятельного рассмотрения и углубления в суть большой и спорной проблемы этногенеза», но указывают «на правомерность сближения, а то и отождествления названных имен» [Тубшиннима 2008: 181]. Действительно, по рассмотрении монгольских «Шара туджи», «Алтан тобчи» Лубсан Данзана и «Эрдэнийин тобчи» Саган Сэцэна [Желтая история 2017; Алтан товч 2006; Эрдэнийн товч 2006] мы не находим упоминаний племенного имени «барга» (и однокоренных к нему слов) в описании событий, кроме эпохи Чингис-хана, а также случаев упоминания Баргуджин-Токума и Баргуджин-Гоа (исключениями тут могут быть — имя Баргу-дайчина из тумена Юншэбу около 1577 г. [Эрдэнийн товч 2006: 147] и название отока Барагуд, чей представитель Сайн Сайхан прикрыл Мандухай-хатун после ее падения с коня во время битвы с ойратами [Алтан товч 2006: 261]).

Однако вернемся к багатурам / баутурам. В 1640 г. на съезде удельных князей и религиозных деятелей в Джунгарии был принят свод монголо-ойратских законов «Их цааз» («Великое уложение»), ойратский текст которого сохранился до нашего времени только у волжских калмыков [Санчилов 2009: 15–16]. Примечательно, что из почти двухсот статей «Уложения» уже в третьей упоминаются искомые нами баутуды, а именно: «Начиная с года огня-змеи [1618] по год земли-дракона [1628] баргуты, батуты и хойты, находившиеся в Монголии, остаются у ойратов. Всех лиц, кроме тех [названных], без задержки передавать друг другу...» [Их цааз 1981: 14]. За сухими формулировками законодательного документа кроется трагедия рассказывания (либо жестоких попыток такового) указанных «древних» ойратских родоплеменных групп [Санчилов 1990: 70–71], ставших объектами феодальных притязаний поднявшихся к вершинам власти аристократов «новых» ойратских (и отчасти халхасских) этнополитических объединений. В итоге, по заключению В. П. Санчилова, из первых «сохранились в качестве более или менее консолидированной этнической группы, да и то попавшей в зависимость к дэрбэтам, лишь одни хойты» [Санчилов 1990: 52–53].

В этой связи отметим, что Г. О. Авляев последовательно настаивает на «баргутском» происхождении волжских торгутов-багутов с учетом трансформации *баргут* > *багут* «вследствие выпадения звука *р* в калмыцком произношении» при соответствующем отождествлении терминов *баргут* и *баргу-бурят* [Авляев 2002: 53, 54, 111, 113 и т. д.] и этимологизации от *барагун* (или *барун*) ‘западный фланг’ [Авляев 2002: 53, 55]. Автор настоящей работы располагает по меньшей мере одним зафиксированным устным (и письменным) свидетельством представителя калмыков-багутов о бурятском происхождении своей мужской предковой линии [ПМА 2024: Инф. 1]. По сообщениям А. Г. Митирова, Багутовский улус при Аюке-хане состоял из пяти тысяч кибиток [Митиров 2002: 84], а по передаче его сыну Церен-Дондуку насчитывал уже от шести до восьми тысяч домохозяйств [Митиров 2002: 14] и в военное время выставлял войско численностью до двух тысяч ратников [Митиров 1998: 149], таким образом, образуя почти одну шестую торгутского населения Калмыцкого ханства во второй трети XVIII в. (при расчетной численности последнего в 55 тыс. кибиток с учетом 4 тыс. кибиток дербетов [Очилов 2007: 165]).

Комментируя перевод абзаца «Шара туджи» с упоминанием ойратов-багатуов Н. П. Шастиной [Шара туджи 1957: 99, 159], В. П. Санчилов указывает на необоснованное расчленение сложного этнонима *barayū bayatud* («так что получилось два этнонима — „Барагу“ и „Багатут“») и предлагает свой вариант перевода: «...Один из них Барагу-багатут и Хойт — вот четыре тумэна ойратов» [Санчилов 1990: 51]. Вероятно, вывод о сложносоставной природе указанного этнонима автор вполне резонно делает в связи с тем, что в монгольском тексте большинство как предшествующих, так и последующих относительно лексемы *barayū* этнонимов имеют формант множественного числа *-(u)d* [Шара туджи 1957: 99; Желтая история 2017: 216]. Однако тут встает вопрос относительно размещенной тут же фразы *jegün yar dörbed* [Желтая история 2017: 216], которую, следуя заданной грамматикой логике, следует переводить уже как «зюнгаро-дербеты» либо — с учетом лексического смысла — «дербеты [в составе / из] левого фланга / крыла». Это в свою очередь актуализирует предложенный Г. О. Авляевым вариант этимологизации самого слова *баргут* от *баргун* ‘правый [фланг]’ [Авляев 2002: 53, 55] и, соответственно, не исключает вариант перевода *barayū bayatud* как «багатуды [в составе / из] правого фланга / крыла». Тут отметим, что С. Д. Дылыков, как и Н. П. Шастина в своем переводе вышеозначенной третьей статьи «Их цааз», также выделяет три этнонима («баргуты, батуты и хойты» [Их цааз 1981: 14]) вместо двух и даже добавляет к первой лексеме отсутствующий в данном фрагменте на языке оригинала формант множественного числа *(-m* в русской вокализации). При этом первые две лексемы морфологически тождественны таковым из «Шара туджи» в транслитерациях как ойратского, так и реконструированного монгольского текстов: «*barayū baatud qoid*» [Их цааз 1981: 43] и «*barayū batud qoyid*» [Их цааз 1981: 54] соответственно.

Краткие, но весьма ценные сведения об ойратах-багатудах получаем мы из «Эрдэнийн тобчи» Саган Сэцэна. Источник сообщает, что ойраты эпохи Эсена-тайши делились на правое и левое крылья-фланги, будучи возглавляемы Алаг-чинсангом («*oyirad-un barayūn yar-un alay čingsang*») и Тёмёр-чинсангом соответственно [Эрдэнийн товч 2006: 119; *Geschichte der Ost-Mongolen* 1829: 168–169]. Далее по тексту уточняется: «*oyirad bayatud-un bayarxan [?d] otoγ-un alay činsang*» [*Geschichte der Ost-Mongolen* 1829: 182] — «Алаг-чинсанг из отока багархан ойрат-багатудов»¹. Не углубляясь тут в драматические события истории, отметим следующее: 1) багатуды, действительно, входили в (и даже возглавляли) правое крыло ойратов — *barayūn yar*; 2) среди багатудов имелся влиятельный отог *bayarxan* (ср. совр. монг. *багаргун* [Эрдэнийн товч 2006: 127]); лексема *bayarxan* при характерном для монгольских языков выпадении *γ* в интервокальной позиции дает форму *baarxan*, что станет подспорьем в интерпретации значимых аспектов исторической этнографии цоросов / чоросов.

3.4. ... түмэт / тумат — ойрат?

В связи с последним вопросом рассмотрим еще один немаловажный исторический аспект. «Шара туджи» подтверждает, что на Эсена-тайши напали Алаг и Чинсан («*alay čingsang qoyar*» [Желтая история 2017: 168]) из правого крыла ойратов, но на этом данные о первом исчерпываются. Сообщения «Алтан тобчи» Лубсан Данзана тут несколько пространнее: глава правого крыла именуется

¹ Перевод наш. — С. Д.

Алаг Тэмүр-чинсангом, а глава левого — Хатан Тэмүром [Алтан тобчи 1973: 270; Алтан товч 2006: 251]. В связи с личностями этих двух приведем следующее сообщение Лубсан Данзана же: отцом Мандухай-хатун назван «Тэмүр-чинсанг из рода чорос из түмэтских энгүдов» (выделение наше. — С. Д.)» [Алтан тобчи 1973: 273]. Вспомним, что Мандухай-хатун изначально была младшей супругой («бага хатан нь ... Мандухуй сэцэн хатан» [Эрдэнийн товч 2006: 123]) чингизида Мандугули / Мандугул-тайджи (впоследствии — хагана), который приходился внуком Элбэг-хагану, младшим братом Дайсун-хагану и Нагбарджи-джинону, младшим дядей Харгацуг-тайджи (сыном последнего от брака с дочерью Эсена Сэцэк был Баян Мункэ [Шара туджи 1957: 144–146] — отец могущественного Даян-хана, ставшего вторым супругом Мандухай-хатун). Вполне логично, что верный до поры сподвижник, племенной лидер и военачальник Эсена-тайши [Алтан тобчи 1973: 262–263] на правах кровного родства получил бы возможность через брак дочери породниться с представителем младшей ветви правящего дома.

Это, на наш взгляд, один из примеров того, как до последнего времени в официальном дискурсе связанные с ойратами исторические сообщения не получали должного внимания (и осмысления), что, вероятно, определялось заданными историческими обстоятельствами и официальной исторической же повесткой. В итоге лакуны и противоречивые толкования продолжают бытовать в устоявшихся, а потому во многом «незыблемых», конструктах и рефреном звучать уже в современных исследовательских нарративах. Пересмотр с целью восполнения первых неизбежно повлек бы корректировку последних, и в отношении политики, фактически прекратившей свое существование как самостоятельный субъект без малого три века назад, таковой был не нужен (и едва ли возможен) в обозримом прошлом. Попытки дойти до исторической истины, безусловно, внесут определенные уточнения в выводы предшествующих исследований (что соответствует логике развития научного знания вообще), но помогут разрешить немало противоречий исторического характера, остающихся таковыми, на наш взгляд, именно в связи с произвольным (или наоборот) обходом темы вклада ойратов в этнополитические процессы на просторах Евразии в целом — и Центральной (а также Внутренней) Азии в частности.

Рассматривая указанное сообщение Лубсан Данзана о происхождении отца Мандухай-хатун «из рода чорос» в переводе Н. П. Шастиной [Алтан тобчи 1973: 273; см. выше], осуществленном ею на основе изданий летописи с привлечением фотокопии обретенной в 1926 г. рукописи [Алтан тобчи 1973: 12–13, 44], необходимо констатировать, что полный текст (транслитерация) последней на исходном языке опубликован не был, а даже к наиболее подробному изданию 1937 г. у исследователя-переводчика были серьезные вопросы в связи с множеством выявленных ею при сверке с оригиналом «небрежностей» и «недостатков» [Алтан тобчи 1973: 15]. В числе последних отмечается и «раздельное написание некоторых слов, написанных слитно в подлиннике, и наоборот...» [Алтан тобчи 1973: 15]. В нашем случае данное обстоятельство, безусловно, должно усугубляться тем, что в самой рукописи «особенно много неправильностей и искажений имеется в написании собственных имен и названий» [Алтан тобчи 1973: 14]. Вместе с тем необходимо отметить, что в современном монгольском издании «Алтан тобчи» изучаемый отрывок («Түмэдийн Энгүд отгийн Чоросбий / Цоросбай, хөр. / Төмөр чинсан» [Алтан товч 2006: 254]) вполне соответ-

ствуется таковому из «Эрдэнийн тобчи» («Энгүдийн Чорогбайтөмөр чинсангийн охин» [Эрдэнийн товч 2006: 123]), в том числе издания 1829 г. («*čoroybai temür čingsang*», «*die Tochter des Tsorokbai Temur Tschingsang der Engkud*» [Geschichte der Ost-Mongolen 1829: 174–175]). Относительно буквы *s* в конце слова в тексте рукописи «Алтан тобчи» Н. П. Шастина отмечает ее повсеместное написание (кроме нескольких случаев) в усеченной форме, «что ... наблюдается во многих средневековых списках» [Алтан тобчи 1973: 14]. Добавим, что в русском переводе анонимной «Алтан тобчи» Галсана Гомбоева (рукопись найдена членами Русской духовной миссии в Пекине [Савельев 1858: V]) в данном предложении первая часть имени почему-то отсутствует вовсе («*тумутский Тэмурь-Джинсонъ изъ рода Ингигуть*» [Алтанъ-Тобчи 1858: 175]), но фиксируется в опубликованном монгольском тексте в форме *čorosbu[o]i* [Алтанъ-Тобчи 1858: 82]. Таким образом, получаем вариант «Чоросбай (Цоросбай) Тэмүр-чингсанг».

Указанная лексема, очевидно, разбивается на компоненты «чорос» и «бай», причем последняя определенно звучит непривычно в монголоязычном нарративе применительно к монголоязычному роду-племени, но тут отметим, что имена целого ряда представителей ойратской аристократии рассматриваемого периода включали мусульманские и / или тюркские элементы: Бэгэрсэн < Бэг-Арслан [История Калмыкии 2009: 198], Ибарай < Ибрахим [Китинов 2024: 166], Махаму < Махмуд = Батула-чинсанг [История Калмыкии 2009: 181; Алтан тобчи 1973: 260], Абдула Сэчэн [Шара туджи 1957: 145] и т. д. Вспомним, что *чурасы* фиксировались как «род», «аймак», «народ» и даже «туман» в истории Могулистана не позднее середины XIV в.: «этот род входил в правое крыло и был достаточно могущественным и многочисленным» [Акимушкин 2010: 18]. В войсках Хайду, бывшего фактическим правителем Могулистана как восточной части государства Чагатаидов, присутствие ойратов отмечалось по меньшей мере с 1260-х гг., после поражения коалиции Ариг-Буки в войне с Хубилаем [История Калмыкии 2009: 161]. Наконец, Р. А. Абдуманапов и Ж. М. Сабитов сообщают о пребывании племен *дурбат* (в имени которого авторы усматривают связь с ойратами-дорбетами / дербетами / дёрвёдами) и *нукуз* (*чинос*) в составе улуса Ильчикдай империи Тамерлана [Абдуманапов, Сабитов 2024: 470–471], причем представители указанного улуса составляли значительную часть (а на отдельных этапах — «подавляющее число») административной элиты государства эмира Тимура [Абдуманапов, Сабитов 2024: 467].

Под «энгүдами» тут, очевидно, понимаются онгуды / онгуты (в огласовке К. Этвуда *önggüd* [Atwood 2004: 342]), чьи предки тюркского происхождения последовали за Чингис-ханом, были допущены к матримониальным союзам с его потомками (ханами и нойонами монголов вообще), но в итоге еще в XIII в. рассеялись и, по словам А. Очира, «перестали существовать как самостоятельное племя, сохранив только свое название» [Очир 2016: 133–134]. Последнее замечание, на наш взгляд, нивелирует в их отношении аспект этничности и актуализирует аспект статусности в причастности (даже формальной) к указанной группе, прежде всего с учетом их устоявшегося положения как сватов-*quda* чингизидов и в свете собственно этимологизации этого имени от китайского 王 *wang* ‘ван, князь, царь и т. д.’ [Очир 2016: 135; КРС 1952: 32; Владимирцов 2002: 292]. Таким образом, под «түмэтскими энгүдами» теоретически можно понимать группу не столько субэтническую, сколько элитарную вообще (*ongliyud* ‘относящиеся к

„ванам“...’ > *ongniyud* > *ongyud* [Владимирцов 2002: 289, 292, 294]), особенно с учетом того, что слово ‘отог’ обозначает административно-территориальное (феодалное княжество), а не родоплеменное образование [Златкин 1983: 50].

Далее в связи с тўмэтами / туматами вспомним, что, по данным Рашид ад-Дина, это племя «ответвилось [от] родственников и ветви *баргутов*» (курсив наш. — С.Д.) [Рашид ад-Дин 1952: 122], причем под последними он подразумевал не только этнических баргутов, а совокупность племен баргут, кори, тулас и, соответственно, тумат, объединяя их по территориальному признаку — Баргуджин-Токуму, но заведомо не включая сюда проживавших там же ойратов, булагачинов, кэрэмучинов и др. [Рашид ад-Дин 1952: 121]. Данное сообщение Рашид ад-Дина вкупе с вышеозначенным сообщением Лубсан Данзана говорит в пользу устоявшихся связей туматов, баргутов и чоросов, позволяя в первом приближении обозначить туматов в составе ойратов как военно-политического объединения около середины XV в., что подтверждается историографическими данными: тумат / тўмэт указаны в ряду предковых ойратских поколений Батур-Убаши Тюменем [Лунный свет 2003: 127] и П. С. Палласом (цит. по: [Санчилов 1990: 70]). Вспомним, что по завоевании лесных народов Джучи и замирении восставших туматов правящая вдова вождя хори-туматов Ботохой была отдана ойратскому Худуха-беки [Козин 1941: 175], что могло подразумевать некую форму союза при доминирующем положении ойратов в связи с заявленной ими ранее Чингис-хану лояльностью, установленными с «золотым родом» брачными связями и посредничеством (хотя и неудачным) в разрешении вопроса [Козин 1941: 174–175]. К. И. Петров также заключает, что указанный брак послужил формальным основанием для передачи княжества хори-туматов в ведение ойратского Худуха-беки [Петров 1961: 45]. Тут лишь уточним, что переданы были скорее собственно туматы (что не противоречит сведениям Рашид ад-Дина об их «ответвлении», при параллельном указании им кори / хори в составе «баргутов» [Рашид ад-Дин 1952: 121–122; см. выше]), так как транслитерация текста упоминает хори-туматов лишь в связи с началом восстания, а сама Ботохой правила именно туматами [Pelliot 1949: 94; Козин 1941: 293–294]. Известная же инерция в растождествлении туматов / тўмэтов и ойратов, вероятно, проистекает из того, что со времени образования Даян-ханом Шести туменов Халхи [Atwood 2004: 410] имя это стало устойчиво употребляться (и ассоциироваться) в отношении восточных и южных монголов, будучи закреплено за ними блистательной эпохой побед «туметского» Алтан-хана [Златкин 1983: 63–64], в том числе над ойратами [Эрдэнийн товч 2006: 140].

Соответственно, в связи с отождествлением *чорос* и *багатуд*, их взаимным сближением с *баргу* / *барга* и *бурят*, летописным отнесением имени ‘баргут’ в том числе к *хори* и *тумат*, административно-территориальной сущностью понятия «оток», обстоятельствами заключения брака Мандухай-хатун с Мандугул-тайджи / хаганом — в образе отца Мандухай-хатун Тэмүр-чингсанга из «Алтан тобчи» вполне логично разглядеть фигуру одного из двух *ойратских* «Тэмүр-чингсангов», которые инициировали смуту против Эсена-тайши, движимые, скорее, сопротивлением централизации и становлению наследного характера его власти [Покотилов 1893: 84] (хотя факт выдачи дочери замуж за младшего брата хагана определенно не исключает и политических амбиций вельможного тестя), и напали на него, положив тем начало падению могущества ойратов.

В еще одном сообщении Лубсан Данзана указанный Хатан Тэмүр назван «ордосцем» [Алтан тобчи 1973: 263], что в отношении периода Нагбарджи / Абхарчин-джинона является анахронизмом, так как тут же указывается Нэкэй Тэмүр из «йёнгишийэбү», а данные лексемы суть наименования двух из «шести туменов Халхи», образованных лишь при Даян-хане [Atwood 2004: 410]. Недалеко от Ордоса же вокруг современного округа Хух-Хото и размещался энгүдский отог тўмэтов [Atwood 2004: 425], главы-джиноги Ордоса выступали в роли титульных лидеров Трех западных туменов (Ордос, Тумэд, Юншэбу) [Atwood 2004: 427, 505], а язык и народные обычаи в Ордосе по сию пору имеют сходство с ойратскими [Atwood 2004: 427]. Примечательно, что по наблюдению К. Этвуда термин *ordo* относился, скорее, к ставкам цариц-хатун, и таковых в ханском лагере могло быть множество, отчего употребляется форма множественного числа — *ordos* [Atwood 2004: 426]. Просвещенными выходцами-аристократами из до-цинского Ордоса были все те же Лубсан Данзан и Саган Сэцэн [Алтан тобчи 1973: 26, 40], в повествованиях которых не отмечается выраженных анти-цоросовских настроений, что может объясняться пониманием общности происхождения многих родов и подразделений ойратов и монголов. На драму забвения прервавшихся отношений между ойратами и тремя правыми (западными) туменами — со ссылкой на сообщения китайских историков монгольского и ойратского происхождения — указывают и составители «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней» [История Калмыкии 2009: 204]. На наш же взгляд, говорить нужно, скорее, о «перерыве» (хотя и длительном) в тех отношениях («динамический», если порой не «взрывной»), характер которых видится коренящимся в специфике кочевого уклада жизни), что будет рассмотрено в будущих работах.

Таким образом, из двух на роль искомого «Тэмүр-чингсанга» претендует, скорее, Хатан Тэмүр, а его этническая идентичность может быть реконструирована следующим образом: глава *левого* крыла ойратов — племени *тўмэт* — отока *энгүд* — кости *чорос* (чьи потомки с течением времени могли оказаться в тумене / регионе Ордос). Тут отметим, что, на наш взгляд, исторически тўмэты являлись, скорее, частью «правого крыла» в составе баргу-багатуров (что видно из приведенных сообщений Рашид ад-Дина), но могли быть перемещены Эсеном-тайши во главе с сородичем на левый фланг как раз для установления военно-административного контроля над этой частью ойратства. Также заключаем, что деление такое было во многом ситуативным и определялось текущей внешне- и внутривосточной обстановкой, собственно номенклатурой наличествующих племен и родов с их устоявшимися связями и противоречиями, симпатиями и антипатиями, исторической памятью и этнической (субэтнической) идентичностью, актуальными вызовами и задачами выживания, родственными и матримониальными связями, амбициями и устремлениями их лидеров и т. д.

Наконец, совокупность этих и летописных данных потенциально проливает свет на обстоятельства, сделавшие Мандухай-хатун столь яростной противницей ойратов: ненависть эту (а скорее просто политические амбиции) вместе с частью ойратского же войска (в составе туматов / тўмэтов) она унаследовала от вельможного ойрата-отца — несостоявшегося лидера союза, движимого жаждой власти (либо сохранения полноты таковой на племенном уровне) по праву общего с Эсеном происхождения из рода *чорос*. Возможно, именно с этим об-

стоятельством связано сообщение П. С. Палласа об исходе от ойратов не только элэтов / эгэлэтов, упоминаемом как калмыцкими [Лунный свет 2003: 84, 127], так и монгольскими источниками [Желтая история 2017: 216], но и туматов [Pallas 1776: 7]. На запутанный и далеко не всегда враждебный характер ойратско-монгольских отношений рассматриваемого периода (равно как отнюдь не всегда дружественными были таковые внутри самого ойратства [Китинов 2024: 166] в составе монгольско-тюркских племен Алтайско-Хангайского нагорья [Петров 1961: 150]) указывает, например, тот факт, что по завоевании Ордоса в 1483 г. Даян-хан и Мандухай-хатун в качестве тайши-управителей «монголов Желтой реки» последовательно назначают потомков Эсена [Atwood 2004: 410] — его сына Хорхуду [Кукеев 2008: 190] и внука Ибрахима (Ибарая) [Китинов 2024: 166].

3.5. Три сына

Дальнейшее изучение монгольских источников раскрывает нам этническую идентичность еще одного ойратского племенного вождя [Geschichte der Ost-Mongolen 1829: 489], военачальника и сподвижника Эсена-тайши: Абдула Сэцэн назван «тэлэнгутским» (*telenggüs-iin*) [Шара туджи 1957: 145; Желтая история 2017: 162–163; Эрдэнийн товч 2006: 113; Geschichte der Ost-Mongolen 1829: 155]. Ему летописи приписывают хитрость, благодаря которой Нагбарджи / Абхарчин-джинон отделился от Дайсун-хагана [Шара туджи 1957: 145; Желтая история 2017: 162–163; Эрдэнийн товч 2006: 113; Geschichte der Ost-Mongolen 1829: 155] и которую, очевидно, тексты восхваляют как «ловкость», в числе прочего ставшей важным вкладом в успех Эсена-тайши, так что он смог захватить «обе державы — и монголов, и ойратов» [Алтан тобчи 1973: 270]. Лубсан Данзан упоминает Абдулу Сэцэна в числе по меньшей мере семи сановников (включая уже упомянутых Алаг Тэмүра и Хатан Тэмүра), сопровождавших Эсена-тайши на встрече ойратов с монголами Дайсун-хагана [Алтан тобчи 1973: 262], но при перечислении летописцем заслуг племенных лидеров в деле возвышения Эсена в речах его визави упоминаются только трое — опять-таки Алаг Тэмүр («храбрость»), Хатан Тэмүр («твердое стремление») и Абдула Сэцэн [Алтан тобчи 1973: 270]. Учитывая, что первые два обозначаются как командиры флангов ойратского войска [Алтан тобчи 1973: 270], можно предположить, что и Абдула Сэцэн занимал достаточно высокую должность в военной иерархии. При описании данного эпизода в «Эрдэнийн тобчи» Саган Сэцэн приписывает Абдуле Сэцэну все ту же «ловкость / хитрость», а двумя другими качествами наделяются уже Батула Баатар («обман») и Ихитэй / Nigentai Мэргэн («алчность / активность») [Эрдэнийн товч 2006: 119; Geschichte der Ost-Mongolen 1829: 169].

Вспомним, что теленгуты дважды упоминаются в «Сокровенном сказании», причем оба раза в связи с тоолесами / tö'ölös [Козин 1941: 161, 175; Cleaves 1982: 147], а в позднее время первые указаны как оток численностью 4 тыс. кибиток в составе Джунгарского ханства [Бичурин 1834: 132]. Связь между этими же группами констатируется Л. П. Потаповым и Н. В. Екеевым, которые именно төлэсов и теленгутов (телеутов) называют предками современных алтайцев [Потапов 1966: 234; Екеев 2011: 30]. Далее, вслед за Л. П. Потаповым [Потапов 1969: 157], этноним «толёс / телес» отождествляется П. Б. Коноваловым и Д. В. Цыбикдоржиевым [Коновалов, Цыбикдоржиев 2017: 142–143] с этнонимом «тулас» из труда Рашид ад-Дина, который включает их в состав «баргутов»

Баргуджин-Токума наряду с собственно баргутами и кори по состоянию на XIII – начало XIV вв. [Рашид ад-Дин 1952: 121]. Развивая далее свое исследование на фольклорном и историческом материале, эти же два автора приходят к отождествлению терминов «өөлөд / олёт», «тулас / толёс», «сэгэнут» и отчасти даже «зунгар» [Коновалов, Цыбикдоржиев 2017: 140–145]. Наконец, с сэгэнутами (и смежными племенами), «вторым этнонимом которых сохраняется термин *олёт*», Б. З. Нанзатов связывает образ Оледая / Элюдэя / Илюдэр-мэргэна как персонифицированный этноним в ряду базовых компонент бурятского народа — в рамках соответствующего этногонического мифа о Барга-батаре и трех его сыновьях [Нанзатов 2016: 102].

В целом соглашаясь с указанными исследователями, констатируем, что — с учетом приводимых выше данных о племенном и военно-административном составе ойратов, их лидерах — соответствующие персонажи рассматриваемого этногенетического нарратива структурно отождествимы не только с собственно бурятскими предковыми группами периода XVI–XVIII вв. [Зориктуев 2019: 84], но и с ойратством середины XV в., причем тут логично разрешается вопрос о верховенстве / старшинстве Барга-батара как «отце семейства»: чорос-багатуды (из этнических баргутов) во главе союза, а «баргуты» вообще представлены тремя лидерами трех племен Баргуджин-Токума — Алаг Тэмүр с его багатудами (соотносимы с этническими баргутами) во главе правого (барагун) крыла, Хатан Тэмүр с его туматами (соотносимы с хори) во главе левого крыла и Абдула Сэцэн с его теленгутами (соотносимы с толёсами). Для полноты «ойратской» картины, по П. С. Палласу (см: [Санчилов 1990: 70]), тут не хватает лишь хойтов, вопрос о которых требует отдельного детального разбора.

Забегая вперед, уточним, что автор не склонен включать современных баргутов и бурят в состав ойратов, но скорее имеет смысл говорить о баргутских корнях последних, а точнее — о развитии ойратства на своем раннем этапе в рамках некой общности в период около конца IX – начала X вв. (время активности четырех сыновей Дува-Сохора после их исхода от Добун-Мергана при расчетном периоде рождения этих двух около 840-х гг. [Джагунов 2023: 1553]) в условиях военно-политического доминирования этнически баргутского компонента [Коновалов, Миягашева 2012: 179–180], соотносимого со средневековым племенем байырку [Коновалов 2009: 355; Коновалов 2011: 24].

4. Заключение

Рассматриваемый этногонический миф о Барга-батаре вкупе с генетическими, историческими и лингвистическими данными позволяет реконструировать следующую последовательность событий:

1) ойратство, представленное потомством Дува-Сохора и его четырех сыновей, с X в. могло развиваться в составе Баргутского союза;

2) и, очевидно, оно выделилось из среды последнего как отдельный субъект во многом в связи с подъемом к вершинам власти рода Чингис-хана (на основании этногонического мифа Борджигинов о происхождении от Борте-Чино и Гоа-Марал по линии их потомка Добун-Мергана), чье непосредственное становление и союз с которым окончательно закрепили за термином «ойрат» привилегированный статус, нашедший выражение в характеристике Оледая как «старшего сына»;

3) при этом, по состоянию на XIII–XIV вв. насельники Баргуджин-Токума (баргут, кори и тулас) сохраняли приверженность зонтичному имени «баргут», но с падением Юань и последовавшими военно-политическими конфронтациями с конца XIV и в продолжение XV–XVI вв. они в лице чоросов-багатудов подчинили, а в дальнейшем частично ассимилировали собственно ойратов (вопрос о термине «ойрат», его эволюции и этноисторическом содержании будет рассмотрен дополнительно) и в силу политических причин восприняли самое их имя (очевидно, эта часть «ойратского баргутства» в основной массе своей сгинула в огне геноцида Джунгарского ханства);

4) вопрос старшинства в рамках рассматриваемого этногонического мифа (отец и три сына) весьма логично и последовательно разрешается в связи с ойратскими военно-политическими объединениями эпохи Эсена-тайши;

5) в итоге, сам Барга-батор приобретает черты вполне реального — хотя впоследствии забытого и потому мифологизированного — исторического персонажа: один из лидеров межплеменного союза, образовавшегося в ходе движения ряда групп на запад под «киданьским натиском» [Коновалов 2009: 355], чьи потомки около 1 000 лет назад [YFull.com: C-F10378] получили выраженное популяционное преимущество, а часть их в лице чорос-багатудов впоследствии заняла доминирующее положение в среде ойратов Джунгарии и на краткий период — даже во всем монгольском мире.

Полевые материалы автора

ПМА 2024: Инф. 1 — М. Э. Б., муж., 1965 г. р., *дойда багут > хо меркит* (г. Лагань, запись 2024 г.).

Field Data

Informant 1-2024: M. E. B., male, 1965, *Yasun Doida-Bagut > Kho Merkit*. Rec. in Lagan' (Republic of Kalmykia), 2024.

Источники

YFull.com: C-F10378 — C-F10378 [электронный ресурс] // YFull.com. URL: <https://www.yfull.com/tree/C-F10378/> (дата обращения: 20.02.2025).

ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. XXXVIII+678 с.

Киргизско-русский словарь 1965 — Киргизско-русский словарь. Около 40 000 слов / сост. К. К. Юдахин. М.: Советская энциклопедия, 1965. 973 с.

КРС 1952 — Китайско-русский словарь: ок. 65 000 слов и выражений / под ред. И. М. Ошанина. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1952. 889 с.

Узбекско-русский словарь 1959 — Узбекско-русский словарь. Свыше 40 000 слов / под. ред. С. Ф. Акабиров, А.

Sources

C-F10378. On: YFull.com. Available at: <https://www.yfull.com/tree/C-F10378/> (accessed: 20 February 2025). (In Russ.)

Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. XXXVIII+678 p. (In old Turk. and Russ.)

Yudakhin K. K. Kirghiz-Russian Dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1965. 973 p. (In Kyrgyz & Russ.)

Chinese-Russian Dictionary: Appr. 65 000 Words and Expressions / I. . Oshanin (ed.). Moscow: State Publ. of Foreign and National Dictionaries, 1952. 889 p. (In Russ. & Chin.)

Akabirov S. F., Magfurov Z. M., Khodzhaev A. T. (eds). Uzbek-Russian Dictionary. Over 40 000 words. Moscow:

- З. М. Магфурова, А. Т. Ходжаханова. М.: Гос. изд-во иностр. и национальных словарей, 1959. 839 с.
- ЭСМЯ 2015 — Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. I. А–Е. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
- ЭСМЯ 2018 — Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. III. Q–Z. М.: ИВ РАН, 2018. 240 с.
- State Publ. of Foreign Languages and National Dictionaries, 1959. 839 p. (In Uzbek & Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of the Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev et al. (eds.). Vol. 1: A–E. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2015. 224 p. (In Mong. & Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of the Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev et al. (eds.). Vol. 3: Q–Z. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2018. 240 p. (In Mong. & Russ.)

Литература

- Абдуманатов, Сабитов 2024 — Абдуманатов Р. А., Сабитов Ж. М. Улус Ильчикдай в империи эмира Тимура // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 3. С. 464–475. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-464-475
- Авляев 2002 — Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд., перераб. и исправл. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.
- Акимускин 2010 — [Акимускин О. Ф.] Сведения об авторе // Шах-Махмуд Чурас. Хроника / критическ. текст, перев., коммент., исслед. и указат. О. Ф. Акимускина. 2-е изд. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. С. 17–52.
- Алтан тобчи 1973 — Лубсан Данзан. Алтан Тобчи (= Золотое сказание) / пер. с монг., введ., коммент. и прилож. Н. П. Шастиной. М.: Наука, ГРВЛ, 1973. 440 с.
- Алтан товч 2006 — Лувсанданзан. Алтан товч / монгол бичгээс хөрвүүлж, оршил бичиж, харгуулан тайлбар хийсэн Ш. Чоймаа; эрхлэн хэвлүүлсэн А. Цанжид. Улаанбаатар: Соёмбо Принтинг ХХК, 2006. 295 х.

References

- Abdumanapov R.A., Sabitov Zh.M. Ilchikdai Ulus in the Empire of Amir Timur. *Oriental Studies*. 2024;No. 17(3), Pp. 464–475. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-464-475
- Avlyayev G. O. The Origin of the Kalmyk People. 2nd ed. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 325 p. (In Russ.)
- Akimushkin O. F. Information about the Author Shah-Mahmud Churas. Chronicle. O. Akimushkin (critical. text, transl., comm., research. and specif.). 2nd ed. St. Petersburg: St. Petersburg Linguistic Society, 2010. Pp. 17–52. (In Russ.)
- Lubsan Danzan. Altan Tobchi (The Golden Legend). N. Shastina (transl. from Mong., intro., comm. and an appendix). Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 1973. 440 p. (In Russ.)
- Luvsandanzan. Altan товч Sh. Choimaa, A. Tsangid. Ulaanbaatar: Soyembo, 2006. 295 p. (In Mong.)

- Алтань-Тобчи 1858 — Алтань-Тобчи. Монгольская летопись, в подлинном тексте и переводе с приложением калмыцкого текста Истории Убаши-Хунтайджия и его войны с ойратами. Перевод ламы Галсана Гомбоева (Труды Восточного отделения Императорского археологического общества. Ч. VI). СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1858. XIV+234 с.
- Алтан-Тобчи. The Mongolian Chronicle, in the Original Text and Translation, with an Appendix of the Kalmyk Text of the History of Ubashi-Khuntajiya and his War with the Oirats. Lama Galsan Gomboev (transl.) In: Proceedings of the Eastern Branch of the Imperial Archaeological Society. Part 4. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1858. XIV+234 p. (In Russ.)
- Балдаев 1970 — Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Ч. 1. Булагаты и эхириты. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 362 с.
- Baldaev S. P. Family Traditions and Legends of the Buryats. Part 1. Bulagats and Ekhirites. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1970. 362 p. (In Russ.)
- Банзаров 1955 — Банзаров Д. Собрание сочинений. М.: АН СССР, 1955. 373, [1] с.
- Banzarov D. Collected Works. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1955. 373, [1] p. (In Russ.)
- Биткеев 1990 — Биткеев Н. Ц. Калмыцкий героический эпос «Джангар»: проблемы типологии национальных версий. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 155 с.
- Bitkeev N. Ts. Kalmyk Heroic Epic “Dzhangar”: Problems of Typology of National Versions. Elista: Kalmykia Book Publ., 1990. 155 p. (In Russ.)
- Бичурин 1834 — Бичурин Н. Я. [Иакинф] Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени / сочинено монахом Иакинфом. СПб.: Тип. Медич. деп-та Мин-ва внутр. дел, 1834. 255, [13] с.
- Bichurin N. Ya. Iakinf Historical Review of the Oirats or Kalmyks from the 15th Century to the Present. Monk Iakinf (comp.). St. Petersburg: Medical Department of the Ministry of Internal Affairs, 1834. 255, [13] p. (In Russ.)
- Васютин, Дашковский 2009 — Васютин С. А., Дашковский П. К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Алт. ун-т, 2009. 400 с.
- Vasyutin S. A., Dashkovsky P. K. Socio-Political Organization of Central Asian Nomads of Late Antiquity and Early Middle Ages (Russian Historiography and Modern Research). Barnaul: Altai University, 2009. 400 p. (In Russ.)
- Владимирцов 2002 — Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов / редкол.: В. М. Алпатов (пред.) и др.; сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 2002. 557 с.
- Vladimirtsov B. Ya. Works on the History and Ethnography of the Mongolian Peoples. V. Alpatov (prev.) et al. G. Slesarchuk (comp.) Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 557 p. (In Russ.)
- Вяткина 1964 — Вяткина К. В. Общие черты материальной и духовной культуры у западных монголов, бурят и южных алтайцев // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 7. М.: Наука, 1964. С. 7–21.
- Vyatkina K. V. Common Features of Material and Spiritual Culture among Western Mongols, Buryats and Southern Altaians. In: Proceedings of the VII International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences. Moscow: Nauka, 1964. Vol. 7. Pp. 7–21. (In Russ.)
- Джагрунов 2023 — Джагрунов С. В. Дурбан, ойрат, сог-по: о Борте-Чино,
- Dzhagrunov S.V. Dörbän, Oirat, Sog-po: On Börtä-Čino, Qo’aï-Maral, and

- Гоа-Марал и началах ойратской исторической общности (в свете данных по субкладу Y-хромосомы R2a-M124 у калмыков) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 6. С. 1550–1561. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1550-1561
- Джагрунов и др. 2023 — Джагрунов С.В., Булуктаев А.А., Намысов Б.С., Мацакова Д.И., Саянов В.Т., Адьянова А.Б. Чонос, тайджиут, хашханер: в поисках общего знаменателя (по материалам Y-STR-гаплотипов R2a-M124 у калмыков) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 826–846. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-826-846
- Джагрунов, Булуктаев 2024a — Джагрунов С.В., Булуктаев А.А. Цорос, чорос, багатуд: к вопросу о происхождении цоросов (по материалам Y-STR-гаплотипов C2-F1067 у калмыков). Часть 1: дербеты // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 4. С. 835–848. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-835-848
- Джагрунов, Булуктаев 2024б — Джагрунов С.В., Булуктаев А.А. Цорос, чорос, багатуд: к вопросу о происхождении цоросов (по материалам Y-STR-гаплотипов C2-F1067 у калмыков). Часть 2: торгуты, зюнгары, бузавы // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 5. С. 1076–1095. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1076-1095
- Екеев 2008 — Екеев Н. В. К проблеме этнической истории ойротов-чоросов // *Мир Евразии*. 2008. № 2. С. 37–41.
- Екеев 2011 — Екеев Н. В. Проблемы этнической истории алтайцев (исследование и материалы). Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2011. 232 с.
- Желтая история 2017 — Желтая история (Шара туджи) / пер. с монг., транслит., введ. и коммент. А. Д. Цендиной. М.: Наука. Вост. лит., 2017. 406 с. (Памятники письменности Востока. CXLVII).
- Beginnings of the Oirat Unity (In Light of Data on R2a-M124 Y-STR Haplotypes of Kalmyks). *Oriental Studies*. 2023. No. 16(6). Pp. 1550–1561. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1550-1561
- Dzhagrunov S.V., Buluktaev A.A., Namysov B.S., Matsakova D.I., Sajonov V.T., Adyanova A.B. Chonos, Taichiud, Khashikhanar: In Search of a Common Denominator (With Evidence from R2a-M124 Y-STR Haplotypes of Kalmyks). *Oriental Studies*. 2023. No. 16(4). Pp. 826–846. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-826-846
- Dzhagrunov S. V., Buluktaev A.A. Tsoros, Choros, Bayatud: Discussing Origins of the Tsoros (with Evidence from C2-F1067 Y-STR Haplotypes of Kalmyks). Part 1: The Dorbet. *Oriental Studies*. 2024. No. 17(4). Pp. 835–848. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-835-848
- Dzhagrunov S.V., Buluktaev A.A. Tsoros, Choros, Bayatud: Discussing Origins of the Tsoros (With Evidence from C2-F1067 Y-STR Haplotypes of Kalmyks). Part 2: The Torghut, Dzungar, Buzav. *Oriental Studies*. 2024. No. 17(5). Pp. 1076–1095. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1076-1095
- Yekeev N. V. On the Problem of the Ethnic History of the Oirat-Choros. *The World of Eurasia*. 2008. No. 2. Pp. 37–41. (In Russ.)
- Yekeev N. V. Problems of Ethnic History of Altaians (research and materials). Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya Tipografiya, 2011. 232 p. (In Russ.)
- The Yellow Story (Shara Tuji) A. Tsendina (transl. from Mongolian, translit., intro. and comm.). Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 2017. 406 p. (Monuments of Oriental Writing. CXLVII). (In Russ.)

- Златкин 1983 — Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758) / отв. ред. Г. Д. Санжеев. 2-е изд. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. 331, [1] с.
- Златкин I. Ya. The History of the Dzungarian Khanate (1635–1758) G. Sanzheev (ed.). 2nd ed. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 1983. 331, [1] p. (In Russ.)
- Зориктуев 2019 — Зориктуев Б. Р. О названиях бурят, которыми они себя никогда не называли // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 79–87. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-4-79-87
- Zoriktuev B. R. On the Names of the Buryats, which they Never Called themselves. *Izvestiya Laboratory of Ancient Technologies*. 2019. Vol. 15. No. 4. Pp. 79–87. (In Russ.) DOI: 10.21285/2415-8739-2019-4-79-87
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. / отв. ред. К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.
- The History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day: in 3 vol. K. Maksimov, N. Ochirova (eds.). Elista: Gerel, 2009. Vol. 1. 848 p. (In Russ.)
- Их цааз 1981 — Их цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. / пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М.: Наука, ГРВЛ, 1981. 148 с.
- Ikh Tsaaz (“The Great Code”). Monument of the Mongolian Feudal Law of the 17th Century. S. Dylykov (trans., intro. and comm.). Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 1981. 148 p. (In Oir. and Russ.)
- Китинов 2024 — Китинов Б. У. Буддизм и религиозные деятели в истории четырех ойратов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИВ РАН, 2024. 626 с.
- Kitinov B. U. Buddhism and Religious Figures in the History of the Four Oirats. 2nd ed. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2024. 626 p. (In Russ.)
- Кляшторный, Савинов 2005 — Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ, 2005. 346 с.
- Klyashtorny S. G., Savinov D. G. Steppe Empires of Ancient Eurasia. St. Petersburg: Philologist. Faculty of St. Petersburg State University, 2005. 346 p. (In Russ.)
- Козин 1941 — Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Monggol-un niḡuča tobčīyan. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии / отв. ред. А. П. Баранников, предисл. Н. Н. Поппе. М.; Л.: АН СССР, 1941. 619 с. (Труды Института востоковедения Академии наук СССР. XXXIV).
- Kozin S. A. The Secret History of the Mongols: A Mongolian Chronicle of 1240 Titled “Monggolun niḡuča tobčīyan. Yuan chao bi shi”. Vol. 1. A Monument Research Introduction, Translation, Texts, Glossaries. A. Barannikov (ed.), N. Poppe (foreword). Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1941. 619 p. (In Russ. and Mong.)
- Коновалов 2009 — Коновалов П. Б. О калмыцко-бурятских этногенетических связях // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: Матлы Междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). В 2 ч. Ч. 1. Элиста: Джангар, 2009. С. 352–358.
- Kononov P. B. On Kalmyk-Buryat Ethnogenetic Relations. In: United Kalmykia in United Russia: through the Centuries to the Future. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 400th Anniversary of the Voluntary Entry of the Kalmyk People into the Russian State (Elista, September 13–18, 2009). In 2 parts. Part 1. Elista: Dzhan-gar, 2009. Pp. 352–358. (In Russ.)

- Коновалов 2011 — Коновалов П. Б. Об ойратско-бурятской этноисторической общности: историко-археологическое исследование // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2011. № 2. С. 20–32.
- Коновалов 2016 — Коновалов П. Б. Баргуджин-Тукум и этническая генеалогия бурят // Баргуты: история и современность: сб. науч. ст. / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2016. С. 3–15.
- Коновалов, Миягашева 2012 — Коновалов П. Б., Миягашева С. Б. К проблеме этногенеза баргутов // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 8. С. 174–182.
- Коновалов, Цыбикдоржиев 2017 — Коновалов П. Б., Цыбикдоржиев Д. В. Исторический Баргуджин-Токум — исконная родина бурятского народа // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 19. С. 129–150.
- Кукеев 2008 — Кукеев Д. Г. Ойраты в послеесеновскую эпоху до конца XVI в. // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2008. № 1. С. 187–197.
- Лунный свет 2003 — Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники: пер. с калм. / сост., ред., вступ. сл., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.
- Митиров 1998 — Митиров А. Г. Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.
- Митиров 2002 — Митиров А. Г. Истоки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 272 с.
- Нанзатов 2016 — Нанзатов Б. З. К вопросу о ранней этнической истории баргу-бурятской общности // *Oriental Studies*. 2016. Т. 9. № 1. С. 99–106. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-99-106
- Очир 2016 — Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и
- Kononov P. B. On the Oirat-Buryat Ethnohistorical Community: a Historical and Archaeological Study. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS*. 2011. No. 2. Pp. 20–32. (In Russ.)
- Kononov P. B. Bargujin-Tukum and the Ethnic Genealogy of the Buryats. In: *Barbuts: History and Modernity*. B. Bazarov (ed.). Irkutsk: Ottisk, 2016. Pp. 3–15. (In Russ.)
- Kononov P. B., Miyagasheva S. B. On the Problem of the Ethnogenesis of the Barguts. *Bulletin of the Buryat State University*. 2012. No. 8. Pp. 174–182. (In Russ.)
- Kononov P. B., Tsybikdorzhiev D. V. Historical Bargujin-Tokum — the Ancestral Homeland of the Buryat People. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology and Anthropology Series* 2017. Vol. 19. Pp. 129–150. (In Russ.)
- Kukeev D. G. Oirats in the “Post-Esen” Era until the End of the 16th Century. *Bulletin of the Caspian Region: Archaeology, History, Ethnology*. 2008. No. 1. Pp. 187–197. (In Russ.)
- Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Monuments: A. Badmaev (transl. from Kalm., comp., ed., intro., pref., comm.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. 477 p.: ill. (In Russ.)
- Mitirov A. G. Oirats — Kalmyks: Centuries and Generations. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 384 p. (In Russ.)
- Mitirov A. G. The Origins. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 272 p. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z. On the Question of the Early Ethnic History of the Bargu-Buryat Community. *Oriental Studies*. 2016. Vol. 9. No. 1. Pp. 99–106. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-99-106
- Ochir A. Ethnonyms of Mongols: Insights into Genesis and Ethnic Composition of

- этнического состава монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 286 с.
- Очиров 2007 — *Очиров У. Б.* Численность населения и этнический состав Калмыцкого ханства во второй трети XVIII в. // Монголоведение. 2007. Т. 4. № 1. С.160–171.
- Петров 1961 — *Петров К. И.* К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношения с ойратами в XIII–XV вв. Фрунзе: АН Киргизской ССР, 1961. 211, [1] с.
- Письменные памятники 2016 — Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков / сост., перев. со старописым. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 270 с.
- Покотиллов 1893 — *Покотиллов Д. Д.* История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1893. 242 с.
- Потапов 1966 — *Потапов Л. П.* Этноним *теле* и алтайцы // Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова. М.: Наука, ГРВЛ, 1966. С. 233–240.
- Потапов 1969 — *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев: историко-этнографический очерк. Л.: Наука, 1969. 196 с.
- Рамстедт 1909 — *Рамстедт Г. Й.* Этимология имени Ойрат // Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. XXXIV. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1909. С. 547–558.
- Рашид ад-Дин 1952 — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / пер. с перс. Л. А. Хетагурова; ред. и примеч. А. А. Семенова; отв. ред. С. П. Толстов. М.; Л.: АН СССР, 1952. 221 с.
- Румянцев 1962 — *Румянцев Г. Н.* Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 267 с.
- Mongolic Peoples. Elista: KIH (RAS), 2016. 286 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Population Size and Ethnic Composition of the Kalmyk Khanate in the Second Third of the 18th Century. *Mongolian Studies (Elista)*. 2007. Vol. 4. No. 1. Pp. 160–171. (In Russ.)
- Petrov K. I. On the History of the Kirghiz Migration to the Tien Shan and their Relations with the Oirats in the 13th–15th Centuries. Frunze: Academy of Sciences of the Kirghiz SSR, 1961. 211 p. (In Russ.)
- Sanchirov V. P. (comp., etc.) Seventeenth- and Eighteenth-Century Written Sources on Oirat History. Elista: KIH (RAS), 2016. 270 p. (In Oir. and Russ.)
- Pokotilov D. D. The History of the Eastern Mongols during the Ming Dynasty. 1368–1634. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1893. 242 p. (In Russ.)
- Potapov L. P. Ethnonyms and Altaian. In: *Turkological Collection. On the 60th Anniversary of A. N. Kononov.* Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura. 1966. Pp. 233–240. (In Russ.)
- Potapov L. P. Ethnic Composition and Origin of the Altaians: a Historical and Ethnographic Essay. Leningrad: Nauka, 1969. 196 p. (In Russ.)
- Ramstedt G. J. Etymology of the Name Oirat. In: *Collection in Honor of the 70th Anniversary of G. N. Potanin. Notes of the Russian Geographical Society, Department of Ethnography.* Vol. 34. St. Petersburg: V. F. Kirshbaum, 1909. Pp. 547–558. (In Russ.)
- Rashid al-Din. Collection of Chronicles. Vol. I. Book 1. L. Khetagurov (transl. from Persian); A. Semenov (ed., noted); S. Tolstov (ed.). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1952. 221 p. (In Russ.)
- Rumyantsev G. N. The Origin of the Khorinsky Buryats. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1962. 267 p. (In Russ.)

- Савельев 1858 — Савельев П. С. Предисловие // Алтанъ-Тобчи. Монгольская летопись, в подлинном тексте и переводе с приложением калмыцкого текста Истории Убаши-Хунтайджия и его войны с ойратами. Перевод ламы Галсана Гомбоева (Труды Восточного отделения Императорского археологического общества. Ч. VI). СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1858. С. V–XIV.
- Санчилов 1990 — Санчилов В. П. «Илтэ-хэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 137 с.
- Санчилов 2009 — Санчилов В. П. Историческое значение Джунгарского съезда монгольских и ойратских князей 1640 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 15–19.
- Санчилов 2013 — Санчилов В. П. О происхождении основных ойратских этнонимов // Полевые исследования. 2013. № 1. С. 45–58.
- Тубшиннима 2008 — Тубшиннима Г. История происхождения баргутов (транслитерация, перевод, примечания) / вв. ст. и прим. Д. Д. Нимаева, Л. Б. Бадмаевой; транслит., пер. со старомонг. Л. Б. Бадмаевой, Ю. Д. Бадмаевой. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2008. 184 с.
- Харьков и др. 2014 — Харьков В. Н., Хамина К. В., Медведева О. Ф., Симонова К. В., Еремина Е. Р., Степанов В. А. Генофонд бурят: клинальная изменчивость и территориальная подразделенность по маркерам Y-хромосомы // Генетика. 2014. Т. 50. № 2. С. 203–213.
- Цыбенков 2016 — Цыбенков Б. Д. О родовом составе баргутов Хулун-Буира // Баргуты: история и современность / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2016. С. 40–46.
- Шара туджи 1957 — Шара туджи. Монгольская летопись XVII века. Сводный перевод. М.: Наука, 1957. 137 с.
- Saveliev P. S. Preface. In: Altan-Tobchi. The Mongolian Chronicle, in the Original Text and Translation, with an Appendix of the Kalmyk Text of the History of Ubashi-Khuntajiy and his War with the Oirats. Lama Galsan Gomboev (transl.) In: Proceedings of the Eastern Branch of the Imperial Archaeological Society, Part 4. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1858. Pp. 5–14. (In Russ.)
- Sanchirov V. P. “Iltkhel Shastir” as a Source on the History of the Oirats. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 1990. 137 p. (In Russ.)
- Sanchirov V. P. The Historical Significance of the Dzungarian Congress of the Mongolian and Oirat Princes in 1640. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2009. No. 2. Pp. 15–19. (In Russ.)
- Sanchirov V. P. On the Origin of the Main Oirat Ethnonyms. *Field Research*. 2013. No. 1. Pp. 45–58. (In Russ.)
- Tubshinnima G. The History of the Origin of the Barguts D. Nimaeva (translit., transl., notes); L. Badmaeva (intro art. and notes); L. Badmaeva, Yu. Badmaeva (translit., trans. from the old English). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2008. 184 p. (In Russ.)
- Kharkov V. N., Khamina K. V., Medvedeva O. F., Simonova K. V., Eremina E. R., Stepanov V. A. The Buryat Genepool: Klineal Variation and Territorial Subdivision Based on Y-Chromosome Markers. *Genetics*. 2014. Vol. 50. No. 2. Pp. 203–213. (In Russ.)
- Tsybenov B. D. On the Generic Composition of the Barguts of Hulun-Buir. In: Barguts: History and Modernity: Collection of Scientific Articles. B. Bazarov (ed.) Irkutsk: Ottisk, 2016. Pp. 40–46. (In Russ.)
- Shara Tuji. The Mongolian Chronicle of the 17th Century. N. Shastina (summary)

- текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной. М.; Л.: АН СССР, 1957. 198, [1] с.
- Эрдэнийн товч 2006 — *Саган Сэцэн*. Эрдэнийн товч / сонгомол эх бэлтгэж, хөрвүүлэг, тайлбар зүүлт хийсэн М. Баярсайхан; эрхлэн хэвлүүлсэн А. Цанжид. Улаанбаатар: Соёмбо, 2006. 366 х.
- Atwood 2004 — *Atwood Ch. P.* Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York: Facts on File, 2004. 678 p.
- Cleaves 1982 — Yüan-ch'ao pi-shih. The secret history of the Mongols / transl. and ed. by F. W. Cleaves. Cambridge; London: Harvard University Press, 1982. LXV, 277 p.
- Geschichte der Ost-Mongolen 1829 — Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus: aus dem Mongolischen übersetzt, und mit dem Originaltext, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben von Issac Jacob Schmidt: Auf Allerhöchsten Befehl. St. Petersburg: N. Gretschi; Leipzig: C. Cnobloch, 1829. XXIV, 509 s., 1 Bl.
- Huang et al. 2018 — *Huang Y.-Z., Wei L.-H., Yan S., Wen S.-Q., Wang C.-C., Yang Y.-J., Wang L.-X., Lu Y., Zhang C., Xu S.-H., Yao D.-L., Jin L., Li H.* Whole sequence analysis indicates a recent southern origin of Mongolian Y-chromosome C2c1a1a1-M407 // *Molecular Genetics and Genomics*. 2018. Vol. 293. Pp. 657–663. DOI: 10.1007/s00438-017-1403-4
- text, trans., intro. and note). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1957. 198 p. (In Russ.)
- Sagan Setsen. Erdeniyn Tovch M. Bayarsaikhan (comm., transcr.); A. Cangid (ed.). Ulaanbaatar: Soyembo, 2006. 366 p. (In Mong.)
- Atwood Ch. P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York: Facts on File, 2004. 678 p. (In Eng.)
- Yüan-ch'ao pi-shih. The Secret History of the Mongols. F. Cleaves (transl. and ed.). Cambridge; London: Harvard University Press, 1982. LXV, 277 p. (In Eng.)
- Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, Verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus: aus dem Mongolischen übersetzt, und mit dem Originaltext, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben von Issac Jacob Schmidt: Auf Allerhöchsten Befehl. St. Petersburg: N. Gretschi; Leipzig: C. Cnobloch, 1829. XXIV, 509 p., 1 Bl. (In Germ.)
- Huang Y.-Z., Wei L.-H., Yan S., Wen S.-Q., Wang C.-C., Yang Y.-J., Wang L.-X., Lu Y., Zhang C., Xu S.-H., Yao D.-L., Jin L., Li H. Whole Sequence Analysis Indicates a Recent Southern Origin of Mongolian Y-chromosome C2c1a1a1-M407. *Molecular Genetics and Genomics*. 2018. Vol. 293. Pp. 657–663. (In Eng.) DOI: 10.1007/s00438-017-1403-4
- Malyarchuk et al. 2016 — *Malyarchuk B., Derenko M., Denisova G., Woźniak M., Rogalla U., Dambueva I., Grzybowski T.* Y chromosome haplotype diversity in Mongolic-speaking populations and gene conversion at the duplicated STR DYS385a,b in haplogroup C3-M407 // *Journal of Human Genetics*. 2016. Vol. 61. Pp. 491–496. DOI: 10.1038/jhg.2016.14
- Malyarchuk B., Derenko M., Denisova G., Woźniak M., Rogalla U., Dambueva I., Grzybowski T. Y-Chromosome Haplotype Diversity in Mongolic-Speaking Populations and Gene Conversion at the Duplicated STR DYS385a,b in Haplogroup C3-M407. *Journal of Human Genetics*. 2016. Vol. 61. Pp. 491–496. (In Eng.) DOI: 10.1038/jhg.2016.14

- Pallas 1776 — *Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Erßter Theil. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1776. XIV+232 S.*
- Pelliot 1949 — *Histoire secrète des Mongols / Restitution du texte mongol et traduction des chapitres I à VI par Paul Pelliot. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1949. 198 p.*
- Wu et al. 2020 — *Wu Q., Cheng H.-Z., Sun N., Ma P.-C., Sun J., Yao H.-B., Xie Y.-M., Li Y.-L., Meng S.-L., Zhabagin M., Cai Y.-H., Lu D.-R., Yan S., Wei L.-H. Phylogenetic analysis of the Y-chromosome haplogroup C2b-F1067, a dominant paternal lineage in Eastern Eurasia // Journal of Human Genetics. 2016. Vol. 65. Pp. 823–829. DOI: 10.1038/s10038-020-0775-1*
- Pallas P. S. *Sammlungen Historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Erßter Theil. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1776. XIV+232 p. (In Germ.)*
- Pelliot P. *Histoire Secrète des Mongols Restitution du Texte Mongol et Traduction des Chapitres I à VI par Paul Pelliot. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1949. 198 p. (In French)*
- Wu Q., Cheng H.-Z., Sun N., Ma P.-C., Sun J., Yao H.-B., Xie Y.-M., Li Y.-L., Meng S.-L., Zhabagin M., Cai Y.-H., Lu D.-R., Yan S., Wei L.-H. *Phylogenetic Analysis of the Y-chromosome Haplogroup C2b-F1067, a Dominant Paternal Lineage in Eastern Eurasia. Journal of Human Genetics. 2016. Vol. 65. Pp. 823–829. (In Eng.) DOI: 10.1038/s10038-020-0775-1*

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 1, pp. 154–170, 2025
 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-154-170

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 394.7+398.332

UDC 394.7+398.332

DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-154-170

Луна в традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов

*Марина Михайловна Содномпилова¹,
 Баир Зориктоевич Нанзатов²*

Moon in Traditional World View of Turkic and Mongolic Peoples

*Marina M. Sodnompilova¹,
 Bair Z. Nanzatov²*

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0003-0741-0494. E-mail: [sodnompilova\[at\]yandex.ru](mailto:sodnompilova[at]yandex.ru)

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-8012-2515. E-mail: [nanzatov\[at\]yandex.ru](mailto:nanzatov[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З., 2025

© Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z., 2025

Аннотация. *Введение.* Среди астральных объектов в традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов именно с ночным светилом связывалось большое разнообразие значений, символов, функций. *Целью* данной статьи является решение двух задач, одна из которых заключается в изучении распространения основных названий луны в тюркских и монгольских языках, выявлении наиболее полной совокупности их версий в разных диалектах, уточнении и дополнении этимологии названий. Другая задача состоит в детализации мифологических образов

Abstract. *Introduction.* Among the astral objects in the traditional worldview of the Turkic and Mongolic peoples, it is the night luminary that was associated with a wide variety of meanings, symbols, and functions. *The purpose* of this article is to solve two problems, one of which is to research the distribution of the main names of the moon in the Turkic and Mongolic languages, identify the most complete set of their versions in different dialects, clarify and supplement the etymology of the names. The other task is to detail the mythological images of the moon

луны, известных на территории расселения тюрко-монгольских народов. *Материалы и методы.* Основными источниками исследования стали материалы по мифологии и фольклору тюрко-монгольских народов, отражающие представления кочевников о спутнике нашей планеты. Работа базируется на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования основана на историко-этнографических методах. *Результаты.* Часть воззрений, отраженных в лексике, показывает, что главной и самой ранней характеристикой небесного светила в тюрко-монгольских языках является свет, блеск. Фазы луны фиксируют в большинстве языков тюрко-монгольской группы изменения диска в категории «новый – старый». Нередко начало периода появления новой луны, когда светила еще не видно на небе, обозначается как «промежуток», «пустота». Полная луна в терминологии связывается с понятиями «полный», «наполнять». Представлены наиболее актуальные этимологические гипотезы, отражающие происхождение тюркского и монгольского названий луны, прослежен ряд мифологических образов ночного светила, выявленных в процессе исследования. *Выводы.* Широкую известность получили антропоморфные образы. Выявлены три варианта связи небесных светил: солнце и луна — супружеская пара, в которой по одной версии супруг — солнце, по другой — месяц; солнце и луна — сестры; солнце и луна — братья. Среди мифологических образов луны также слабо просматриваются следы животного из семейства псовых (лиса, собака, волк).

Ключевые слова: тюрко-монгольские народы, луна, названия, этимология, мифологические образы

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З. Луна в традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 1. С. 154–170. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-154-170

known in the territory of settlement of the Turkic and Mongolic peoples. *Materials and methods.* The work is based on a comprehensive, systemic-historical approach to the study of the past. The research methodology is based on historical and ethnographic methods. The main sources of the study were materials on the mythology and folklore of the Turkic and Mongolic peoples, reflecting the ideas of nomads about the satellite of our planet. *Results.* Some of the views reflected in the vocabulary show that the main and earliest characteristic of a celestial body in the Turkic and Mongolic languages is light, shine. The phases of the moon are recorded in most languages of the Turkic and Mongolic group as changes in the disk in the category “new-old”. Often the beginning of the period of the appearance of a new moon, when the luminary is not yet visible in the sky, is designated as an “interval”, “emptiness”. The full moon in terminology is associated with the concepts of “full”, “to fill”. The most relevant etymological hypotheses reflecting the origin of the Turkic and Mongolian names of the moon are presented, a number of mythological images of the night luminary, revealed in the course of the study, are proposed. *Conclusions.* Anthropomorphic images have become widely known. Three versions of the connection between celestial bodies have been revealed: the sun and the moon are a married couple, in which, according to one version, the spouse is the sun, according to another, the moon; the sun and the moon are sisters; the sun and the moon are brothers. Also among the mythological images of the moon, traces of an animal from the canine family (fox, dog, wolf) are faintly visible.

Keywords: Turkic and Mongolic peoples, moon, names, etymology, mythological images

Acknowledgement. The reported study was funded by government subsidy project no. 123021300198-4 “Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China”

For citation: Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. Moon in Traditional World View of Turkic and Mongolic Peoples. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025; 17(1): 154–170. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-154-170

1. Введение

Среди астральных объектов в традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов именно с ночным светилом связывалось большое разнообразие значений, символов, функций. Лунные циклы сделали ночное светило главным ориентиром во времени. Изменения облика луны на небосклоне оказывали влияние на хозяйственную деятельность, религиозную сферу. Любое важное дело начинали на растущую луну. Луна была также важнейшим индикатором изменения погоды, как сама по себе, так и в сочетании с другими небесными светилами — Плеядами, Венерой и другими созвездиями. Изучению небесных светил посвящено множество работ, в которых уделялось внимание и лексике, и мифологическим образам, и роли светил в жизни людей, однако в большинстве случаев эти сведения являются частью общих исследований, посвященных астральной тематике. Преимущественно ученые уделяли внимание роли светила в магической и ритуальной практике народов. В числе немногочисленных отечественных специальных работ, посвященных луне в культуре тюрко-монгольских народов, — статья В. А. Бурнакова и Д. Ц. Цыденовой [Бурнаков, Цыденова 2013].

Данная же публикация посвящена изучению лексики и мифопоэтического образа ночного светила в языке и мировоззрении тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, обозначению и народному толкованию лунных фаз. Актуальность и новизна исследования заключаются в уточнении и расширении исследований традиционных астрономических знаний тюрко-монгольских народов.

2. Материалы и методы

Работа базируется на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования основана на историко-этнографических методах. Основными источниками исследования стали материалы по мифологии и фольклору тюрко-монгольских народов, отражающие представления кочевников о спутнике нашей планеты.

3. Названия луны

Термины, обозначающие ночное светило, в силу своей устойчивости позволяют выявить наиболее архаичные образы луны, связанные со значением светила как маркера времени, с визуальными признаками луны — ее белизной и сходством с пламенем [СИГТЯ 2006: 339], свойством луны излучать свет.

Тюркский термин *aj* в значении ‘луна, месяц’, известный со времен орхонских рунических памятников в форме *aj*, в караханидском *aj*, в Codex Cumanicus *aj* / *añ*, широко распространен в разных тюркских языках: тур. *aj*, гаг. *aj*, туркм. *aj*, хал. *aj*, узб. *aj*, уйг. *aj*, крым.-тат. *aj*, тат. *aj*, башк. *aj*, кирг. *aj*, каз. *aj*, кбалк. *aj*, ккалп. *aj*, кум. *aj*, ног. *aj*, с.-уйг. *aj*, хак. *aj*, шор. *aj*, алт. *aj*, тув. *aj*, тоф. *aj*, чув. *oj̆x*, як. *ij̆*, долг. *ij̆* в значении ‘месяц’. Предположительно, все эти варианты восходят к прототюркскому **añ(k)*, восходящему в свою очередь к протоалтайскому **añi* (см. подробнее: [EDAL 2003: 303]). Прототунгусское **añja* в значении ‘год’ дал развитие эвенк. *añjanī*, эвен. *añjan*, негид. *añjanī*, ульч. *aña(n)*, орок. *anāñi*, нан. *ajñaña*, *ajñani*, ороц. *aññi*, уд. *aña(n)*, солон. *añê*, *aña*, в чжур. *ania*, маньчж. *aña*, сибо *Añi* [EDAL 2003: 303]. Влиянием тунгусо-маньчжурских языков является зафиксированный в дагурском языке термин *añê* (*sar*) ‘January’ [EDAL 2003: 303].

К протоалтайскому **ānu*, вероятно, восходит протомонгольское **oj* в значениях ‘годовщина; год’. В средне-монгольском было также зафиксировано значение ‘время’ [EDAL 2003: 303]. В значении ‘годовщина’ термин зафиксирован в зап.-монг., халх.-монг., бур., орд., в значении ‘год’ в калм., орд. языках [EDAL 2003: 303].

Монгольский термин *sara(n)*, имеющий значение ‘луна’, предположительно восходит к праалтайскому **-zēra* со значениями ‘свет; луна, лунный цикл’. Протомонгольское **sara* ‘moon (луна)’ дал развитие в средне-монгольском *sara*, *ṣarā*, *saran* и далее в зап.-монг. *sara(n)*, халх. *sar*, бур. *hara(n)*, калм. *sarə*; орд. *sara(n)*, даг. *sarūl* ‘луна’, *sar* ‘месяц’, *sare* ‘month’, *sareule* ‘moon’; дун. *sara*; бао. *sare*, *sera*; шира-юг. *sara*; мгр. *sara* (см. подробнее [EDAL 2003: 1512]).

От формы **zēra*, вероятно, развились параллели в прототюркском **jar-* ‘1) светить; 2) рассветать; 3) свет; 4) свеча’; далее в древнетюркском *jaru-* 1, *jaruq* 3 (орх., орх.-уйг.); в значении ‘светить’ отмечался в карах. *jaru-*, узб. *jəri-*, кирг. *žar-*, *žari-*, хак. *čari-*, шор. *čar-*, *čari-*, алт. *jar-*, *jari-*, тув. *čiri-*; в значении ‘свет’ в карах. *jaruq*, тур. *jarik*, туркм. *jariq*, сал. *jarux*, узб. *joruy*, кирг. *žariq*, каз. *žariq*, кбалк. *žariq*, ккалп. *žariq*, кум. *jariq*, ног. *jariq*, хак. *čarix*, алт. *dariq*, тув. *čariq*; в значении ‘рассветать’ в як. *sarā-* / *sirdā-*, долг. *hirdā-*; в значении ‘свеча’ в чув. *šor-da* [EDAL 2003: 1512]. Прототунгусское **sē* ‘year, age = год, возраст’ дал развитие в чжур. *sejŋ-ŋer* и далее в маньч. *sē*, ульч. *sē*, нан. *sē*, ороц. *sē*, уд. *se* [EDAL 2003: 1512].

Монгольский термин *тэргэл*, имеющий значение ‘полная луна’, предположительно, восходит к праформе **t'iołgu* ‘наполнять’, давшей параллели в японском и корейском языках: прап. **tüküi* > ст.-яп. *tuki* > яп. > *tsuki*; пракор. **tār* > ср.-кор. *tār* > кор. *tal* (см. подробнее: [EDAL 2003: 1435]). Монгольский термин, зачастую употребляемый как парное слово *tergel saran* в том же значении ‘полная луна’, как устоявшееся выражение употреблялся в монгольской буддийской литературе на тибетском языке, что было отмечено Д. Карой [Kara 2009: 283].

В современных монгольских языках термин отмечается как *tergel* — монг. *тэргэл сар* ‘полная луна’, *тэргэл өдөр* — 15-й день лунного месяца в парных словах [БАМРС 2001: 294].

Относительно тюркских вариантов термина ‘полная луна’ от корня *тол-* / *дол-* имеются две основные гипотезы: 1) от **t'iołgu*, как и монг. *tergel*; 2) от **dol-* ‘to be filled = быть наполненным’.

В монгольских языках были известны и другие названия луны, заимствованные из тибетского *да-ваа* (*zla-ba*) и санскритского *сумъяа* (*śoma*) [Дондокова 2003: 32]. Эти названия луны не использовались непосредственно по отношению к светилу, но стали популярными мужскими именами у монголов, бурят, калмыков [Омакаева 2023: 258]. Кроме того, в монгольских языках известно множество (около 43) образных, поэтических названий луны. Буряты луне давали эпитет «алмазно-белая» [Михайлов 1996: 72]. В других монгольских языках луне даются следующие поэтические названия: *шөнийн эзэн* букв. ‘хозяин ночи’, *далайгаас төрсөн* букв. ‘рожденный из моря’ [Дондокова 2003: 31].

4. Образы ночного светила

В состав ранних визуальных образов небесных светил входит круг, диск. На это указывают их разнообразные визуальные отражения в искусстве тюрко-монгольских народов Сибири, например изображения солнца и луны на бытовых

предметах (резьба и окрашивание), металлические фигуры на шаманском костюме, вышивка, украшения. В декоративно-прикладном искусстве бурят внимание Б. Э. Петри привлекли изображения солнца и луны на домашних сундуках и ящиках с шаманскими атрибутами — луна обычно вписана в круг солнца: меньший круг внутри — луна, большой двойной снаружи — солнце. Нередко по краю солнца располагаются в виде точек звезды. Таким же образом оформлялись серебряные элементы декора на колчанах, поясах, женских украшениях [Петри 2014: 153].

Типичными образцами небесных светил выступали металлические зеркала, которые со временем вошли и в состав украшений шаманского и женского костюма сибирских народов в виде металлических блях. В такой форме светила отражены в ойратском предании, согласно которому солнце и луна прежде находились на дне океана в виде двух металлических зеркал. Их нашел на дне с помощью длинной трости Отучи-гелюнг: *«он ушарил „толи” (круглое металлическое зеркало), которое очень блестело; он поместил его на небо; потом нашел и другое толи; он и это поместил на небо. С тех пор на земле стало светло»* [Потанин 1883: 191].

Уникальными чертами образов светил в представлениях бурят является наличие у них ног. Ноги выступают главным маркером в определении светил: к ним обращались, взывая *найман хултэй нара* ‘восьминожная Солнце-мать’, *юхэн хултэй нара* ‘девятиножный Месяц-отец’. Изображения солнца и луны на культовых шаманских атрибутах имеют лучи с загнутыми концами, напоминающими ноги [Петри 2014: 151, 153]. Эти числа тесно связаны и с традицией формирования свадебной прически у некоторых групп бурят: *«Молодой невесте по обычаю расплетают косу и с правой стороны заплетают девять кос, а с левой стороны восемь, а затем надевают полную женскую одежду»* [Хангалов 1958: 260]. Свадебная прическа бурятской невесты означала единство женского и мужского начал и выражала символическую связь с культом солнца и луны. Невесте желали чадородия и большого потомства — родить восемь девочек и девять мальчиков [Галданова 1987: 14–15].

В представлениях других тюрко-монгольских народов эти черты небесных светил не упоминаются. Однако связь числа 8 с солнцем отмечена у древних иранцев, которые изображали солнце в виде диска с восемью лучами [Галданова 1987: 16]. Количеству ног у светил соответствует и число их детей. В текстах шаманских призываний солнце и луна как супружеская пара имеет детей: *«У отца Юурэн веселятся девять сильных юношей, у матери Налхан резвятся восемь красивых девушек»* [Галданова 1987: 15]. Девять юношей и восемь девушек сопровождают ритуальные действия якутского алгысчита на якутском празднике Ысыах, который посвящался светлым небесным божествам, включая и божеств-создателей, таких как Юронг айыы тойон. Безусловно, связь между данными бурятскими и якутскими образцами мифологии и ритуальных традиций существует и указывает на тесные этнокультурные связи бурят и якутов.

4.1. Образы животных

К числу ранних, возможно, относятся образы небесных светил в виде птиц и животных. В мировоззрении бурят и якутов, заселивших северную периферию тюрко-монгольского мира, обнаруживаются черты образа животного из семейства псовых, которое было связано с небом / небесными светилами. Об-

раз этого животного наиболее явно просматривается у бурят: «*в мифах солнце иногда сравнивается с волком или лисицей*» [Хангалов 1958: 322]; в выражении *тэнгэрийн нохой*, которым называли волка¹. Образ волка близок к солнцу — в охотничьей традиции бурят запрещалось проливать кровь волка на виду у солнца. Нарушение запрета грозило природными катаклизмами. К этой группе воззрений следует отнести объяснение бурятами и якутами феномена радуги — они называли ее «мочой самки-лисицы» [Хангалов 1958: 322; Алексеев 1975: 35]. В общую канву подобных представлений встраивается сюжет из генеалогического предания предков Чингис-хана, в которых говорится о посещении Алан-гоа небесным человеком в § 21 «Сокровенного сказания монголов»: «*Но, каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри (погасло), входит, бывало, ко мне светлорусый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. А уходит так: в час, когда солнце с луной сходится, процарапываясь, уходит, словно желтый пес*» [Козин 1941: 81].

У монгольских народов существовали убеждения, что некоторые этнические группы могут быть связаны своим родством с небом / светилами через свое происхождение от волка. В их числе представители племенных образований *шоно*, *галзут*. К ним обращались в случае укусов людей бешеными животными, обычно лисами и волками за помощью — якобы представители этих этнических общностей могли исцелить людей от бешенства. Приглашенные «целители», стреляя в небо из ружья, зывали к нему: «*Небесная собака, яд свой заberi!*».

У других тюркских народов — тюрков Южной Сибири, казахов, киргизов связь собаки с небесными светилами выражена косвенно через образ мифической птицы-собаки Кубай-кус (Хумай-кус), которая рождается из яйца птицы (турпана, орла), впоследствии занявшей свое место среди звезд. Имя этой собаки включает двойное обозначение птицы: Хума — название мифической птицы, образ которой проник в тюркскую среду из иранской культуры [Сагалаев 1990: 28] и Quş / кус — «птица» [ДТС 1969: 471].

Китайцам также была известна небесная собака Тянь гоу красного цвета, и связывали они ее именно со своими северными соседями — кочевниками, считая собаку их покровителем². Они верили, что небесная собака периодически сходит с неба, издавая страшный гром, и там, где она сходит на землю, возникают вооруженные смуты, пожары. Де Гроот идентифицировал явление схождения небесной собаки с падением метеорита [де Гроот 2000: 96].

Основным же регионом, где обнаруживаются более ясные представления о связи собак с солнцем и луной, — это Приамурье, побережье Охотского моря, Сахалин и другие ближайшие острова, где проживают тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские народы (нивхи, нанайцы, удэгейцы, айны). В их мифах жизнь небесных светил так или иначе связана с собаками (собаки живут на солнце и луне, преследуют их и кусают). Айнам, злой дух, вредящий луне, виделся в образе черной лисицы [Подмаскин 2004: 102]. Илимпейские эвенки представляли в

¹ Существуют и другие опосредованные данные о существовании таких образов в прошлом: в персонажах эпических произведений, сказок, в которых присутствует небесный щенок [Цыбикдоржиев 2003: 215].

² Собака была частью воинского культа кочевых народов: известны образы собаки-воина (например, белая собака с золотой шкурой из хакасского героического эпоса «Хубан Арыг») [Бурнаков 2012: 199], мужские союзы, боевые приемы, кличи [Цыбикдоржиев 2003: 213, 215].

образе собаки звездное скопление Плеяд [Подмаскин 2008: 89]. С целой группой собачьих образов связан главный шаманский персонаж тунгусо-маньчжурского пантеона Ерхий мэргэн: его представляли огненной собакой, красным волком, псом-мэргэном-богатырем в собачьей шубе. С этим персонажем связывается затмение светил [Сем 2013: 162].

Интересно то, что во всей совокупности разрозненных сведений о собаках в мифологии тюрко-монгольских народов привлекает внимание особое выделение желтой / рыжей масти собаки (желтый пес, приходивший к Алан-Гоа, китайская небесная собака). В дополнение к приведенным выше материалам приведем обычай хакасов не заводить в хозяйстве собак желтой окраски: они опасались гнева мифического главы собачьего мира Сараадай-хана, находившегося в царстве мертвых [Бурнаков 2012: 209]. Возможно, что данный запрет был обусловлен сакральностью желтого цвета собак, на наш взгляд, он может отражать былую связь образа собаки с солнцем / луной.

4.2. Антропоморфные образы

В представлениях тюрко-монголов хорошо известны антропоморфные образы солнца и луны, их гендерная принадлежность. Некоторые исследователи склоняются к мнению, что тенденция к антропоморфизации небесных светил в мифологическом сознании тюрко-монгольских народов — явление относительно позднее [Манжигеев 1978: 60]. Возможно, это верно в отношении антропоморфизации образов светил, но их гендерное различие уходит в глубокую древность. При этом самым древним воззрением является восприятие солнца как мужчины, а луны — как женщины [Березкин 2023: 57]. Возможно, что отражением таких гендерных ролей небесных светил является визуальное оформление одной из ключевых деталей свадебного обряда ойратов Монголии в обряде поклонения жениха и невесты небесным отцу и матери — Солнцу и Луне. В свадебном обряде олётгов перед юртой молодых стелят войлок, на котором выкладывают из риса изображение солнца на правой стороне и месяца на левой. Жениха усаживают на изображение солнца, а невесту — на изображение месяца [Вяткина 1960: 221]. Следует отметить, что в свадебной обрядности хакасов название ритуала включает и солнце, и луну (*айга-кўнге пазыртханы*) [Бутанаев 1996: 149]. У ойратов Монголии (дэргэтов, олётгов, баятов, торгутов) в таком же обряде упоминается только солнце: обряд называется *шар наранд мөргүүлэх* ‘поклонение желтому солнцу’ [МУУЗ 2012: 85, 150, 216], очевидно, в связи с тем, что ритуал совершался в дневное время.

Согласно полевым исследованиям Г. Р. Галдановой, такой обряд бытовал в прошлом и у бурят. «*Невеста, приобщаясь к роду жениха, поклонялась не только огню домашнего очага, бурханам дома, родителям жениха, но и Солнцу-Луне (һара наранда мүргэхэ), вследствие чего она должна была исполнять церемонии снохи по отношению к Солнцу-луне (һара наранда бэрлэхэ), так же как к свекру и свекрови*» [Галданова 1987: 15]. Представление о том, что бурятская свадьба есть отражение традиции, которая была заложена солнцем и луной, сохранялось в культурной памяти бурят конца XIX – начала XX в. «*Солнце называлось господжой Налуи, а Луна — господином һалуи, т. е. в них отражено возникновение парного брака, вытеснившего групповой брак в эпоху появления шаманизма*» [Манжигеев 1978: 60].

Относительно гендерной принадлежности небесных светил в представлениях тюрко-монгольских народов сведения противоречивы. В бурятских мифах рас-

пространение получили воззрения, согласно которым Солнце — это женщина, а луна — мужчина. С ними совпадают представления соседних с монгольскими тюркоязычных алтайцев — в супружеской небесной паре женой является Солнце, а мужем — Месяц. В верованиях хакасов в супружеской паре светил мужем, вероятно, также выступал месяц¹ — в названии обряда он упоминается первым (*айга-күнге пазыртханы*). Это господствующее в северо-восточной половине Евразии представление о солнце как о женщине и луне как мужчине, по мнению Ю. Е. Березкина, является инновацией и возможно сформировалось в плейстоцене, когда предки индейцев еще жили в Сибири (в Новом Свете этот вариант тоже встречается, хотя очень редок) [Березкин 2023: 57].

В бурятском мифе светила состоят в браке и имеют множество детей. Хозяин луны — князь белый *haluy*, хозяйка луны — княгиня белая *haluy* имеют много «тихо-дремотных» (в тексте шаманских призываний) парней и много девиц и еще трех сыновей [Михайлов 1996: 72, 73].

Эти же образы воплотились в онгонах бурят, известных как «хозяин луны Хал-хатан и солнца Нал-хатан» [Хангалов 1960: 14]. Но имена хозяев небесных светил свидетельствуют о том, что эти персонажи — обе женщины (*хатан* — княгиня). Женский пол небесных светил подтверждается другими вариантами персонажей, выступающих «хозяевами» солнца и луны. По данным Ц. Жамцарано, это *Налхан Юхурун хатан төөдэй* ‘старуха-царица Налхан Юхурун’, а луны — *налхан Юхурун хатан төөдэй* ‘старуха-царица налхан Юхурун’ [Михайлов 1987: 14]. Вероятно, это свидетельство наличия в среде бурят мотива А6 (когда оба светила — женщины), обозначенного Ю. Е. Березкиным. Подтверждением актуальности такого мотива является еще одно предание монгольских народов: Солнце и Луна были красивыми девушками из одной богатой семьи. Так как они не могли найти себе мужей на земле, то они поднялись на небо и стали освещать землю. Одна из сестер стала Солнцем, другая — Луной [Омакаева 1994: 47]. Согласно исследованиям Ю. Е. Березкина, этот мотив характерен для северо-восточной половины Евразии, редко встречается в Юго-Западной Евразии, Африке и вообще не известен в Новом Свете [Березкин 2023: 57].

Есть в бурятских мифах и третий вариант сюжета, в котором солнце и луна — братья. В одном из преданий, записанных Ц. Жамцарано у ольхонских бурят, луна есть олицетворение одного из множества сыновей Хэб Шутхала (Небесного свода) — *hara эжилхэн Налбаа-нойон*, у которого были старший брат солнце и младший брат огонь [Жамцарано 2001: 68]. У хакасов сходный сюжет о трех сыновьях грома был записан Н. Ф. Катановым. Согласно повествованию, старший сын олицетворяет собой солнце, средний — месяц, а младший — огонь [Катанов 1907: 187–188].

Следует отметить, что влияние на формирование гендерных образов ночного светила, возможно, оказала нестабильная форма лунного диска. Луна и месяц выражают разные видовые понятия, связанные с одним объектом, что фиксируется в языке (см. табл. 1). Большую часть времени на небосклоне люди видят только часть луны, которая в русском языке маркирована лексемой

¹ И в традиционной русской культуре доминирует мужская ипостась луны — месяц. По наблюдениям исследователей, лексема «луна» господствует в произведениях художественной литературы, а слово «месяц» «функционирует преимущественно в наивно-бытовой картине мира и доминирует в фольклорных жанрах и текстах» [Абрамова и др. 2020: 57].

«месяц». У тюрко-монголов специальных лексем, выделяющих часть луны нет, но представление о двух разных объектах — полной луне и месяце все же присутствуют, в частности в мировоззрении бурят. Например, предбайкальские буряты понимали отсутствие месяца во время полнолуния следующим образом: «Во время полнолуния месяц спит в растяжку» [Потанин 1883: 192]. Полная луна ассоциировалась с женским образом, а месяц — с мужским.

Такое разнообразие фольклорных мотивов свидетельствует о значительных изменениях генофонда населения, в частности Восточной Сибири, со времени миграции предков индейцев на американские континенты (с плейстоцена) [Березкин 2023: 57].

5. Фазы луны

В разных традициях тюрко-монгольских народов счет лунных дней велся по декадам, о чем свидетельствует, в частности, календарь якутов. Позднее, уже в XX в., месяц стал делиться на половины. У разных народов сохранили актуальность определения, характеризующие рост и убывание луны, полную луну (см. табл. 1), половину лунного диска, период междулуния. У тюркских народов Южной Сибири сохранились определения разных дней новолуния. Хакасы выделяли *ах толы* ‘белое полнолуние’ — в 14 день новолуния и *хызыл толы* «красное полнолуние» — в 15, последний день полнолуния [Бутанаев, Монгуш 2005: 42]. Алтайцы различали «белое полнолуние» (первый день полнолуния), «желтое полнолуние» (второй день полнолуния) и «красное полнолуние» — третий день полнолуния, после которого луна начинает убывать [ТНС 2006: 453]. В якутской традиции особыми образными определениями отмечаются все дни лунных фаз, фиксирующие малейшие изменения лунного диска. Так, якуты выделяли разные фазы половины луны: 11 день — *бишр толору аңаара* (первый день половины полноты), 12 день — *икки толору аңаара* (второй день половины полноты), 13 день — *ус толору аңаара* (третий день половины полноты). За ними следуют день малой полноты или «красное совершенство», день большой полноты / «белое совершенство», завершающий день полнолуния обозначался так же, как и у других тюркских народов Сибири — «красный вечер» [Гоголев 1999: 4–6]. Определения «красное совершенство» и «белое совершенство», совпадающие с хакасскими определениями, присутствовали в якутском языке XVIII в. и трансформировались к началу XX в., что может указывать на время миграции предков якутов на север.

Таблица 1. Три основных состояния лунного диска, отраженные в разных языках тюрко-монгольских народов

Table 1. The three main states of the lunar disk, reflected in the different languages of the Turkic-Mongolian peoples

Язык	Новолуние	Полнолуние	Луна убывающая
бур.	<i>шэнэ һара</i> ‘новая’ [БРС 1973: 676]	<i>тэргэд һара</i> ‘полная’ [БРС 1973: 676]	<i>һарын хуушан</i> ‘старая’ [БРС 1973: 456, 607]
монг.	<i>шэнэ сар</i> ‘новая’ [БАМРС 2001: 294]	<i>тэргэл сар</i> ‘полная’, <i>тэргэлөдөр</i> ‘15-й день лунного месяца’ [БАМРС 2001: 294]	

калм.	<i>сарин шин</i> ‘новая’ [PKC 1964: 494], <i>сарин эклц</i> ‘начало’ [PKC 1964: 494] <i>sarin šin</i> ‘новая’ [PKC 1964: 494]	<i>təgrɛ sar</i> ‘полная’ [PKC 1964: 494], <i>арвн тав насар</i> ‘15 день’ [PKC 1964: 494], <i>бүкл сар</i> ‘полная’ [PKC 1964: 494] <i>delgrsɲ sar</i> ‘широкая’ [KW 1935: 86]	<i>sarin kürɛ</i> ‘mondhof (полнолуние)’ [KW 1935: 313]
хак.	<i>ай наазы</i> ‘междулуние’ [Бутанаев 1999: 19], <i>ай аразы</i> ‘междулуние’ [Бутанаев 1999: 19]	<i>ай толызы</i> [Бутанаев 1999: 19]	<i>ай иргізі</i> ‘старая’ [Бутанаев 1999: 19]
як.	<i>ый сангата</i> ‘новая’ [Слепцов 1972: 522]	<i>толору ый</i> ‘полная’ [Слепцов 1972: 522]	<i>иргэ ый</i> ‘старая’ [Слепцов 1972: 522]
кирг.	<i>ай арасы</i> ‘промежуток, междулуние’ [Юдахин 1965: 28], <i>ай башы</i> ‘начало’ [Юдахин 1965: 28], <i>ай жанырды, жаны ай</i> ‘обновленный’ [Юдахин 1965: 28]	<i>ай толү / толду</i> ‘полная’ [Юдахин 1965: 28]	<i>эски ай</i> ‘старая’ [Юдахин 1965: 28; Кыргызы 2016: 438, 443]
тув.	<i>ай чаазы</i> ‘новая’ [Бутанаев, Монгуш 2005: 42]	<i>ай толызы</i> ‘полная’ [Бутанаев, Монгуш 2005: 42]	<i>ай эргизи</i> ‘старая’ [Бутанаев, Монгуш 2005: 42]
каз.	<i>жаңа ай, ай жаназы</i> ‘новый’ [Джанузаков 1982: 163], <i>айдың тууы</i> ‘восход луны’ [Джанузаков 1982: 163], <i>ай арасы</i> ‘промежуток’ [Джанузаков 1982: 163]	<i>толганай, ай толысы</i> ‘полная’ [Джанузаков 1982: 163]	<i>ескі ай</i> ‘старая’ [Джанузаков 1982: 163]

В традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов обнаруживаются разные объяснения этому феномену. Ритмы жизни ночного светила в мифологическом сознании служили лучшим образцом цикличности человеческой жизни: луна рождалась, достигала зрелости, старела и умирала. Эти этапы нашли отражение в определениях разных фаз луны — «новая луна», «стареющая луна».

В традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов акцентируется внимание на периоде междулуния, когда светило на небосклоне отсутствует, также выделяются фазы растущей луны и стареющей луны, достигших половины диска. Эти этапы лунного цикла зафиксированы в языке, а также нашли отражение в мифах, преданиях.

В фокусе пристального внимания бурят и хакасов оказалось время междулуния. У бурят междулуние считается опасным для людей временем, когда властвуют темные силы. Ночь между старой и новой луной называют *забһар* или *забһарай үдэр* ‘последний день лунного месяца’, ‘междулуние’ (букв. ‘промежуток’, ‘пустое пространство’) [БРС 1973: 242]. «В эту ночь буряты боятся отлучиться из дома, так как в ночь междулуния много шляются по земле не-

чистых духов бохолдоев» [Баторов 2013: 235]. В верованиях хакасов внезапное озарение неба в междулуние считалось наилучшим временем для загадывания сокровенных желаний человека — они исполнятся [Бутанаев 2003: 46].

Отсутствие луны на небе в понимании людей означало ее невидимое состояние для большинства земных существ, включая человека. Между тем луну в этот период могли видеть собаки, рыбы, коровы. По хакасским представлениям, собака может видеть новорожденный месяц / «закрытое новолуние» первые два дня через «игольное ушко» [Бутанаев, Монгуш 2005: 42]. Алтайцы полагали, что невидимую луну могут видеть лишь собака и корова [ТНС 2006: 453]. По мнению бурят и хакасов, луну в период междулуния могли видеть особенные собаки, «четыреглазые» — со светлыми пятнышками над глазами. Такие собаки якобы могли созерцать иной мир [Бурнаков 2012: 201].

Еще одним невидимым для человеческого взора астрономическим явлением, было последнее схождение луны с Плеядами — *тохёолгон* (монг.), *токис / то-гош / тўгол* (тюрк.) (см. подробно: [Содномпилова 2024: 619–631]). К слову, сближение луны и Плеяд, имевшее значение для кочевников как индикатор погодных изменений, находит своеобразное объяснение в сюжете монгольских преданий о шести волшебниках, ставших звездами. «Жена одного из них стала луной и с тех пор шесть раз в месяц мы можем наблюдать астрономическое явление — *тохелгон схождение Плеяд с луной*» [Омакаева 1994: 46]. По мнению бурят, последняя встреча луны и Плеяд тоже была доступна только собакам и рыбам: «Последний *тохён человек не видит, а видят на земле живущие собаки, да в воде живущие рыбы*» [Баторов 2013: 235].

Образ умирающего и воскресающего светила был актуален для хакасов. Они верили, что в последний день полной луны, называемый «красным полнолунием», темные силы обрезали месяцу горло, «и он, обогранный кровью медленно, в течение пятнадцати дней умирал» [Бутанаев 2003: 46].

У самых северных тюрков — якутов — луна, как и звезды, представлялась отверстием в многоярусном небе, и такой образ давал простое объяснение фазам луны: «Луну представляли в виде круглого отверстия из первого неба во второе; фазы луны находили свое объяснение в действиях духа, прикрывающего указанное отверстие в определенные промежутки времени» [Попов 1949: 260]. Якутскому толкованию фаз луны соответствуют представления орочей, которые считали, что одна из живущих на луне женщин (духов-хозяев земных животных) постепенно закрывает светило крышкой [Подмаскин 2004: 102].

Несколько иные воззрения якутов были записаны В. Л. Серошевским в Верхоянском наслеге: «Луну едят волки и медведи за то, что она похитила девушку; каждый месяц она нарастает, и каждый месяц ее опять пожирают звери» [Серошевский 1993: 644].

В мировоззрении некоторых народов региона обнаруживаются даже попытки объяснить форму половины диска луны. Так, в алтайском сюжете о спасении месяцем людей от чудовища Чилбегена месяц для облегчения своего спуска на землю разрезал себя пополам [Потанин 1883: 192].

6. Заключение

Совокупность представлений тюрко-монголов Внутренней Азии о ночном светиле распадается на две группы — терминологическую и мифологическую.

Часть воззрений, отраженных в лексике, показывает, что главной и самой ранней характеристикой небесного светила является свет, белизна, его функция как маркера времени. В последующем появляются ассоциации с круглыми предметами, например металлическим зеркалом. Фазы луны фиксируют в большинстве языков тюрко-монгольской группы изменения диска в категории «новый-старый». Нередко выделяется начало периода появления новой луны, когда светила еще не видно на небе, и это время обозначается как «промежуток», «пустота». Круглая луна в терминологии тюрко-монгольских народов связывается с понятиями «полный», «наполнять».

Среди мифологических образов слабо просматриваются следы животного из семейства псовых (лиса, собака, волк). Более актуальными являются антропоморфные образы. Гендерная характеристика ночного светила в регионе отличается вариативностью: распространен образ луны как мужского персонажа — супруга солнца, одного (среднего) из братьев солнца и огня, но есть вариант, где и луна и солнце являются сестрами. Последний присущ мифологии монгольских народов.

В ритуальной сфере положительным временем является период растущей луны, на который планируют все начинания, включая важные обряды календарного и жизненного цикла. В наибольшей степени насыщен мифологическими толкованиями период междулунья, который к тому же считался опасным временем, когда на земле властвуют злые силы.

Список сокращений

алт. — алтайский	сал. — саларский
башк. — башкирский	с.-уйг. — сары-уйгурский
бур. — бурятский	орх. — орхонский
гаг. — гагаузский	орх.-уйг. — орхонско-уйгурский
даг. — дагурский	сибо — разговорный маньчжурский
долг. — долганский	солон. — солонский
дун. — дунсянский	тат. — татарский
зап.-монг. — западно-монгольский	тоф. — тофаларский
каз. — казахский	тув. — тувинский
калм. — калмыцкий	тур. — турецкий
карах. — караханидский	туркм. — туркменский
кбалк. — карачаевско-балкарский	тюрк. — тюркский
ккалп. — каракалпакский	уд. — удэйский
кор. — корейский	узб. — узбекский
крым.-тат. — крымско-татарский	уйг. — уйгурский
кум. — кумыкский	ульч. — ульчский
кирг. — киргизский	хак. — хакасский
маньчж. — маньчжурский	хал. — халаджский
мгр. — монгорский	халх. — халхаский
нан. — нанайский	халх.-монг. халха-монгольский
негид. — негидальский	чжур. — чжурчженский
ног. — ногайский	чув. — чувашский
орд. — ордосский	шира-юг. — шира-югурский
орок. — орокский	шор. — шорский
ороч. — орочский	эвен. — эвенский
пракор. — пракорейский	эвенк. — эвенкийский
праяп. — праяпонский	як. — якутский

Литература

References

- Абрамова и др. 2020 — Абрамова В. И., Архангельская Ю. В., Георгиева С. И. Символика солнца и луны в русских и болгарских вербальных текстах культуры // Тульский научный вестник. Сер.: История. Языкознание. 2020. № 1(1). С. 52–63.
- Алексеев 1975 — Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 198 с.
- Баторов 2013 — Баторов П. П. Народный календарь аларских бурят // «Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы. Избранные статьи / сост. Сирина А. А. Иркутск: [б. и.], 2013. С. 235–237.
- Березкин 2023 — Березкин Ю. Е. Солярная мифология Восточной Азии и других регионов // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6. № 4. С. 51–79.
- БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. В 4-х тт. Т. III. О–Ф. М.: Academia, 2001. 439 с.
- Бурнаков 2012 — Бурнаков В. А. Традиционные представления хакасов о собаке // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2012. № 5. С. 196–216.
- Бурнаков, Цыденова 2013 — Бурнаков В. А., Цыденова Д. Ц. Луна в традиционном мировоззрении хакасов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 3. С. 267–279.
- БРС 1973 — Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: Сов. Энциклопедия, 1973. 803 с.
- Бутанаев 1996 — Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан: Хакасс. кн. изд-во, 1996. 224 с.
- Бутанаев 1999 — Бутанаев В. Я. Хакаско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакасия, 1999. 240 с.
- Abramova V. I., Arkhangelskaya Yu. V., Georgieva S. I. Symbolism of the Sun and the Moon in Russian and Bulgarian Verbal Cultural Texts. *Tula Scientific Bulletin. Series History. Linguistics*. 2020. No. 1(1). Pp. 52–63. (In Russ.)
- Alekseev N. A. Traditional Religious Beliefs of the Yakuts in the 19th – Early 20th Centuries. Novosibirsk: Nauka, 1975. 198 p. (In Russ.)
- Batorov P. P. The Folk Calendar of the Alar Buryats. In: “Provincial” Science: Ethnography in Irkutsk in the 1920s. Selected Articles. A. Sirina (comp.). Irkutsk: [s. n.], 2013. Pp. 235–237. (In Russ.)
- Berezkin Yu. E. Solar Mythology of East Asia and Other Regions. *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*. 2023. Vol. 6. No. 4. Pp. 51–79. (In Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) Large Academic Mongolian-Russian Dictionary. Moscow: Academia. Vol. 3. O–F. 439 p. (In Mong. and Russ.)
- Burnakov V. A. Traditional Ideas of the Khakass about the Dog. In: Worldview of the Population of Southern Siberia and Central Asia in Historical Retrospect. 2012. No. 5. Pp. 196–216. (In Russ.)
- Burnakov V. A., Tsydenova D. Ts. The Moon in the Traditional Worldview of the Khakass. *Bulletin of NSU. Series: History, Philology*. 2013. Vol. 12. No. 3. Pp. 267–279. (In Russ.)
- Cheremisov K. M. (comp.). Buryat-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Enciklopediya, 1973. 803 p. (In Buryat. & Russ.)
- Butanaev, V. Ya. Traditional Culture and Life of the Khakass. Abakan: Khakass. Book Publ., 1996, 224 p. (In Russ.)
- Butanayev V. Ya. Khakassian-Russian Historical and Ethnographic Dictionary. Abakan: Khakassiya, 1999. 240 p. (In Russ. and Khakass.)

- Бутанаев 2003 — *Бутанаев В. Я.* Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Хакасс. гос. ун-т, 2003. 260 с.
- Бутанаев, Монгуш 2005 — *Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В.* Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Хакасс. гос. ун-т, 2005. 196 с.
- Петри 2014 — [*Петри Б. Э.*] Вселенная сибирского шамана. История. Легенды. Обряды / Репринтное издание работ Б. Э. Петри по этнографии из собрания Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск: Репроцентр А1, 2014. 328 с.
- Вяткина 1960 — *Вяткина К. В.* Монголы Монгольской Народной Республики (Материалы историко-этнографической экспедиции Академии наук СССР и Комитета наук МНР 1948–1949 гг.) // Восточно-Азиатский этнографический сборник. Т. LX. М.; Л.: Наука, 1960. С. 159–269.
- Галданова 1987 — *Галданова Г. Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 115 с.
- Гоголев 1999 — *Гоголев А. И.* Традиционный календарь якутов Якутск: Якут. гос. ун-т, 1999. 71 с.
- Джанузаков 1982 — *Джанузаков Т. С.* Очерк казахской ономастики. Алма-Ата: Наука, 1982. 175 с.
- Дондокова 2003 — *Дондокова Д. Д.* Лексика духовной культуры бурят. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003. 134 с.
- де Гроот 2000 — *де Гроот Я. Я. М.* Демонология древнего Китая. СПб: Евразия, 2000. 302 с.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука. 1969. 676 с.
- Жамцарано 2001 — *Жамцарано Ц.* Путевые дневники 1903–1907 гг. / отв. ред. Ц. П. Ванчикова; сост. В. Ц. Лыскокова, Ц. П. Ванчикова, И. В. Кульганек. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001, 380 с.
- Butanaev V. Ya. Burkhanism of the Sayano-Altai Turks. Abakan: Khakass State University, 2003. 260 p. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya., Mongush Ch. V. Archaic Customs and Rituals of the Sayan Turkic Peoples. Abakan: Khakass State University, 2005. 196 p. (In Russ.)
- The Universe of the Siberian Shaman. History. Legends. Rituals. Reprint edition of B. E. Petri's Works on Ethnography from the Collection of the Irkutsk Regional Museum of Local History. Irkutsk: Reprocenter A1, 2014. 328 p. (In Russ.)
- Vyatkina K. V. Mongols of the Mongolian People's Republic (Materials of the Historical and Ethnographic Expedition of the Academy of Sciences of the USSR and the Mongolian People's Republic Committee of Sciences in 1948–1949). In: East Asian Ethnographic Collection. Vol. LX. Moscow; Leningrad: Nauka, 1960. Pp. 159–269. (In Russ.)
- Galdanova G. R. Pre-Lamaist Beliefs of the Buryats. Novosibirsk: Nauka, 1987. 115 p. (In Russ.)
- Gogolev A. I. Traditional Calendar of the Yakuts. Yakutsk: Yakut State University, 1999. 71 p. (In Russ.)
- Dzhanuzakov T. S. Essay on Kazakh Onomastics. Alma-Ata: Nauka, 1982. 175 p. (In Russ.)
- Dondokova D. D. Vocabulary of Buryat Spiritual Culture. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2003. 134 p. (In Russ.)
- De Groot J. J. M. Demonology of Ancient China. St. Petersburg: Eurasia, 2000. 302 p. (In Russ.)
- Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (In Old Turk. and Russ.)
- Zhamtsarano Ts. Travel Diaries of 1903–1907. Ts. Vanchikova (ed.); V. Liksoikova (comp.) Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2001. 380 p. (In Russ.)

- Катанов 1907 — Катанов Н. Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым / Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым. Т. 9. СПб.: Академия наук, 1907. 640 с.
- Козин 1941 — Козин С. М. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongol-un Niguča Tobčiyān. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник. Т. I. М.; Л.: АН СССР, 1941. 620 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь. / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Кыргызы 2016 — Кыргызы. Серия «Народы и культуры» / отв. ред. А. А. Асанканов, О. И. Брусина, А. З. Жапаров. М.: Наука, 2016. 623 с.
- Манжигеев 1978 — Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации. М.: Наука, 1978. 125 с.
- Михайлов 1996 — Михайлов В. А. Религиозная мифология. Улан-Удэ: Соёл, 1996. 111с.
- Нацов 1995 — Нацов Г.-Д. Материалы по истории и культуре бурят. Ч. I / пер. и примеч. Г. Р. Галдановой. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 156 с.
- Сагалаев 1990 — Сагалаев А. М. Птица дающая жизнь (из тюрко-угорских параллелей) // Мировоззрение финно-угорских народов. сб. науч. трудов. Новосибирск: Наука, 1990. С. 21–34.
- Сем 2013 — Сем Т. Ю. Верховный пантеон тунгусо-маньчжурских народов Сибири и Дальнего Востока XIX–XX вв. (типология и семантика образов). Южно-Сахалинск: Сахалинск. обл. тип., 2013. 240 с.
- Серошевский 1993 — Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: Моск. тип. № 2, 1993. 736 с.
- Katanov N. F. Dialects of the Uriankhai (Soyots), Abakan Tatars and Karagas: N.Katanov (collect. and transl.). In: Examples of Folk Literature of the Turkic Tribes, V. Radlov (publ.). St. Petersburg: Academy of Sciences, 1907. Vol. 9. 640 p. (In Russ.)
- Kozin S. M. Secret History. Mongolian Chronicle of 1240 under the Title Mongol-un Niguča Tobčiyān. Yuan Chao Bi Shi. Mongolian Everyday Collection. T. I. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1941. 620 p. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.). Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Asankanov A. A., Brusina O. I., Zhaparov A. Z. (eds.). Kyrgyzes. Series "Peoples and Cultures". Moscow: Nauka, 2016. 623 p. (In Russ.)
- Manzhigeev I. A. Buryat Shamanistic and Pre-Shamanistic Terms. An Attempt at Atheistic Interpretation. M.: Nauka, 1978. 125 p. (In Russ.)
- Mikhailov V. A. Religious Mythology. Ulan-Ude: Soyol, 1996. 111 p. (In Russ.)
- Natsov G.-D. Materials on the History and Culture of the Buryats. Part 1. G. Galdanova (transl. and notes). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1995, 156 p. (In Russ.)
- Sagalaev A. M. Bird Giving Life (from Turkic-Ugric Parallels). In: Worldview of the Finno-Ugric Peoples. Novosibirsk: Nauka, 1990. Pp. 21–34. (In Russ.)
- Sem T. Yu. Supreme Pantheon of the Tungus-Manchu Peoples of Siberia and the Far East of the 19th–20th Centuries (typology and semantics of images). Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Regional Publ., 2013. 240 p. (In Russ.)
- Seroshevsky V. L. Yakuts. An Ethnographic Study. 2nd ed. Moscow: Moscow Publ. No. 2, 1993. 736 p. (In Russ.)

- СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.
- Слепцов 1972 — *Слепцов П. А.* Якутско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1972. 790 с.
- Содномпилова 2024 — *Содномпилова М. М.* Плеяды в системе народных знаний тюрко-монгольского населения Центральной и Внутренней Азии // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 3. С. 619–631. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-619-631
- Омакаева 1994 — *Омакаева Э. У.* Культ созвездий и планет у монголов // Этнокультурная лексика монгольских языков. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1994. С. 44–49.
- Омакаева 2023 — *Омакаева Э. У.* «Язык звезд»: лексика материальной и духовной культуры как источник номинации астрономов и космономов в монгольском и калмыцком языках на фоне русского // *Ономастика Поволжья*. Мат-лы XXI Междунар. науч. конф. Рязань, 2023. С. 256–259.
- Подмаскин 2004 — *Подмаскин В. В.* Космография тунгусо-маньчжуров и нивхов // *Вестник Дальневосточного отделения РАН*. 2004. № 1(113). С. 94–105.
- Подмаскин 2008 — *Подмаскин В. В.* Народные знания амурских эвенков // *Россия и АТР*. 2008. № 1(59). С. 88–100.
- Попов 1949 — *Попов А. А.* Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа. Сборник музея археологии и этнографии. Т. IX. 1949. С. 257–323.
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. Безобразова и К., 1883. 1029 с.
- Tenishev E. R., Dybo A. V. (eds.) *Comparative-Historical Grammar of the Turkic Languages. Proto-Turkic Language is the Basis. Picture of the World of the Proto-Turkic Ethnos According to Language Data*. Moscow: Nauka, 2006. 908 p. (In Russ.)
- Sleptsov P. A. *Yakut-Russian Dictionary*. Moscow: Sovetskaya Enciklopediya, 1972. 790 s. (In Russ.)
- Sodnompilova M. M. *Turko-Mongols of Central and Inner Asia: The Pleiades as Part of Folk Knowledge*. *Oriental Studies*. 2024; 17(3): Pp. 619–631. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-619-631
- Omakaeva E. U. *The Cult of Constellations and Planets among the Mongols*. In: *Ethnocultural Lexicon of the Mongolian Languages*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1994. Pp. 44–49. (In Russ.)
- Omakaeva E. U. “The Language of the Stars”: the vocabulary of material and spiritual culture as a source of nomination of astronoms and cosmonyms in the Mongolian and Kalmyk languages against the background of Russian // *Onomastics of the Volga region. Proceedings of the XXI International scientific conference Ryazan*, 2023. Pp. 256–259.
- Podmaskin V.V. *Cosmography of the Tungus-Manchus and Nivkhs*. *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2004. No. 1(113). Pp. 94–105. (In Russ.)
- Podmaskin V. V. *Folk Knowledge of the Amur Evenks. Russia and the Asia-Pacific Region*. 2008. No. 1(59). Pp. 88–100. (In Russ.)
- Popov A. A. *Materials on the History of Religion of the Yakuts of the Former Vilyui District*. In: *Collection of the Museum of Archeology and Ethnography*. Vol. 9. 1949. Pp. 257–323. (In Russ.)
- Potanin G. N. *Essays on Northwestern Mongolia. Part 4. Ethnographic Materials*. St. Petersburg: Bezobrazov i K. Tip., 1883. 1029 p. (In Russ.)

- РКС 1964 — *Илишкин И. К.* (ред.) Русско-калмыцкий словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 803 с.
- Иlishkin N. K. (ed.) Russian-Kalmyk Dictionary. Moscow: Sovetskaya Enciklopediya, 1964. 803 p. (In Russ. & Kalm.)
- Хангалов 1958 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. I. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1958. 550 с.
- Khangelov M. N. Collected Works. In 3 vols. Vol. 1. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1958. 550 p. (In Russ.)
- Хангалов 1959 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. II. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1959. 443 с.
- Khangelov M. N. Collected Works. In 3 vols. Vol. 2. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1959. 443 p. (In Russ.)
- Хангалов 1960 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. III. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1960. 420 с.
- Khangelov M. N. Collected Works. In 3 vols. Vol. 3. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1960. 420 p. (In Russ.)
- ТНС 2006 — Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. М.: Наука, 2006. 678 с. Серия «Народы и культуры».
- Funk D. A., Tomilov N. A. (eds.) Turkic Peoples of Siberia. Series "Peoples and Cultures". Moscow: Nauka, 2006. 678 p. (In Russ.)
- Цыбикдоржиев 2003 — *Цыбикдоржиев Д. В.* Происхождение древнемонгольских воинских культов (по фольклорно-этнографическим материалам бурят). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003. 292 с.
- Tsybikdorzhiev D. V. The Origin of Ancient Mongolian Warrior Cults (Based on Buryat Folklore and Ethnographic Materials). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2003. 292 p. (In Russ.)
- Юдахин 1965 — *Юдахин К. К.* Кыргызча-орусча сөздүгү (= Киргизско-русский словарь). М.: Сов. энциклопедия, 1965. 974 с.
- Yudakhin K. K. Kyrgyz-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Enciklopediya, 1965. 974 p. (In Kyrgyz & Russ.)
- Юдахин 1985а — *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. Кн. 1. М.; Фрунзе: Сов. энциклопедия, 1985. 504 с.
- Yudakhin K. K. Kirghiz-Russian Dictionary. Book 1. Moscow; Frunze: Sovetskaya Enciklopediya, 1985. 504 p. (In Kyrgyz & Russ.)
- Юдахин 1985б — *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. Кн. 2. М.; Фрунзе. М.; Фрунзе: Сов. энциклопедия, 1985. 480 с.
- Yudakhin K. K. Kirghiz-Russian Dictionary. Book 2. Moscow; Frunze: Soviet Encyclopedia, 1985. 480 p. (In Kyrgyz & Russ.)
- МУУЗ 2012 — Монгол Улсын угсаатны зүй (Ойрадын угсаатны зүй, XIX–XX зууны зааг үе). II боть. Улаанбаатар: Монсудар, 2012. 534 т.
- Ethnography of the Peoples of Mongolia. Vol. 2. Ethnography of the Oirats, 19th–20th Centuries. Ulaanbaatar: Monsudar, 2012. 534 p. (In Mong.)
- EDAL 2003 — *Starostin S., Dybo A., Mudrak O. V.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. I–III. Boston; Leyden: Brill. 2003. 1556 p.
- Starostin S., Dybo A., Mudrak O. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Boston; Leyden: Brill. Vol. 1–3. 2003. 1556 p. (In Eng.)
- Kara 2009 — *Kara G.* Dictionary of Sonom Gara's Erdeni-yin Sang. A Middle Mongol of the Tibetan Sa skya Legs bshad. Mongol-English-Tibetan. Leiden; Boston: Brill, 2009. 337 p.
- Kara G. Dictionary of Sonom Gara's Erdeni-yin Sang. A Middle Mongol of the Tibetan Sa skya Legs bshad. Mongol-English-Tibetan. Leiden; Boston: Brill, 2009. 337 p. (In Eng.)
- KW 1935 — *Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 s.
- Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 p. (In Kalm. & Germ.)

ЛИТЕРАТУРОВЕДИЕ

УДК 821.512.37.82-2

UDC 821.512.37.82-2

DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-171-180

Калмыцкая русскоязычная драматургия начала XXI в.: к истории вопроса

Римма Михайловна Ханинова¹

The Kalmyk Russian-Language Drama of the Early 21st Century: towards the history of the issue

Rimma M. Khaninova¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099. E-mail: [khaninova\[at\]bk.ru](mailto:khaninova[at]bk.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Ханинова Р. М., 2025

© Khaninova R. M., 2025

Аннотация. Введение. Калмыцкая русскоязычная драматургия начинает отсчет с начала нынешнего столетия. Она не была объектом и предметом исследования в отечественном литературоведении, чем обусловлена актуальность и новизна данной статьи. *Цель* статьи — представить явление калмыцкой русскоязычной драматургии в персоналиях и репрезентативных произведениях, выявить жанровую парадигму, раскрыть национальную идентичность, изучить фольклорную традицию, поэтику пьес. *Материалы* исследования основаны на репрезентативных пьесах калмыцких драматургов, в том числе неопубликованных, из личного архива авторов. *Метод* описательной поэтики использован для анализа текстов. *Результаты.* Калмыцкая русскоязычная драматургия представлена четырьмя авторами старшего поколения, членами писательских союзов, и одним автором молодого поколения, еще не принятого в Союз писателей. Часть пьес

Abstract. Introduction. Kalmyk Russian-language drama begins its countdown from the beginning of this century. It has not been the object and subject of the research by Russian literary criticism, which explains the relevance and novelty of this article. *The purpose* of the article is to present the phenomenon of the Kalmyk Russian-language drama in personalities and representative works, to identify the genre paradigm, to reveal national identity, to study folklore tradition, poetics of plays. *The research materials* are based on representative plays by Kalmyk playwrights, including unpublished ones, from the authors' personal archive. *The method* of descriptive poetics is used to analyze texts. *Results.* Kalmyk Russian-language drama is represented by four authors of the older generation, members of writers' unions, and one author of the younger generation, who has not yet been accepted into the Writers' Union. Some of the plays have been published, some

опубликована, часть не издана, находится в личных архивах авторов. Ряд пьес был поставлен на сцене театров Калмыкии. В жанровом отношении произведения в основном отличаются как в творчестве одного драматурга, так и в литературном процессе: мюзикл, драматическая поэма, легенда, сказка, комедия, историческая драма, драма и др. Тематический диапазон широк: история и современность. Национальная идентичность в большинстве пьес выражена разными средствами. В литературном процессе уже нет оппозиции «свой / чужой» произведений, созданных на калмыцком или на русском языках, как в 1960–1970-х гг. в калмыцкой русскоязычной поэзии.

Ключевые слова: современная калмыцкая русскоязычная драматургия, жанр, фольклор, национальная идентичность, поэтика

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект «„Свой“ – „другой“ – „чужой“ в калмыцкой русскоязычной литературе рубежа XX–XXI веков: имагологический аспект» (№ 25-28-01283, <https://rscf.ru/en/project/25-28-01283/>).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Калмыцкая русскоязычная драматургия начала XXI в.: к истории вопроса // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 1. С. 171–180. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-171-180

have not, and they are in the authors personal archives. A number of plays have been staged in the theaters of Kalmykia. In terms of genre, the works mostly differ both in the work of one playwright and in the literary process: musical, dramatic poem, legend, fairy tale, comedy, historical drama, drama, etc. The thematic range is wide: history and modernity. National identity in most plays is expressed in different ways. In the literary process, there is no longer the opposition of “one’s own / another’s” works created in Kalmyk or Russian languages, as in the 1960s and 1970s in the Kalmyk Russian-language poetry.

Keywords: modern Kalmyk Russian-language drama, genre, folklore, national identity, poetics

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 25-28-01283 ‘„One’s Own” – „Different” – „Alien” in Kalmyk Russian-Language Literature of the Turn of the 20th and 21st Centuries: The Imagological Aspect’. Available at: <https://rscf.ru/en/project/25-28-01283/>

For citation: Khaninova R. M. The Kalmyk Russian-language Drama of the Early 21st Century: towards the History of the Issue. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025; 17(1): 171–180. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-171-180

1. Введение

Калмыцкая русскоязычная драматургия относится к 2000-м гг. Она не была объектом и предметом исследования в отечественном литературоведении. Цель данной статьи — представить явление калмыцкой русскоязычной драматургии в персоналиях и произведениях, выявить жанровую парадигму, раскрыть национальную идентичность, изучить фольклорную традицию, поэтику пьес. Материалы исследования основаны на репрезентативных пьесах калмыцких драматургов, в том числе неопубликованных, из личного архива авторов.

Ни в сборнике «Калмыцкий театр» [Калмыцкий театр 1972], ни в двухтомной «Истории калмыцкой литературы» [История калмыцкой 1980] нет упоминания о калмыцкой русскоязычной драматургии, как и в «Истории советской многонациональной литературы» [История советской 1974], поскольку в тот период ее не существовало. В словаре «Литературы народов России: XX в.», несмотря на то, что уже появились первые пьесы калмыцких русскоязычных драматургов, например В. А. Хаптаханова, нет никаких сведений о новом явлении в литературном процессе республики [Литературы народов России 2005].

Если история калмыцкой драматургии XX – начала XXI вв. целенаправленно рассмотрена в трудах В. Д. Пюрвеева: кандидатская диссертация [Пюрвеев 1971], учебное пособие [Пюрвеев 2001], в статьях Р. М. Ханиновой [Ханинова 2009а; Ханинова 2014], то историю калмыцкой русскоязычной драматургии еще предстоит изучать. В библиографический указатель «Поэты Калмыкии» вошли краткие сведения о пьесах В. А. Хаптаханова, В. Г. Хотлина, киносценариях О. Л. Манджиева [Поэты Калмыкии 2017], а также краткие сведения о пьесах калмыцких русскоязычных драматургов включены в новый библиографический словарь «Писатели Калмыкии XX – начала XXI вв.» [Писатели Калмыкии 2021; Писатели Калмыкии 2023; Бадаева 2023: 529; Деева 2023: 506; Ханинова 2023: 436–440; Хаптаханов 2023а: 455–456; Хотлин 2023: 402–404].

2. Материалы и методы исследования

Для обзора избраны репрезентативные произведения калмыцких русскоязычных драматургов разных поколений. Среди них пьесы представителей старшего поколения Валерия Хотлина, Риммы Ханиновой, Виктора Хаптаханова, Надежды Деевой, а также молодого поколения — Герел Бадаевой. Это пьесы, опубликованные в журналах и книгах и не изданные по разным причинам до сих пор, а также из личного архива драматургов. Часть драматургических произведений авторов поставлена на сцене республиканских театров, некоторые пьесы остаются в их репертуаре, другие уже не востребованы. Сравнительно-сопоставительный подход позволяет определить традиции и новации пьес в современном литературном процессе Калмыкии, рассмотреть жанровое своеобразие и поэтику текстов.

3. Калмыцкая русскоязычная драматургия начала 2000-х гг. (Н. Ю. Деева, В. Г. Хотлин, В. А. Хаптаханов, Р. М. Ханинова)

Как о явлении калмыцкой русскоязычной драматургии можно говорить с 2000-х гг., хотя в конце 1990-х гг. были отдельные обращения, например, Валерия Хотлина к одноактным пьесам: «Что же там в мешке?» (1998) поставлена на сцене Республиканского ТЮЗа, «Волшебные вещи», «Волшебный мешок» — на сцене Калмыцкого драматического театра [Хотлин 2023: 403].

«Для этого этапа характерно появление новых музыкальных жанров — прежде всего мюзикла на русском языке. Один из них, как писал рецензент, талантливо, в стиле рока (в смысле музыки и стихов) показал нам молодежь каменных джунглей XXI века глазами взрослых <...>, ответственных за судьбы детей („Стая“, 2001; либретто В. Хаптаханова, музыка А. Манджиева). Другой — „Акума“ — о любви по мотивам японской сказки „Журавлиные перья“ (2003, либретто В. Чонгонова, музыка А. Манджиева) <...>. По мотивам сказок северных народов создана пьеса В. Хотлина „В поисках счастья“ (2003). <...> Сказка-мюзикл А. Санджиева „Маме принесу весну“ (2007), адресованная юным зрителям, синтезировала игру, танец, пение и слово» [Ханинова 2014: 17].

Калмыцкая легенда о первом джангарчи нашла своеобразное отражение в одноактной пьесе режиссера Баатра Колаева «Джангар. Пролог к началу» (2007). Спектакль по «мифологической драме» вызвал неоднозначную оценку и подвергся критике [Шагаев 2009: 9].

«Конкурсы национальной драматургии последних лет (2006–2009) на лучшую пьесу для детей, на лучшую пьесу на калмыцком и русском языках призваны были

активизировать развитие трудного жанра, привлечь творческих работников к созданию достойных произведений для сцены, сблизить драматурга и режиссера в борьбе за зрителя. <...> В преддверии 400-летия добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства появились новые пьесы, посвященные этой дате: „Я — сын России“ В. Хотлина (2008), „Легенда о джангарчи“ Р. Ханиновой (2008), „Эмдин чирэ алтн“ („Лицо живого — золото“) В. Нурова (2008), „Хату закон“ („Жестокий указ“) П. Дарваева (2008), „Гэрлг“ („Герлыга“) Э. Тепкенкиева и др. Разнотематические и разноплановые, разножанровые и разностилевые, они демонстрировали разные уровни и возможности драматургов» [Ханинова 2014: 18].

Но, на взгляд режиссера Б. Д. Колаева, этот конкурс не оправдал возложенных на него надежд, поскольку мало драматургов приняли в нем участие, поэтому он предложил проводить ежегодные конкурсы [Успенская 2008: 73].

В этот период появились пьесы Надежды Юрьевны Деевой (г. р. 1971) [Деева 2023: 506] в жанре комедии: «Аттестация» (2002), «Чиновники», «Жених и невеста» (2003), «Лучше поздно, чем никогда» (2004) и др. [Деева 2005а; Деева 2005б]. Особенностью этих пьес молодого драматурга является то, что действующие лица обезличены, своего рода маски, локализация не конкретизирована. Например, в «Чиновниках» действие происходит в неназванной республике, входящей в состав России, действующие лица — безымянные номенклатурные персонажи, начиная с Президента, Премьер-министра и заканчивая представителями Кабинета министров: Министр экономики, Министр финансов и др. [Деева 2005б: 5]. В «Аттестации» действуют в неназванном провинциальном университете, действующие лица — студенты, преподаватели, начальство — от ректора до декана. Здесь в традициях русской комедиографии персонажи имеют русские «говорящие» имена и фамилии (Глупцов, Трусливцев, Ленивцев, Хамов, Ужимкина, Интрижкина, Гадюкина и т. п.) [Деева 2005а: 530], что, по замыслу автора, должно придать пьесе сатирический ракурс. В этих пьесах нет ни одного калмыцкого героя, никакого калмыцкого колорита, не передана в этом ракурсе национальная идентичность. Ни одна из пьес не была поставлена на театральной сцене республики.

В отличие от этого драматурга у Виктора Алексеевича Хаптаханова (г. р. 1957) [Хаптаханов 2023а: 455–456] нет ни одной опубликованной пьесы, он не предлагал их для публикации журналам и не включал в свои книги стихов. Но есть постановки спектаклей разных лет в театрах Калмыкии. Так, помимо указанного мюзикла «Стая» [Хаптаханов 2001], зрители в 2010 г. увидели мюзикл «Стервы» [Хаптаханов 2010] о девиантном (асоциальном) поведении подростков, в 2016 г. — спектакль по пьесе «Я — Будда, человек» [Хаптаханов 2016] в Национальном драматическом театре им. Б. Б. Басангова, в 2023 г. — «Мальчик и Дракон» в республиканском Театре юного зрителя. В жанровом отношении пьеса «Я — Будда, человек» автором обозначена как эпическая поэма [Хаптаханов 2016], хотя это драматическая поэма, она о принце Сиддхартхе Гаутаме, ставшем Буддой (букв. ‘пробужденный’). Спектакль по этой пьесе в постоянном репертуаре театра. В режиссерском прочтении название «Я — Будда, человек» сократилось до «Я — Будда». Между тем, по словам автора, название прочитывается в двух контекстах: 1) как утверждение Будды, что он человек, 2) как обращение к человеку. Пьеса «Мальчик и Дракон» в прозе названа «почти

сказкой» [Хаптаханов 2023б] и адресована детской аудитории. Автор предложил свою версию о дружбе мифического дракона с мальчиком, оставив в стороне фольклорную легенду. Ср. в сказке Р. М. Ханиновой «Мальчик и Дракон» [Ханинова 2022: 95–96]. Персонажи пьесы в игровой форме знакомят маленьких зрителей с национальными реалиями, демонстрируя победу добра над злом.

Пьеса Валерия Германовича Хотлина (1951–2018) «Я — сын России!...», в 2009 г. занявшая первое место в республиканском конкурсе драматургии на русском языке, была поставлена на сцене республиканского Русского театра драмы и комедии. Жанровое определение автора — «Поэтическая история в двух частях». Дается пояснение, что в пьесе использованы стихи из эпоса «Джангар», из поэмы С. А. Есенина «Пугачев», стихи Дениса Давыдова, французских поэтов разных веков, авторские стихи. Посвященная 400-летию вхождения калмыков в состав Российского государства, пьеса соединяет прошлое (Отечественная война 1812 г.) и настоящее (сибирская ссылка калмыцкого народа начала 1950-х гг., т. е. в период репрессий в стране (1943–1957)). По авторскому замыслу, преемственность в героической защите родины — одна из главных тем его произведения, тем не менее она показана лишь с одной стороны — война 1812 г. Среди действующих лиц — императрица Екатерина II, генерал Апраксин, поэт-партизан Денис Давыдов, читающий собственные стихи о Бородинском поле, художник Федор Калмык. Любовный мотив, связавший калмыка-воина и француженку в Париже, перерастает в намеченный мотив любви ссыльного юноши-калмыка Улюмджи и русской сибирячки Анны. В художественном плане пьеса эклектична: накануне Отечественной войны 1812 г. звучит рассказ Улюмджи об уходе калмыков из России и вводится чтение фрагмента драматической поэмы С. А. Есенина «Пугачев» (1921), клятва богатырей из эпоса «Джангар» соседствует с танцем воинов 1812 г., сын зайсанга Улюмджи цитирует сородичам отрывки из писем Фридриха II Елизавете Петровне и атамана Платова Петру I о калмыках. Стиль пьесы неоднороден: калмык Мукукен говорит по-русски и по-калмыцки, француженка Анна и ее семья — по-русски с использованием французского приветствия, ее отец отказывает Улюмджи стихами, когда тот просит руки его дочери. Улюмджи и Анна изъясняются то прозой, то стихами. В открытом финале пьесы на сибирском полуостанке в XX в. другие герои с теми же именами — Улюмджи и Анна — накануне новой жизни. Девушка сообщает: *«По радио передали, что в отношении калмыков была допущена ошибка. Вы можете ехать домой!»* [Хотлин 2017: 205–206]. Улюмджи, не успев признаться ей в любви, зовет в калмыцкую степь строить страну Бумбу. В ответ на слова, что там она чужая, возражает: *«Нет, Анна, наша Родина — Россия!»* [Хотлин 2017: 206]. Декларативность и патетичность в целом характеризуют эту пьесу драматурга.

Три пьесы Риммы Михайловны Ханиновой (г. р. 1955) [Ханинова 2023: 436–440], созданные в начале 2000-х гг., адресованы разным аудиториям. Две пьесы «Легенда о джангарчи» [Ханинова 2009б: 30–48; Ханинова 2015а: 141–186] и «Небожитель и младенец» [Ханинова 2015б: 186–199] по мотивам калмыцкого фольклора написаны стихами, «День рождения» для детей — прозой [Ханинова 2015в: 199–202]. Пьеса для детей переведена на черногорский язык [Khaninova 2015: 203–205]. В основе первой пьесы — калмыцкая легенда о первом джангарчи [Семь звезд 2004: 54–56], второй пьесы — калмыцкая сказка «Капли счастья» [Семь звезд 2004: 309–311]. Вторая пьеса — переработка авторской поэмы «Час

речи» (2002). Первая пьеса была написана по заказу Национального театра, но не была поставлена на его сцене по причине ее сложности для воплощения, по словам главного режиссера. Творческое обращение драматурга к фольклорным источникам демонстрировало связь с устным народным творчеством и калмыцкой театральной классикой.

4. Калмыцкая русскоязычная драматургия 2020-х гг.

Новое молодое поколение калмыцких русскоязычных драматургов представлено Герел Баатровной Бадаевой (г. р. 1998), выпускницей Литературного института им. А. М. Горького (отделение драматургии, 2020), ныне сотрудником Национального драматического театра им. Б. Б. Басангова [Бадаева 2023: 529]. Из всех ее одноактных пьес первая «Венчание матери-земли» обнародована в сетевом журнале «Традиция и авангард» в 2021 г. [Бадаева 2021a], другая — «Сказка о белом слоне» — в сетевом журнале «Химеры» [Бадаева 2022a]. Пьесы «Поезд памяти» [Бадаева 2021b], «Сказание о победе» (спектакль «Галдан и Ану») [Бадаева 2022b] и др. были поставлены в Национальном драматическом театре, но не опубликованы, так как, по словам автора, нуждаются в доработке. Отказывается она и от предоставления своих текстов исследователям по той же причине. Помимо пьес, она пишет стихи, которые включает в свои пьесы. Издала книжку стихов в 2015 г. [Бадаева 2015]. Тема пьесы «Поезд памяти» отсылает к поездкам в Сибирь, совершенных в 1990-х – начала 2000-х гг. по местам ссылки (1943–1957 гг.) калмыками разных поколений, в том числе родившимися там. Автор обозначил жанр своего произведения как «Размышления молодых». Главные персонажи, четверо молодых людей, едут в одном купе такого поезда, а пожилая женщина, учительница, рассказывая им о трагической истории народа в прошлом столетии, пытается приобщить их к сопереживанию. Одноактная пьеса «Сказка о белом слоне» имеет авторское определение: «Пьеса-размышление о пути Шаматхи» [Бадаева 2022a]. Шаматхой в буддийском учении обозначают тип медитации для достижения ментального покоя, прояснения сознания. Одноактная пьеса включает четыре персонажа: Мальчик, Обезьяна, Слон, Кролик. Они идут к вершине горы, чтобы оттуда открылось, как можно помочь людям в жизни. Место действия не конкретизировано, нет географических локаций, Мальчик — просто мальчик, видимо, представляющий человечество, а животные — мир природы, т. е. они создают мифопоэтический ракурс. Собственно размышления в пьесе артикулирует Мальчик, стремясь побудить своих спутников к альтруизму. Мальчик и Слон дошли до горной вершины, цель достигнута, впереди — открытый финал. Мальчик говорит: *«Каждый, кто хочет помочь другим, должен сначала подружиться со своим слоном и посмотреть на долину далеко-далеко. <...> я очень хочу помочь другим. Это единственный путь»* [Бадаева 2022a]. Путь преображения слона внешне в белый цвет должен, по мысли автора, манифестировать и путь его сознания к вершине горы. Несмотря на то, что в названии пьесы указан слон, главный герой все-таки Мальчик. Стиль произведения отличает включение просторечия, обезличенная речь персонажей.

4. Заключение

Калмыцкая русскоязычная драматургия, в отличие от калмыцкой русскоязычной поэзии, появилась позднее, первые значимые произведения относятся

к началу 2000-х гг. Драматургов немного, из них члены Союза российских писателей и Союза писателей России — В. А. Хаптаханов, В. Г. Хотлин, Н. Ю. Деева, Р. М. Ханинова. Г. Б. Бадаева, представляя молодое поколение, не является членом писательского союза. Обращение к драматургии В. А. Хаптаханова связано и с его актерской профессией и Русским театром драмы и комедии, В. Г. Хотлина — с работой директора в этом театре, Г. Б. Бадаевой — с работой литературного сотрудника в Национальном драматическом театре им. Б. Б. Басангова. Все они пишут стихи, для них характерны создание пьес в стихах и включение собственных стихотворных сочинений в драматические произведения. Н. Ю. Деева пишет только в жанре комедии в стихах, другие — в разных жанрах. У некоторых драматургов авторское жанровое определение неточное (например, «эпическая поэма» вместо «драматическая поэма») или произвольное (например, «поэтическая история», «почти сказка», «размышления молодых», «пьеса-размышление» и т. д.). У молодого драматурга пьесы одноактные, у других — как одноактные, так и в нескольких действиях. Комедии Н. Ю. Деевой относятся к современности, но не локализованной и не конкретной, персонажи в большинстве своем обезличенные, калмыцкий компонент отсутствует. В большинстве пьес других драматургов национальная идентичность выражена разными средствами: тема, проблема, система персонажей, культура, верования, фольклор, быт, язык. Оппозиция «свой / чужой» реализуется на уровне антагонизма идей, героев, миров. Тематический диапазон пьес широкий — от прошлого до настоящего, от исторического к современности. Фольклорная традиция представлена в трансформированном виде с опорой на сказки, легенды, эпос. Немногие пьесы, адресованные детской аудитории, имеют современный ракурс или мифологический аспект. Часть пьес была опубликована, часть поставлена на сцене театров республики, часть до сих пор не издана, находится в личных архивах авторов. Ни одна из пьес не была объектом и предметом исследования в литературоведческих трудах. В этом плане по сравнению с калмыцкой русскоязычной поэзией калмыцкая русскоязычная драматургия находится на периферии литературной критики.

Литература

References

Бадаева 2015 — <i>Бадаева Г. Б. Carpe Diem</i> (Стихи). Элиста: Джангар, 2015. 52 с. Бадаева 2021a — <i>Бадаева Г. Б. Венчание матери-земли</i> [электронный ресурс] // URL: http://traditsiya-avangard.ru/dramaturgiya/venchanie-materi-zemli-pesa-v-odnom-deistvii.html (дата обращения: 7.05.2025) Бадаева 2021б — <i>Бадаева Г. Б. Поезд памяти</i> // Из личного архива Г. Б. Бадаевой. Бадаева 2022a — <i>Бадаева Г. Б. Сказка про белого слона</i> [электронный ресурс] // URL: https://chimeras.world/pieces/2 (дата обращения: 7.05.2025)	Badaeva G. <i>Carpe Diem</i> (Poems). Elista: Dzhangar, 2015. 52 p. (In Russ.). Badaeva G. <i>The Wedding of Mother-Earth</i>. Available at: http://traditsiya-avangard.ru/dramaturgiya/venchanie-materi-zemli-pesa-v-odnom-deistvii.html (In Russ.). (accessed: 7 May 2025) Badaeva G. <i>The Train of Memory</i>. In: <i>The Playwright's Personal Archive</i>. (In Russ.). Badayeva G. <i>The Tale of the White Elephant</i>. Available at: https://chimeras.world/pieces/2 (In Russ.). (accessed: 7 May 2025)

- Бадаева 2022б — Бадаева Г. Б. Сказание о победе (Галдан и Ану) // Из личного архива Г. Б. Бадаевой. Badaeva G. The Legend of the Victory (Galdan and Anu). In: The Playwright's Personal Archive. (In Russ.).
- Бадаева 2023 — Бадаева Г. Б. Писатели Калмыкии. XX – начало XXI вв. Биобиблиографический словарь / сост. Э. А. Эльдышев. Элиста: Союз писателей Республики Калмыкия, 2023. С. 529. Badaeva G. B. Writers of Kalmykia. 20th – Early 21st Centuries. Bio-bibliographic Dictionary. E. Eldyshev (comp.). Elista: Writers Union of the Republic of Kalmykia, 2023. 529 p. (In Russ.).
- Деева 2023 — Деева Н. Ю. // Писатели Калмыкии. XX – начало XXI вв. Биобиблиографический словарь / сост. Э. А. Эльдышев. Элиста: Союз писателей Республики Калмыкия, 2023. С. 506. Deeva N. Y. In: Writers of Kalmykia. 20th – Early 21st Centuries. Bio-Bibliographic Dictionary. E. Eldyshev (comp.). Elista: Writers Union of the Republic of Kalmykia, 2023. 506 p. (In Russ.).
- Деева 2005а — Деева Н. Ю. Слава России: Стихи, поэмы, рассказы, пьесы в стихах, афоризмы, автобиографические заметки. Элиста: Джангар, 2005. 736 с. Deeva N. Y. Glory of Russia: Poems, Short Stories, Plays in verse, Aphorisms, Autobiographical Notes. Elista: Dzhangar, 2005. 736 p. (In Russ.).
- Деева 2005б — Деева Н. Ю. Чиновники: Комедия в трех действиях. Элиста: Джангар, 2005. 128 с. Deeva N. Y. Officials: A Comedy in Three Acts. Elista: Dzhangar, 2005. 128 p. (In Russ.).
- История калмыцкой 1980 — История калмыцкой литературы. В 2 тт. Т. 2. Советский период. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 445 с. The History of Kalmyk Literature. In 2 vols. Vol. 2. The Soviet Period. Elista: Kalmykia Book Publ., 1980. 445 p. (In Russ.).
- История советской 1974 — История советской многонациональной литературы. В 6 тт. Т. 5. М.: Наука, 1974. 839 с. The History of Soviet Multinational Literature. In 6 vols. Vol. 5. Moscow: Nauka, 1974. 839 p. (In Russ.).
- Калмыцкий театр 1972 — Калмыцкий театр. 1927–1967: материалы и документы / сост. Д. В. Сычев, вступит. ст., археогр. обр. и ред. В. Д. Пюрвеева. Элиста: [б. и.], 1972. 378 с. Kalmyk Theater. 1927–1967: Materials and Documents. D. Sychev (comp.), V. Purveev (intr. art., archeogr. mod. and ed.). Elista: [s. n.], 1972. 378 p. (In Russ.).
- Литературы народов России 2005 — Литературы народов России: XX в.: словарь / отв. ред. Н. С. Надъярных. М.: Наука, 2005. 365 с. Literature of the Peoples of Russia: 20th Century: Dictionary. N. Nadyarnykh (ed.). Moscow: Nauka, 2005. 365 p. (In Russ.).
- Писатели Калмыкии 2021 — Писатели Калмыкии. XX – начало XXI вв. Биобиблиографический словарь / авт.-сост. Э. А. Эльдышев. Элиста: Союз писателей Республики Калмыкия, 2021. 472 с. Writers of Kalmykia. 20th – Early Centuries. Bio-Bibliographic Dictionary. E. Eldyshev (comp.). Elista: Writers Union of the Republic of Kalmykia, 2021. 472 p. (In Russ.).
- Писатели Калмыкии 2023 — Писатели Калмыкии. XX – начало XXI вв. Биобиблиографический словарь / сост. Э. А. Эльдышев. Элиста: Союз писателей Республики Калмыкия, 2023. 552 с. Writers of Kalmykia. 20th – Early 21st Centuries. Bio-Bibliographic Dictionary. E. Eldyshev (comp.). Elista: Writers Union of the Republic of Kalmykia, 2023. 552 p. (In Russ.).

- Поэты Калмыкии 2017 — Поэты Калмыкии: Шанаев Д. Ф., Манджиев О. Л., Чонгонов В. Б., Лиджиева В. Н., Хотлин В. Г., Хаптаханов В. А.: библиографический указатель. Элиста: [б. и.], 2017. 142 с.
- Поэты Kalmykia: Shanaev D. F., Mandzhiev O. L., Chongonov V. B., Lidzhieva V. N., Khotlin V. G., Khaptakhanov V. A.: Bibliographic Index. Elista: [s. n.], 2017. 142 p. (In Russ.).
- Пюрвеев 1971 — *Пюрвеев В. Д.* Основные этапы развития калмыцкой советской драматургии. 1920–1970 гг.: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1971. 255 с.
- Purveev V. D. The Main Stages of the Development of Kalmyk Soviet Drama. 1920–1970: Cand. Sc. (Philology) thesis. Moscow, 1971. 255 p. (In Russ.).
- Пюрвеев 2001 — *Пюрвеев В. Д.* История калмыцкой драматургии (1920–1970 годы). Элиста: Калм. ун-т, 2001. 80 с.
- Purveev V. D. History of the Kalmyk Drama (1920–1970). Elista: Kalmyk University, 2001. 80 p. (In Russ.).
- Семь звезд 2004 — Семь звезд: калмыцкие легенды и предания / сост., пер., вступит. ст., коммент. Д. Э. Басаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.
- Seven Stars: Kalmyk Legends and Traditions D. Basaev (comp., trans., intro. art., comm.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2004. 415 p. (In Russ.).
- Успенская 2008 — *Успенская С.* Новая драматургия рождает новый театр // *Теегин герл.* 2008. № 6. С. 72–75.
- Uspenskaya S. New Drama Gives Birth to a New Theater. *Teegin Gerel.* 2008. No. 6. Pp. 72–75. (In Russ.).
- Ханинова 2009а — *Ханинова Р. М.* Драматургия // *История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 3.* Элиста: Герел, 2009. С. 521–527.
- Khaninova R. M. Dramaturgy. In: The History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Days: in 3 vols. Vol. 3. Elista: Gerel, 2009. Pp. 521–527. (In Russ.).
- Ханинова 2009б — *Ханинова Р. М.* Легенда о джангарчи // *Теегин герл.* 2009. № 5. С. 30–48.
- Khaninova R. Legend about Dzhangarchi. *Teegin Gerel.* 2009. No. 5. Pp. 30–48. (In Russ.).
- Ханинова 2014 — *Ханинова Р. М.* Драматургия // *Ханинова Р. М.* Калмыцкая литература XX века: эскизы к портрету. Элиста: Калм. ун-т, 2014. С. 4–21.
- Khaninova R. M. Dramaturgy. In: Khaninova R. M. Kalmyk Literature of the 20th Century: Sketches for a Portrait. Elista: Kalmyk University, 2014. Pp. 4–21. (In Russ.).
- Ханинова 2015а — *Ханинова Р. М.* Легенда о джангарчи // *Ханинова Р. М.* Материнский хлеб: хрестоматия по калмыцкой литературе для детей и юношества. Элиста: Калм. ун-т, 2015. С. 141–186.
- Khaninova R. The Legend of Dzhangarchi. In: Khaninova R. M. Mother's Bread: a Textbook on Kalmyk Literature for Children and Youth. Elista: Kalmyk University, 2015. Pp. 141–186. (In Russ.).
- Ханинова 2015б — *Ханинова Р. М.* Небожитель и младенец // *Ханинова Р. М.* Материнский хлеб: хрестоматия по калмыцкой литературе для детей и юношества. Элиста: Калм. ун-т, 2015. С. 186–199.
- Khaninova R. The Heavenly Dweller and the Infant. In: Khaninova R. M. Mother's Bread: a Textbook on Kalmyk Literature for Children and Youth. Elista: Kalmyk University, 2015. Pp. 186–199. (In Russ.).
- Ханинова 2015в — *Ханинова Р. М.* День рождения // *Ханинова Р. М.* Материнский хлеб: хрестоматия по калмыцкой литературе для детей и юношества. Элиста: Калм. ун-т, 2015. С. 199–202.
- Khaninova R. Birthday. In: Khaninova R. M. Mother's Bread: a Textbook on Kalmyk Literature for Children and Youth. Elista: Kalmyk University, 2015. Pp. 199–202. (In Russ.).

- Ханинова 2022 — *Ханинова Р. М.* Мальчик и Дракон // *Теегин герл*. 2022. № 6. С. 95–96. Khaninova R. The Boy and the Dragon. *Teegin Gerel*. 2022. No. 6. Pp. 95–96. (In Russ.).
- Ханинова 2023 — *Ханинова Р. М.* // Писатели Калмыкии. XX – начало XXI вв. Биобиблиографический словарь / сост. Э. А. Эльдышев. Элиста: Союз писателей Республики Калмыкия, 2023. С. 36–440. Khaninova R. M. In: Writers of Kalmykia. 20th – Early 21st Centuries. Bio-Bibliographic Dictionary. E. Eldyshev (comp.). Elista: Writers Union of the Republic of Kalmykia, 2023. Pp. 436–440. (In Russ.)
- Хаптаханов 2023а — *Хаптаханов В. А.* // Писатели Калмыкии. XX – начало XXI вв. Биобиблиографический словарь / сост. Э. А. Эльдышев. Элиста: Союз писателей Республики Калмыкия, 2023. С. 455–456. Khaptakhanov V. A. Writers of Kalmykia. 20th – Early 21st Centuries. Bio-Bibliographic Dictionary. E. Eldyshev (comp.). Elista: Union of Writers of the Republic of Kalmykia, 2023. Pp. 455–456. (In Russ.)
- Хаптаханов 2016 — *Хаптаханов В. А.* Я — Будда, человек // Из личного архива В. А. Хаптаханова. Khaptakhanov V. A. I am the Buddha, the Man. In: The Playwright's Personal Archive. (In Russ.)
- Хаптаханов 2001 — *Хаптаханов В. А.* Либретто мюзикла «Стая» // Из личного архива В. А. Хаптаханова. Khaptakhanov V. Libretto of the Musical “The Pack”. In: The Playwright's Personal Archive. (In Russ.)
- Хаптаханов 2010 — *Хаптаханов В. А.* Стервы // Из личного архива В. А. Хаптаханова. Khaptakhanov V. The Bitches. In: The Playwright's Personal Archive. (In Russ.)
- Хаптаханов 2023б — *Хаптаханов В. А.* Мальчик и Дракон // Из личного архива В. А. Хаптаханова. Khaptakhanov V. The Boy and the Dragon. In: The Playwright's Personal Archive. (In Russ.)
- Хотлин 2023 — *Хотлин В. Г.* // Писатели Калмыкии. XX – начало XXI вв. Биобиблиографический словарь / сост. Э. А. Эльдышев. Элиста: Союз писателей Республики Калмыкия, 2023. С. 402–404. Khotlin V. G. In: Writers of Kalmykia. 20th – Early 21st Centuries. Bio-Bibliographic Dictionary. E. Eldyshev (comp.). Elista: Writers Union of the Republic of Kalmykia, 2023. Pp. 402–404. (In Russ.)
- Хотлин 2017 — *Хотлин В. Г.* «Я — сын России!»: стихи, проза, пьеса. Элиста: Калмыцкое рег. отделение СРП, 2017. 256 с. Khotlin V. G. “I am the Son of Russia!”: Poetry, Prose, Play. Elista: Kalmyk Regional Department of the Russian Writers Union, 2017. 256 p. (In Russ.)
- Шагаев 2009 — *Шагаев Б. А.* «Образованцы» // Элистинский курьер. 2009. 27 февраля. С. 9. Shagaev B. “The Educated”. *Elistinsky Kuri-er*. 2009. February 27. P. 9. (In Russ.).
- Khaninova 2015 — *Khaninova R. M.* Rodendan // *Ханинова Р. М.* Материнский хлеб: хрестоматия по калмыцкой литературе для детей и юношества. Элиста: Калм. ун-т, 2015. С. 203–205. Khaninova R. Rodendan. In: Khaninova R. M. Mother's Bread: a Textbook on Kalmyk Literature for Children and Youth. Elista: Kalmyk University, 2015. Pp. 203–205. (In Montenegrin).

Has been issued since 2002 https://mongoloved.kigiran.com/jour	МОНГОЛОВЕДЕНИЕ (Монгол судлал) (Mongolian Studies)
Vol. 17, Iss. 1, pp. 181–188, 2025 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-181-188	ISSN 2500-1523 (Print) ISSN 2712-8059 (Online)

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47)“1941/1945”.

UDC 94(47)“1941/1945”.

DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-181-188

Рец. на: Максимов К. Н. Газета «Свободная земля» немецких оккупантов как образец нацистской пропаганды. М.: Наука, 2023. 254 с.

Book Review: Maksimov K. N. The Newspaper “Svobodnaya Zemlya” of the German Occupiers as an Example of Nazi Propaganda. Moscow: Nauka, 2023. 254 p.

*Евгений Федорович Кринко^{1,2},
Елена Владимировна Кринко³*

*Evgeny F. Krinko^{1,2},
Elena V. Krinko³*

¹ Южный научный центр РАН (д. 41, пр. Чехова, 344006 Ростов-на-Дону (Российская Федерация)

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (41, Chekhov Ave., 344006 Rostov-on-Don (Russian Federation)

доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе

Dr. Sc. (History), Deputy Director

² Южный федеральный университет (д. 140, ул. Пушкинская, Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Southern Federal University (140, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, Russian Federation)

доктор исторических наук, профессор

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0003-3008-5626. [krinko\[at\]mail.ru](mailto:krinko[at]mail.ru)

³ Южный федеральный университет (д. 140, ул. Пушкинская, Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Southern Federal University (140, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, Russian Federation)

кандидат исторических наук, доцент

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0009-0001-1578-3736. [steglenko\[at\]sfedu.ru](mailto:steglenko[at]sfedu.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Кринко Е. Ф., Кринко Е. В., 2025

© Krinko E. F., Krinko E. V., 2025

Аннотация. Рецензия посвящена монографии Константина Николаевича Максимова (Калмыцкий научный центр Российской академии наук) «Газета „Свободная земля“ немецких оккупантов как образец

Abstract. The review is devoted to the monograph by Konstantin Nikolaevich Maksimov (Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences) “The Newspaper „Svobodnaya Zemlya” of the German

нацистской пропаганды» (М.: Наука, 2023. 254 с.). Газета «Свободная земля» издавалась в период оккупации Калмыцкой АССР в Элисте в 1942 г. Монография написана на основе анализа сохранившихся номеров газеты «Свободная земля», других исторических и историографических источников. Структура книги включает введение, четыре главы, заключение и библиографию. В первой главе рассматриваются передовицы газеты «Свободная земля». Вторая глава посвящена сводкам Верховного командования германской армии. В третьей главе автор рассматривает редакционные и авторские статьи, выходившие в рубрике «В освобожденных областях». В четвертой главе дана характеристика публикаций приказов, распоряжений, воззваний и других документов органов оккупационной власти. Автор охарактеризовал жанровые особенности опубликованных в газете материалов, их роль и значение в политике захватчиков, в реализации нацистской пропаганды. Книга содержит неизвестную информацию об оккупации Калмыцкой АССР, в том числе, сведения биографического характера о представителях оккупационной администрации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Калмыцкая АССР, коллаборационизм, К. Н. Максимов, нацистская пропаганда, оккупационная пресса, газета «Свободная земля»

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках Программы научных исследований этнокультурного многообразия российского общества, направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В. А. Тишков).

Для цитирования: Кринко Е. Ф., Кринко Е. В. Рец. на: Максимов К. Н. Газета «Свободная земля» немецких оккупантов как образец нацистской пропаганды. М.: Наука, 2023. 254 с. // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 1. С. 181–188. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-181-188

Occupiers as an example of Nazi propaganda” (Moscow: Nauka, 2023. 254 p.). The newspaper “Svobodnaya Zemlya” was published during the occupation of the Kalmyk ASSR in Elista in 1942. The monograph is based on the analysis of preserved issues of the newspaper “Svobodnaya Zemlya” and other historical and historiographical sources. The book’s structure includes an introduction, four chapters, a conclusion, and a bibliography. The first chapter examines the editorials of the newspaper “Svobodnaya Zemlya”. The second chapter is devoted to the reports of the High Command of the German Army. In the third chapter, the author examines the editorial and author’s articles published under the heading “In the liberated regions”. The fourth chapter describes the publication of orders, orders, appeals and other documents of the occupation authorities. The author described the genre features of the materials published in the newspaper, their role and significance in the policy of the invaders, in the implementation of Nazi propaganda. The book contains unknown information about the occupation of the Kalmyk ASSR, including biographical information about representatives of the occupation administration.

Keywords: Great Patriotic War, Kalmyk ASSR, collaboration, K. N. Maksimov, Nazi propaganda, occupation press, newspaper “Svobodnaya Zemlya”

Acknowledgments. The publication was prepared as part of the Program of scientific research on the ethnocultural diversity of the Russian society aimed at strengthening the All-Russian identity in 2023–2025 (headed by Academician of the Russian Academy of Sciences V. A. Tishkov).

For citation: Krinko E. F., Krinko E. V. Book Review: Maksimov K. N. The Newspaper “Svobodnaya Zemlya” of the German Occupiers as a Model of Nazi Propaganda. Moscow: Nauka, 2023. 254 p. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025; 17(1): 181–188. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-181-188

Нацистская оккупация стала одним из самых трагических периодов в истории СССР, изучение которого приобрело высокую актуальность в современной историографии. Существенную роль в этом сыграл федеральный проект «Без срока давности», позволивший ввести в научный оборот значительный комплекс исторических источников [Без срока давности 2020]. На новой источниковой базе в последние годы появилось много исследований. В их числе и рецензируемая монография, анализирующая газету «Свободная земля», которая выходила в период оккупации Калмыцкой АССР в Элисте в 1942 г., как образец нацистской пропаганды.

Следует отметить, что нацистской пропаганде на оккупированных территориях СССР, ее целям, содержанию и институтам всегда уделялось пристальное внимание исследователей. Это выразилось в появлении соответствующих публикаций и диссертационных исследований, в том числе выполненных и на материалах Юга России [Кринко 2002; Горелкин 2003; Жуков, Ковтун 2015; Кохан 2019; и др.]. Немало места в публикациях последних десятилетий занимает анализ периодических изданий, опубликованных местными коллаборационистами под контролем немецких военных комендатур для жителей захваченных советских регионов [Грибков 2007; Грибков, Молчанов 2007; Нечай 2013; Кохан 2016; Терешина 2016; Романько 2019; Ковалев, Кулик 2020; Ковалев, Кулик 2022; и др.]

Однако газета «Свободная земля» ранее не являлась предметом специального изучения. Более того, в отдельных работах неверно указывалось даже само название газеты. Это во многом обусловлено тем, что номера «Свободной земли» вплоть до последнего времени находились на секретном хранении в ведомственном архиве Управления Федеральной Службы Безопасности по Республике Калмыкия и впервые были опубликованы только в соответствующем сборнике, вышедшем в серии «Без срока давности» [Без срока давности 2020].

Автор рецензируемой книги — доктор исторических наук, профессор К. Н. Максимов — является признанным специалистом по истории Калмыкии и калмыцкого народа в военные годы. Он посвятил истории Великой Отечественной войны немало работ, среди которых и разделы в обобщающих коллективных трудах [Калмыкия 2005; История Калмыкии 2009], и самостоятельные монографии [Максимов 2010; Максимов, 2021б], представляющие целостную картину событий 1941–1945 гг., и научные статьи [Максимов 2013; Максимов 2019; и др.], раскрывающие различные аспекты данной темы. Немало публикаций рассказывает и об оккупационной политике нацистов, ее тяжелых последствиях для населения Калмыцкой АССР [Максимов 2012; Максимов 2017; Максимов 2018; и др.].

Газета «Свободная земля» уже рассматривалась в предыдущих статьях К. Н. Максимова [Максимов 2021а; Максимов 2022], позволивших предложить и апробировать основные подходы к рассматриваемой проблеме. Дальнейший сбор материала и скрупулезное изучение доступных источников позволило автору развернуть высказанные в статьях положения в монографию объемом свыше 19 п. л.

Основой исследования стал глубокий анализ всех сохранившихся (31 из 50) номеров газеты «Свободная земля». Помимо этого, при подготовке монографии использованы и другие исторические и историографические источники, включая архивные и опубликованные документы, воспоминания, работы российских и зарубежных историков.

В рецензируемой монографии предложена авторская типология опубликованных на страницах «Свободной земли» материалов. В соответствии с данной типологией выстроена и структура книги, включающая введение, четыре главы, заключение и библиографию.

В первой главе приводятся общие сведения о выпуске газеты, причастных к ней лицах и их последующей судьбе. Главное внимание уделено передовицам газеты «Свободная земля», которые рассматриваются как наиболее яркие презентации нацистской пропагандой целей войны против СССР и фальсификации побед Германии. К. Н. Максимов приводит немало примеров использования в газетных публикациях прямой лжи и демагогии по многим вопросам, начиная с ответственности за начало войны, возлагавшейся на СССР. В духе нацистской пропаганды трактовались потери боеспособности Красной армии, кризис советской экономики, невозможность союзников повлиять на ход войны, превосходство германских вооруженных сил и другие вопросы. На основании анализа передовиц автор делает аргументированный вывод о том, что *«авторство их текстов не принадлежало местной оккупационной редакции, ее сотрудники являлись лишь техническими исполнителями, составившими их с учетом общих инструкций по программе нацистской пропаганды»* [Максимов 2023: 52].

Вторая и самая большая по объему глава посвящена сводкам Верховного командования германской армии. Сопоставляя приводимые в них сведения с информацией из других исторических и историографических источников, К. Н. Максимов показывает, как они представляли ход боевых действий на различных фронтах войны, в том числе и на юге РСФСР, с точки зрения военной пропаганды нацистов, прибегая к методам дезинформации.

Если указанные главы характеризуют особенности нацистской пропаганды в целом, то две следующие представляют особый интерес для исследователей германского «нового порядка», раскрывая не только различные направления оккупационной политики, но и ее пропагандистского обеспечения. В третьей главе автор рассматривает редакционные и авторские статьи, выходившие в рубрике «В освобожденных областях», в которых нацистские пропагандисты *«стремились убедить население оккупированных территорий в том, что гитлеровцы несут не только свободу, избавление от большевизма, но и высокую культуру, организацию труда»* [Максимов 2023: 174].

В завершающей четвертой главе дана характеристика публикаций приказов, распоряжений, воззваний и других документов органов оккупационной власти. Они выступают ценными источниками изучения вопросов управления оккупированными территориями, учета и принудительного привлечения к трудовой повинности местного населения, характеризуют политику грабежа и насилия захватчиков *«с целью снабжения своей армии продовольствием, сырьем, теплыми вещами, а также вывоза в Германию скота, сельскохозяйственной продукции, техники, сырья»* [Максимов 2023: 238].

Проведенное К. Н. Максимовым исследование показало, что газета «Свободная земля» является ценным документальным свидетельством использовавшихся приемов и методов ведения нацистами пропаганды с целью уничтожения России, порабощения ее народов, «расширения жизненного пространства» на Востоке. В монографии охарактеризованы жанровые особенности газетных материалов, их роль и значение в политике захватчиков. Книга содержит много неизвестной

ранее фактической информации об оккупации территории Калмыцкой АССР, в том числе сведений биографического характера о представителях оккупационной администрации.

Отдельные коллаборационистские газеты нечасто становятся предметом столь глубоких и основательных специальных исследований. Поэтому предложенная в рецензируемой монографии типология материалов, опубликованных в газете «Свободная земля», другие авторские положения и выводы могут быть взяты за основу и при изучении других печатных изданий, выходивших под контролем нацистов.

Нельзя не отметить хорошую предпечатную подготовку, высокое качество самой печати, прекрасное полиграфическое исполнение книги, вышедшей в центральном издательстве «Наука» при поддержке Фонда «История Отечества». К сожалению, авторские выводы сопровождается всего одна иллюстрация — заголовок газеты вместе с изображениями калмыцкого сокола [Максимов 2023: 24]. С учетом, несомненно, высокого интереса со стороны к монографии не только профессиональных исследователей темы, но и более широких кругов читателей, можно считать, что книге не помешали бы и другие иллюстрации.

Монография «Газета „Свободная земля“ немецких оккупантов как образец нацистской пропаганды» обладает несомненной исследовательской новизной и раскрывает сложные и неизвестные страницы истории Калмыкии в период оккупации, а также нацистской печатной пропаганды на захваченной противником советской территории в целом.

Источники

Без срока давности 2020 — Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Республика Калмыкия: [сборник архивных документов] / отв. ред. Р. Б. Тогаева. М.: Фонд «Связь Эпох»: Икс-Хистори, 2020. 398 с.

Sources

No Statute of Limitations: Crimes of the Nazis and their Accomplices against the Civilian Population in the Occupied Territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Republic of Kalmykia: [collection of archival documents] R. Togaeva (ed.). Moscow: "Link of Epochs" Foundation: X-History, 2020. 398 p. (In Russ.)

Литература

Горелкин 2003 — Горелкин В. А. Пропандистская деятельность нацистской Германии среди военнослужащих Красной Армии и населения временно оккупированных территорий СССР в период Великой Отечественной войны: 1941–1945 годы: дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2003. 197 с.

Грибков 2007 — Грибков И. В. Коллаборационистская пресса на оккупированных территориях СССР (1941–1945 гг.) // Отечественные архивы. 2007. № 6. С. 60–71.

References

Gorelkin V. A. Propaganda Activities of Nazi Germany among the Red Army Servicemen and the Population of the Temporarily Occupied Territories of the USSR during the Great Patriotic War: 1941–1945: Cand. Sc. (History) thesis. Volgograd, 2003. 197 p. (In Russ.)

Gribkov I. V. Collaborationist Press in the Occupied Territories of the USSR (1941–1945). *Otechestvennye Arhivy*. 2007. No. 6. Pp. 60–71. (In Russ.)

- Грибков, Молчанов 2007 — Грибков И. В., Молчанов Л. А. Русские газеты на оккупированной советской территории (1941–1944 гг.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2(16) С. 143–153.
- Gribkov I. V., Molchanov L. A. Russian Newspapers in the Occupied Soviet Territory (1941–1944) . *Novyj Istoricheskij Vestnik*. 2007. No. 2(16). Pp. 143–153. (In Russ.)
- Жуков, Ковтун 2015 — Жуков Д. А., Ковтун И. И. Антисемитская пропаганда на оккупированных территориях РСФСР, 1941–1944 гг. Ростов н/Д: Феникс, 2015. 283 с.
- Zhukov D. A., Kovtun I. I. Anti-Semitic Propaganda in the Occupied Territories of the RSFSR, 1941–1944. Rostov-on-Don: Feniks, 2015. 283 p. (In Russ.)
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 2. Элиста: Герел, 2009. 848 с.
- The History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Days: in 3 vols. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. 848 p. (In Russ.)
- Калмыкия 2005 — Калмыкия в годы Великой Отечественной войны. Элиста: Джангар, 2005. 312 с.
- Kalmykia during the Great Patriotic War. Elista: Dzhangar, 2005. 312 p. (In Russ.)
- Ковалев, Кулик 2020 — Ковалев Б. Н., Кулик С. В. Образ Белоруссии на страницах русской коллаборационистской прессы на Северо-Западе России (1942–1944 гг.) // Вопросы истории. 2020. № 10(2). С. 31–41.
- Kovalev B. N., Kulik S. V. The Image of Belarus on the Pages of the Russian Collaborationist Press in the North-West of Russia (1942–1944). *Voprosy Istorii*. 2020. No. 10(2). Pp. 31–41. (In Russ.)
- Ковалев, Кулик 2022 — Ковалев Б. Н., Кулик С. В. Иранская проблема в нацистской пропаганде на оккупированной территории Северо-Запада России (1942–1943 гг.) // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 2. С. 280–291. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-280-291
- Kovalev B. N., Kulik S. V. The Iranian Problem in Nazi Propaganda in the Occupied Territory of North-West Russia (1942–1943). *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 2. Pp. 280–291. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-280-291
- Кохан 2016 — Кохан А. А. «Моя идеология была чужда идеологии советского человека»: к вопросу о составе и деятельности редакционных коллегий газеты «Голос Крыма» в 1941–1944 гг. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 10(19). С. 154–164.
- Kokhan A. A. “My Ideology Was Alien to the Ideology of the Soviet Man”: On the Composition and Activities of the Editorial Boards of the Voice of Crimea Newspaper in 1941–1944. *Vestnik RGGU. Series “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies”*. 2016. No. 10 (19). Pp. 154–164. (In Russ.)
- Кохан 2019 — Кохан А. А. Структура и функционирование органов германской пропаганды в Крыму: 1941–1944 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2019. 393 с.
- Kokhan A. A. The Structure and Functioning of German Propaganda Bodies in Crimea: 1941–1944. Cand. Sc. (History) thesis. St. Petersburg, 2019. 393 p. (In Russ.)
- Кринко 2002 — Кринко Е. Ф. «Германская армия и ее союзники пришли к вам не как поработители, а как освободители всех кавказских народов...»: нацистская пропаганда на Северном Кавказе
- Krinko E. F. “The German Army and its Allies Came to you not as Enslavers, but as Liberators of all the Caucasian Peoples...”: Nazi Propaganda in the North Caucasus. In: *Informacionno-Analiticheskij North*

- // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Вып. 5. Майкоп: Меоты, 2002. С. 229–243.
- Максимов 2010 — Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2010. 406 с.
- Максимов 2012 — Максимов К. Н. Установление оккупационного режима нацистов в Калмыкии (август-декабрь 1942 г.) // Российская история. 2012. № 1. С. 116–130.
- Максимов 2013 — Максимов К. Н. Общественно-политическая ситуация в Калмыцкой АССР в 1943 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. Т. 6. № 3. С. 26–33.
- Максимов 2017 — Максимов К. Н. Германская оккупационная политика в августе-декабре 1942 г. и ее последствия // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 44–56.
- Максимов 2018 — Максимов К. Н. Репатриация советских граждан, угнанных фашистами в рабство в годы Великой Отечественной войны // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. Т. 11. № 2(36). С. 68–78.
- Максимов 2019 — Максимов К. Н. Разведывательно-диверсионные планы спецслужб фашистской Германии в Калмыкии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. №. 1. С. 109–122.
- Максимов 2021a — Максимов К. Н. Газета немецких оккупантов «Свободная земля»: парадигма фашистской пропаганды инвертированной цели войны против Советского Союза // *Oriental Studies*. 2021. № 14(6). С. 1226–1245. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1226-1245
- Caucasus. *Informacionno-Analiticheskij Vestnik. History. Ethnology. Archeology*. Maykop: Meots, 2002. No. 5. Pp. 229–243. (In Russ.)
- Maksimov K. N. The Great Patriotic War: Kalmykia and the Kalmyks. 2nd ed., suppl. Moscow: Nauka, 2010. 406 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. The Establishment of the Nazi Occupation Regime in Kalmykia (August-December 1942). *Rossijskaja Istorija*. 2012. No. 1. Pp. 116–130. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Socio-Political Situation in the Kalmyk ASSR in 1943. *Oriental Studies*. 2013. Vol. 6. No. 3. Pp. 26–33. (In Russ.)
- Maksimov K. N. German Occupation Policy in August-December 1942 and its Consequences. *Voprosy Istorii*. 2017. No. 1. Pp. 44–56. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Repatriation of Soviet Citizens Taken into Slavery by the Nazis during the Great Patriotic War. *Oriental Studies*. 2018. Vol. 11. No. 2(36). Pp. 8–78. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Reconnaissance and Sabotage Plans of the Special Services of Nazi Germany in Kalmykia during the Great Patriotic War. *Science Journal of Volgograd State University. Series 4. History. Area Studies. International Relations*. 2019. Vol. 24. No. 1. Pp. 109–122. (In Russ.)
- Maksimov K. N. The Newspaper of the German Occupiers “Free Land”: the paradigm of fascist propaganda of the inverted goal of the war against the Soviet Union. *Oriental Studies*. 2021. No. 14(6). Pp. 1226–1245. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1226-1245

- Максимов 2021б — *Максимов К. Н.* Труды тыла Калмыкии — фронту. Элиста: Калмыкия, 2021. 255 с.
- Максимов 2022 — *Максимов К. Н.* Парадигма нацистской пропаганды в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2022. № 10(1). С. 20–37.
- Максимов 2023 — *Максимов К. Н.* Газета «Свободная земля» немецких оккупантов как образец нацистской пропаганды. М.: Наука, 2023. 254 с.
- Нечай 2013 — *Нечай Е. Н.* Особенности функционирования коллаборационистской газеты города Таганрога «Новое слово» в 1941–43 гг. // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2013. Вып. 2. С. 238–243.
- Романько 2019 — *Романько О. В.* Военный коллаборационизм и нацистская печатная пропаганда на территории Крыма в 1941–1944 гг. (по материалам газеты «Голос Крыма») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. №. 1. С. 130–139.
- Терешина 2016 — *Терешина О. В.* Религиозная жизнь на оккупированной территории в освещении орловской газеты «Речь» (1941–1944 гг.) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2016. № 1. С. 97–108.
- Maksimov K. N. Home Front Workers of Kalmykia — to the Front. Elista: Kalmykia, 2021. 255 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. The Paradigm of Nazi Propaganda during the Great Patriotic War. *Voprosy Istorii* 2022. No. 10(1). Pp. 20–37. (In Russ.)
- Maximov K. N. The Newspaper “Svobodnaya Zemlya” of the German Occupiers as an Example of Nazi Propaganda. Moscow: Nauka, 2023. 254 p.
- Nechay E. N. Features of the Functioning of the Collaborationist Newspaper of the City of Taganrog “Novoe Slovo” in 1941–43. *Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Criticism*. 2013. Is. 2. Pp. 238–243. (In Russ.)
- Romanko O. V. Military Collaborationism and Nazi Printed Propaganda in Crimea in 1941–1944 (Based on Materials from the Voice of Crimea Newspaper). *Science Journal of Volgograd State University. Series 4. History. Area Studies. International Relations*. 2019. Vol. 24. No. 1. Pp. 130–139. (In Russ.)
- Tereshina O. V. Religious Life in the Occupied Territory as Covered by the Orel Newspaper “Rech” (1941–1944). *Vestnik RSHU. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies*. 2016. No. 1. Pp. 97–108. (In Russ.)

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

2025. Т. 17. № 1

Главный редактор — Куканова В. В.

Дата выхода: 5.09.2025. Формат 70х108/16.
Усл. печ. л. 16,63. Тираж 100 экз. Заказ 11-25.
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06
E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8